

Сказки Города Времени

ДИАНА УИНН ДЖОНС

Сказки Города Времени

ДИАНА УИНН ДЖОНС

Диана Уинн Джонс
Сказки Города Времени

Табите и Уильяму

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2019

© И. В. Горбунова, иллюстрации, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Похищение

В поезде был кошмар. Тогда, в сентябре тридцать девятого, стояла страшная жара, а железнодорожное начальство велело запереть все окна, чтобы дети, которыми был набит поезд, не вываливались наружу. Детей было несколько сотен, и почти все поднимали крик, стоило им завидеть корову. Их вывозили из Лондона из-за бомбежек, и мало кто из них знал, откуда берется молоко. У каждого из детей была при себе квадратная коричневая коробка с противогоазом и бирка с фамилией и адресом. У самых маленьких (которые постоянно плакали и писались) бирки висели на веревочке на шее.

Вивиан была одной из самых больших и привязала свою бирку к сумке-сетке, которую нашла ей мама для всего того, что не удалось затолкать в чемодан. Поэтому Вивиан боялась выпустить сетку из рук. Когда твоя

фамилия Смит, только и смотри, как бы тебя не перепутали с какими-нибудь другими Смитами. Вивиан старательно вывела на обратной стороне бирки фамилию и адрес кухни Марти, чтобы показать, что ее не просто так вывозят в деревню, как остальных детей, к первому, кто согласится ее взять. Кухня Марти после долгих уговоров пообещала встретить Вивиан с поезда и оставить у себя, пока не кончатся бомбежки. Но Вивиан никогда в жизни не видела кухню Марти и до смерти боялась разминуться с ней. Поэтому она с такой силой стискивала в руках сетку, что плетеные ручки пропитались потом, а на ладонях отпечатались красные узоры в виде косичек.

Половина детей и минуты не могла просидеть спокойно. Купе, где ехала Вивиан, то и дело наполнялось маленькими мальчиками в серых шортиках, с тощими ногами в толстых серых гольфах и с головами в серых школьных кепках, слишком большими для голых тощих шеек.

Иногда из коридора набегала толпа маленьких девочек в платьицах на вырост. Все они визжали. Среди каждой новой толпы всегда находилось штук три бирки с надписью «Смит». Вивиан сидела на своем месте как приклеенная и боялась, что кухня Марти заберет какую-нибудь не ту Смит, придет встречать не тот поезд, или что сама Вивиан примет за кухню Марти кого-нибудь не того, или ее заберет кто-нибудь, кто решит, что ей некуда идти. Она боялась, что выйдет не на той станции или что поезд везет ее не на запад Англии, а куда-нибудь в Шотландию. Или что она выйдет где надо, но кухни Марти там не окажется.

Мама положила в сетку сэндвичи, но у других эвакуированных никакой еды, похоже, не было. Вивиан совсем не хотелось есть одной, а детей кругом было так много, что на всех бы не хватило. К тому же она боялась снимать школьное пальто и берет, чтобы не потерять их. Пол в вагоне очень скоро оказался весь усыпан потерянными пальто, кепками и беретами, а кое-где и бирками. Среди них был даже один растоптанный противогаз.

Так что Вивиан сидела, потела и боялась. Когда поезд наконец подъехал к перрону – с пытением, драками, воплями, плачем и хохотом, – уже вечерело, и Вивиан успела перебрать в голове все, что только могло с ней приключиться, кроме того единственного, что приключилось на самом деле.

Название станции было замазано, чтобы обмануть врага, но проводники отперли двери, впуская волны прохладного воздуха, и закричали зычными деревенскими голосами:

– Всем выходить! Конечная!

Визг оборвался. Все дети остолбенели при мысли, что и вправду

прибыли в какое-то самое настоящее новое место. И поначалу робко, а потом, наступая друг другу на пятки, повалили наружу.

Вивиан вышла среди последних. Чемодан у нее застрял на багажной полке, и пришлось вставать на сиденье, чтобы снять его. Она тяжело спрыгнула на перрон – противогаз болтался на боку и больно бил ее своими углами, а обе руки были заняты чемоданом и сеткой – и поежилась от внезапной прохлады. Все кругом было незнакомое.

За станционными строениями виднелись желтые поля. Ветер отдавал мяжиной и коровьим навозом. Вдоль дальнего конца перрона беспорядочно толпились взрослые. Проводники и какие-то люди с официальными нарукавными повязками суетливо выстраивали детей в шеренгу перед взрослыми и распределяли по приемным домам. До Вивиан доносились крики: «Миссис Миллер, берите двоих! Вам положен один, мистер Паркер. Ой, вы брат и сестра? Мистер Паркер, сможете взять двоих?»

«Мне лучше туда не лезть, – подумала Вивиан. – Тогда хотя бы одно опасение не сбудется». Она осталась одна посреди перрона, уповая на то, что так кузине Марти будет легче сообразить, кто она. Но никто из толпы встречающих даже не смотрел в ее сторону.

– Мне что, одних грязных выдают? Так дело не пойдет! – возмутился кто-то, и это привлекло всеобщее внимание. – Дайте мне двоих чистых, и тогда я возьму двоих грязных, всего четыре. Иначе я уйду.

Вивиан заподозрила, что ее опасения оправдались: кузина Марти не пришла. Она поджала губы, чтобы не расплакаться – по крайней мере, не расплакаться прямо на перроне.

Чья-то рука протянулась из-за спины Вивиан и перевернула бирку на сетке.

– Ага! – сказал кто-то. – Вивиан Смит!

Вивиан резко развернулась. И столкнулась с царственным темноволосым мальчиком в очках. Он был выше Вивиан, уже такой большой, что носил длинные брюки, то есть был старше ее на год, не меньше. Мальчик улыбнулся ей, отчего глаза за стеклами очков смешно сощурились и на веках появились складочки.

– Вивиан Смит! – сказал он. – Ты, наверное, не знаешь, но я твой потерянный родственник!

«Ой, – подумала Вивиан, – а ведь Марти и правда мужское имя! Я все напутала!»

– Точно? – спросила она. – Ты Марти?

– Нет, меня зовут Джонатан Уокер, – сказал мальчик. – Джонатан Ли Уокер.

Он так подчеркнул это «Ли», что стало ясно, что он им почему-то очень гордится. Но Вивиан показалось, что в этом мальчике есть что-то странное, что-то в нем не так, как надо, только непонятно, что именно, и от страха ей было все равно, как именно его зовут.

– Это недоразумение! – затараторила она. – Меня встретит кузина Марти!

– Кузина Марти ждет внизу, – успокоил ее Джонатан Ли Уокер. – Дай помогу донести чемодан.

Он протянул руку. Вивиан рывком убрала за спину сетку, и тогда он подхватил чемодан с перрона и зашагал через станцию.

Вивиан заторопилась следом – противогаз бил по спине, – чтобы спасти чемодан. Мальчик прошагал прямо к залу ожидания и распахнул дверь.

– Куда это ты? – пропыхтела Вивиан.

– Срежем напрямик, дорогая В. С., – отвечал Джонатан Ли Уокер и с успокаивающей улыбкой придержал дверь.

– Отдай! – Вивиан вцепилась в чемодан.

Теперь она была уверена, что мальчик – воришка. Но едва она перешагнула порог, как Джонатан Ли Уокер галопом помчался, топоча, по голым доскам зальчика к глухой задней стене.

– Сэм, забирай нас! – заорал он, так что весь зал зазвенел от эха.

Вивиан решила, что он спятил, и снова вцепилась в чемодан. И тут все вокруг подернулось серебром.

– Где это мы? – пролепетала Вивиан.

Они очутились в тесной серебристой кабинке вроде какой-то шикарной телефонной будки, где можно было уместиться, только тесно прижавшись друг к другу. Вивиан в отчаянии дернулась прочь и сшибла со стены какую-то деталь чего-то вроде телефона. Джонатан молнией обернулся и со стуком водворил деталь на место. Вивиан почувствовала, как противогаз впивается мальчишке в бок, и понадеялась, что ему больно. За спиной у нее не было ничего, кроме голой серебряной стены.

Гладкая серебристая поверхность перед Джонатаном скользнула вбок. На них встревоженно уставился маленький мальчик с довольно длинными золотистыми, почти рыжими волосами. Когда он увидел Вивиан, то лицо у него от облегчения расплылось в улыбке – два крупных зуба посередке.

– Ты ее нашел! – Он вынул из левого уха что-то вроде наушника. Эта штучка была чуть больше горошины, но от нее к стене серебряной кабинки тянулся серебристый провод, вот Вивиан и решила, что это наушник. – Работает, – сказал мальчик, наматывая провод на пухлую руку. – Я вас прекрасно слышал.

– А я нашел ее, Сэм! – победно отозвался Джонатан и шагнул из серебряной кабинки наружу. – Узнал и увел у них прямо из-под носа!

– Отлично! – сказал маленький мальчик и повернулся к Вивиан. – А теперь мы будем пытаться тебя, пока ты не расскажешь нам все, что мы хотим узнать!

Вивиан стояла в кабинке, вцепившись в сетку, и глядела на него со смесью изумления и неприязни. Мальчишек такой породы мама называла «неотесанными» – у них громкие голоса и тяжелые ботинки с вечно развязанными шнурками. Вивиан невольно глянула на его ботинки. Ничего себе ботинки! Белые, стеганные, в красный горошек. Ну и конечно, один красно-белый шнурок волочился по мраморному полу. И в довершение всего Сэм, кажется, был в пижаме – Вивиан не знала, как еще назвать его мешковатый комбинезон с широкой красной полосой от левого плеча к правой щиколотке. Этот красный цвет, по ее мнению, совсем не шел к его рыжим волосам, к тому же она еще никогда не видела мальчиков с настолько длинными волосами.

– Я же говорил тебе, Сэм, – сказал Джонатан, водрузив чемодан Вивиан на низкий стол, который Вивиан смутно различала у Сэма за спиной, – я же говорил, что от пыток толку не будет. Вероятно, она знает столько, что вправе сама нас пытаться. Лучше прибегнем к вежливым уговорам. Дорогая В. С., прошу тебя, выйди из кабины и посиди здесь, а я пока сниму маскировочный костюм.

Вивиан обернулась и еще раз посмотрела на глухую блестящую стену кабины. Поскольку назад пути не было, она шагнула вперед.

Сэм попятился от нее со слегка испуганным видом, и от этого Вивиан сразу полегчало, но потом дверь кабины за спиной у нее задвинулась с тихим шелестом, и в комнате сразу стало темно. Похоже, здесь была ночь, – вот, наверное, почему у Вивиан возникла мысль, что Сэм разгуливает в пижаме. Только уличный фонарь светил в причудливое окно, но в его тусклом свете Вивиан все равно разглядела, что попала в какую-то ультрасовременную контору. У дальней стены стоял огромный полукруглый стол, вокруг висели всякие штуковины, напомнившие Вивиан телефонный коммутатор. Но вот что странно: стол оказался не стальной и не хромированный, как полагается ультрасовременному конторскому столу, а деревянный, с красивой резьбой, старинной на вид и шелковисто отблескивающей в неярком голубоватом свете. Вивиан с сомнением разглядывала его, усаживаясь на странноватый стул у входа в кабинку. И едва не вскочила, когда стул под ней зашевелился и принял ее форму.

Но тут Джонатан начал прямо при Вивиан срывать с себя одежду.

Вивиан оцепенела на шевелящемся стуле и не знала, что и думать: это она сошла с ума или все-таки Джонатан? И что ей делать – отвернуться или не надо? Сначала Джонатан сорвал серый пиджак из шерстяной фланели. Потом развязал полосатый галстук и бросил его на пол. Потом – Вивиан все-таки отвернулась, но только наполовину – вылез из длинных серых фланелевых брюк. Впрочем, ничего страшного не произошло: под всем этим у Джонатана оказался такой же комбинезон, как у Сэма, только у него по рукавам и штанинам шли темные ромбы.

– Великое Время! – воскликнул Джонатан и швырнул штаны поверх пиджака. – До чего же гадостные одежды! Колются даже сквозь комбинезон. Как только эти, из двадцатого века, их терпели? А вот это?! – Он сорвал с носа очки и нажал кнопку на ремне поверх комбинезона.

Воздух у него перед глазами замерцал и жутковато заколыхался в голубом свете. Складочки на веках стали заметнее. Вивиан увидела, что у Сэма тоже есть такие складочки.

– Зрительная функция – это же гораздо проще. – Джонатан стянул с головы полосатую школьную кепку, и ему на плечо упала коса в добрый фут длиной. – Так-то лучше! – Он бросил на пол и кепку тоже и потер шею под косой, чтобы не было слишком туго.

Вивиан вытаращилась на него. Она в жизни не видела, чтобы у мальчиков были такие длинные волосы! Более того, она, хоть раньше и не задумывалась об этом, пребывала в убеждении, что у них волосы от рождения короткие, а длинные отрастают только у девочек. Но коса у Джонатана была в два раза длиннее, чем у нее. Может, он китаец и ее по волшебству перенесло на Восток? Но Сэм-то точно не китаец. Рыжий китаец – где это видано?!

– Вы кто? – спросила она. – Это всё где?

Джонатан повернулся к ней с видом крайне серьезным и царственным – и не то чтобы китайским.

– Мы – Джонатан Ли Уокер и Сэмюэль Ли Донегал, – провозгласил он. – Мы оба Ли. Мой отец – тысячный Вековечный. Вековечный – это глава Совета Времени при Хронологе, на случай, если в твоё время таких не было. А отец Сэма – командир Временного Дозора. Мы считаем, что это дает нам право разговаривать с тобой. Добро пожаловать домой. Ты только что прошла сквозь личный временной шлюз отца Сэма и вернулась в Город Времени.

Все-таки произошла ошибка, уныло подумала Вивиан. Причем ошибка в десять тысяч раз глупее, чем те, что она навоображала себе в поезде. Вивиан сжала губы. «Нет, плакать я не буду!» – сказала она себе.

– Я не поняла ни слова из всего, что ты сказал, – проговорила она. – Что значит «Добро пожаловать домой»? Где он, этот Город Времени?

– Ну ладно, ладно, В. С. – Джонатан положил руку на спинку удивительного кресла и склонился над Вивиан, как следователи на допросах в фильмах, которые мама не разрешала Вивиан смотреть. – Город Времени неповторим. Он выстроен на участке пространства-времени, существующем вне времени и истории. Ты знаешь о Городе Времени все, В. С.

– Нет, не знаю, – отрезала Вивиан.

– Нет, знаешь. Этот город построил твой муж, – заявил Джонатан, уставясь своими жуткими глазами за мерцающей завесой прямо в глаза Вивиан. – В. С., мы хотим, чтобы ты рассказала нам, как пробудить Фабера Джона. А если он не спит под городом, скажи нам, как его найти.

– Нет у меня никакого мужа! – воскликнула Вивиан. – Вы в своем уме?

Сэм, шумно и сипло сопевший по другую сторону от Вивиан, сказал:

– По-моему, она ужасно глупая. Как ты думаешь, может, ей повредило мозги во время Ментальных войн?

Вивиан вздохнула и в отчаянии оглядела удивительную темную контору. Неужели она и правда вне времени? Или эти двое просто не в своем уме?

Между тем мальчишки явно вбили себе в голову, что она какая-то другая Вивиан Смит. Как же ей теперь убедить их, что она не та, которая им нужна?

– Все у нее в порядке с мозгами, – уверенно ответил Джонатан. – Она просто изображает дурочку, чтобы мы решили, что ошиблись. – Он снова склонился над Вивиан. – Послушай, В. С., – ласково продолжил он. – Мы ведь не ради себя просим. Речь обо всем Городе Времени. Этот клочок пространства-времени практически истощился. Город рухнет, если ты не скажешь нам, где найти Фабера Джона, чтобы восстановить город. А если ты до того ненавидишь его, что не хочешь нам ничего рассказывать, скажи хотя бы, где полюса и как вернуть их на место. Мы же не слишком многого просим, правда, В. С.?

– Да хватит уже называть меня Вэ-Эс! – едва не завизжала Вивиан. – Я же не...

– Ты она и есть, В. С., – сказал Джонатан. – Твое появление в Первую нестабильную эпоху было зарегистрировано в виде волны хрононов. Мы слышали, как это обсуждали в Хронологе. Так что мы точно знаем, кто ты. Итак, как же нам разбудить Фабера Джона, а, В. С.?

– Я не знаю! – заорала на него Вивиан. – Не знаю, за кого вы меня

принимаете, но я не она! Я вас не знаю, и вы меня не знаете! Меня эвакуировали из Лондона к кузине Марти из-за войны, и лучше бы вы вернули меня, где взяли! Ты похититель! – По щекам у нее хлынули слезы. Она принялась копаться в сетке в поисках носового платка. – И ты тоже! – добавила она, поглядев на Сэма.

Сэм подался вперед и пристально оглядел ее, сопя ей в лицо:

– Она плачет. Она правду говорит. Ты ошибся и забрал не ту.

– Да нет же! – Джонатан презрительно фыркнул.

Но когда Вивиан разыскала платок, спрятала за ним почти все лицо и посмотрела поверх на Джонатана, ей стало понятно, что у него зародились сомнения.

Вивиан изо всех сил постаралась их подкрепить.

– Я впервые слышу про Фабера Джона и про Город Времени тоже, – сказала она, стараясь не всхлипывать. – И я еще маленькая, у меня не может быть мужа, сами видите. День рождения у меня сразу после Рождества, и мне исполнится всего двенадцать. А у нас, знаете ли, не Средневековье.

Сэм понимающе покивал и объявил:

– Так и есть. Она просто обычный абориген из двадцатого века.

– Но я же узнал ее! – Джонатан нервно зашагал по конторе.

Его мерцающее лицо омрачилось – похоже, он начал подозревать, что повел себя как дурак, а он был из тех мальчиков, кто нипочем не допустит, чтобы его считали дураком. Вивиан поняла, что, если хорошенько его убедить, он тут же вернет ее на станцию, а сам постарается поскорее забыть о случившемся.

Поэтому она шмыгнула носом, сморгнула последние, как она надеялась, слезы и сказала:

– Конечно, у меня на бирке написано «Вивиан Смит», но Смит – очень распространенная фамилия. Да и Вивиан – тоже довольно частое имя. Возьмите хотя бы Вивьен Ли – ее на самом деле зовут так же, как меня, только пишется иначе.

А вот этого, оказывается, говорить не стоило. Джонатан обернулся и вытаращился на нее.

– А ты ее откуда знаешь? – с подозрением спросил он.

– Я ее не знаю. То есть она кинозвезда, – пояснила Вивиан.

Она поняла, что для Джонатана эти слова ничего не значат. Он пожал плечами.

– Общем ее багаж, – предложил он Сэму. – Что-то да пойдем.

Вивиан и рада была бы сесть на чемодан, прижать сетку к груди и

возмущенно отказаться, но она с отвагой, порожденной отчаянием, ответила:

– Делайте что хотите. Только, если ничего не найдете, доставите меня обратно на станцию.

– Пожалуй, – сказал Джонатан.

Вивиан была уверена, что слово он сдержит. И постаралась не очень огорчаться, когда Джонатан подтащил чемодан поближе к пятну света из непривычного окна и начал решительно распаковывать вещи. Сэм занялся сеткой. Вивиан разложила ее на коленях, чтобы Сэму было удобнее: так ей было проще отвлечься от мысли, что Джонатан сейчас перетряхивает все ее новые теплые панталоны. Хорошо бы еще Сэм так не сопел. Первым делом Сэм обнаружил ее сэндвичи.

– Можно, я их съем? – спросил он.

– Нет, – отрезала Вивиан. – Я проголодалась.

– Я дам тебе половину, – ответил Сэм. Похоже, он считал, что это очень щедро с его стороны.

Джонатан выпрямился, держа в руках новый лифчик Вивиан с резинками, чтобы прицеплять теплые чулки.

– Это тебе зачем? – Ему явно было непонятно, что это.

Щеки у Вивиан запылали.

– Положи на место!

– Корсет, – высказался Сэм с набитым ртом.

Откуда-то снаружи донеслось жужжание. По всем углам зажегся свет, сначала тусклый, потом все ярче и ярче, и быстро залил всю комнату. Он высветил Джонатана, застывшего у окна – в одной руке лифчик Вивиан, в другой ее парадный джемпер. При ярком свете мерцающая пелена у него перед глазами сделалась едва видна, а ромбы на костюме оказались темно-фиолетовыми. Сэм тоже застыл с третьим сэндвичем в руке.

– Кто-то идет! – зашептал Джонатан. – Наверное, услышали, как она орет!

– Регулярный обход, – сипло шепнул в ответ Сэм.

– Почему ты меня не предупредил? Бежим! – шепнул Джонатан.

Он затолкал все обратно в чемодан и надавил на крышку.

Сэм схватил сетку вместе с подолом юбки Вивиан и потянул. Вивиан понимала, что сейчас произойдет что-то ужасное. И не сопротивлялась, когда Сэм протащил ее по мраморному полу за огромный резной стол.

– Прячься! – зашипел он. – Быстро!

В полукруглом столе была глубокая выемка, чтобы человек, сидящий за ним, мог крутиться в разные стороны, дотягиваться до рядов

переключателей и при этом не задевал ни за что коленками. Сэм пихнул туда Вивиан и сам нырнул следом. Не успела она даже сесть как следует, как к ним втиснулся и Джонатан, волоча за собой чемодан.

В итоге Вивиан полулегла на бок, и ей было отлично видно комнату в просвет под столом. Посреди мраморного пола валялся ее последний сэндвич, завернутый в бумагу, а рядом – охапка серой фланелевой одежды Джонатана.

Джонатан тоже их увидел.

– Да чтоб его! – шепнул он, метнулся за ними и вернулся, не успела Вивиан оправиться от потрясения из-за того, что он ругался нехорошими словами. – Ни звука! – пропыхтел он. – Если нас найдут, тебя могут даже застрелить!

Вивиан посмотрела сначала на него, потом на Сэма, не зная, стоит ли этому верить.

Вид у мальчиков был напряженный, точь-в-точь как в фильмах у тех, за кем охотятся гангстеры с пистолетами. От этого все для Вивиан сразу сделалось совершенно ненастоящим, будто в кино. Она протянула руку и отобрала у Джонатана последний сэндвич, пока до него не успел дотянуться Сэм. И вгрызлась в него. Она жевала хлеб, который мама при ней намазывала маслом, с сардинами, которые помогала маме разминать на кусочки, и ей становилось легче. Сэндвич напомнил ей, что где-то по-прежнему идет настоящая жизнь.

Она еще ела, когда дверь зарокотала и свет стал ярче. По белому с серыми прожилками полу проклацали две пары тяжелых сапог. Вивиан смотрела из-под стола, как они топают туда-сюда: это те, кто вошел, осматривали комнату. Джонатана рядом начало трясти, а Сэм принялся мелко всхрапывать, стараясь дышать бесшумно, но Вивиан ничему не верила и ела себе свой сэндвич.

– Похоже, здесь чисто, – приглушенно пророкотал владелец одной пары сапог.

– Как-то странно, – пробурчал второй голос – вроде бы женский. – Пахнет рыбой. Сардинами. Чувствуешь запах сардин?

Вивиан затолкала в рот остатки сэндвича и зажала его обеими руками, чтобы не рассмеяться. Лицо у Джонатана побелело как полотно, и вся царственность разом слетела. Он мгновенно превратился из великого инквизитора в перепуганного мальчишку, попавшего в настоящую беду. Сэм совсем перестал дышать. Лицо у него становилось все краснее и краснее, а глаза, полные ужаса, косились на Вивиан с ее сэндвичем. Вивиан понимала, что мальчишкам не до шуток, но ее все равно разбирал смех.

– Нет, – ответил мужской голос. – Ничем не пахнет.

– Тогда, если на командира завтра нападет бешеная сардина, ты будешь виноват! – сказала женщина.

Оба засмеялись. Потом женщина сказала: «Пошли», и сапоги заклацали прочь.

Дверь зарокотала. Через некоторое время свет потускнел. Сэм тут же выдохнул – получилась чуть ли не рев – и рухнул на живот, ловя воздух ртом:

– Я сейчас умру!

– Да не умрешь ты. – Голос у Джонатана дрожал и срывался. – Заткнись и сядь. Нам надо подумать, что теперь делать!

Вивиан понимала, что у Джонатана сдали нервы. Теперь ее очередь проявить твердость.

– Я вам скажу, что делать, – заявила она. – Откройте ту серебряную кабину, пустите меня туда и отправьте обратно на станцию, где я встречусь с кузиной Марти.

– Нет, ни за что, – отрезал Джонатан. – Мы не можем. Если мы снова ее включим, будет третий раз, и это зарегистрирует компьютер. Он всегда засекает нечетные номера на случай, если кто-нибудь из разведчиков отправится с заданием и потеряется. И тогда узнают, что мы нарушили закон. И тут же на нас набросятся. Мы же прямо в штаб-квартире Временного Дозора, в самом их гнезде. Ты что, не понимаешь?!

Глава вторая

Кузина Вивиан

– Нет, не понимаю! – отрезала Вивиан.

Она прекрасно видела, что те клацающие башмаки разом заставили мальчишек вспомнить о том, что здесь считалось настоящей жизнью. До этого у них были приключения, подумала она. А теперь веселье кончилось. Она разозлилась.

– Что за закон вы нарушили? При чем здесь я?

– Двадцатый век входит в Нестабильную эпоху, – сказал Джонатан. – По закону запрещено проносить сюда из Нестабильных эпох даже неодушевленные предметы, а за людей наказывают гораздо строже. А возвращать обратно людей, которые видели Город Времени, – самое страшное преступление.

– За это нас отправят в историю, – потрясенным шепотом произнес Сэм

и задрожал. Вивиан заметила, что Джонатан дрожит еще сильнее. – А с ней что сделают?

– Что-нибудь еще хуже. – Зубы у Джонатана слегка застучали.

– Могли бы и заранее подумать! – возмутилась Вивиан. – Как мне теперь быть?

Джонатан встал на колени.

– Я думал, что подумал! – простонал он. Потом вылез из-под стола и повернулся лицом к Вивиан. Лицо у него в тусклом голубом свете было испуганное и измученное. – Я был совершенно уверен, что ты... Слушай, можешь дать мне честное слово, поклясться божественным Мао, Кеннеди или Кораном или чему ты там поклоняешься, что ты действительно просто обычный человек из двадцатого века и не имеешь никакого отношения к Фаберу Джону?

– Могу поклясться на Библии, – ответила Вивиан. – Но ты и без этого мог бы сообразить, когда человек говорит правду и не притворяется.

К ее удивлению, Джонатан воспринял это спокойно.

– Да, конечно. Я заподозрил неладное, когда увидел, какое у тебя сделалось лицо при виде моей косы. Но я до сих пор не понимаю, как так получилось! Давайте уйдем отсюда и подумаем, как быть.

Скорчившись за столом, они заново уложили чемодан Вивиан и попытались затолкать туда и фланелевый костюм Джонатана. Влезли только брюки. Пиджак пришлось сунуть в сетку, а кепку и галстук – в коробку с противогазом. Ее взял Сэм. Джонатан тащил чемодан, а Вивиан по-прежнему прижимала к себе сетку. У нее было такое чувство, что стоит ей выпустить сетку хоть на миг, и она перестанет быть Вивиан Смит и превратится в кого-то совсем другого.

У двери в контору Сэм вытащил гремющую связку... нет, не ключей. Это были прямоугольнички, кажется, из пластмассы. Сэм вставил один в щель у двери.

– Стянул у отца, – объяснил он громким гордым шепотом. Дверь отъехала в сторону, а потом, как только они вышли, скользнула на место. Они прокрались по очереди высоких коридоров, где вдалеке и за углами включались и гасли лампы – это два охранника совершали свой обход. От этого становилось не по себе, зато Вивиан видела, что все здание выстроено из мрамора и выглядит так же ультрасовременно, как та контора, только в самой вышине, под потолком, были рельефы и статуи, от которых все выглядело совсем не ультрасовременно. В полумраке Вивиан различала ангельские лица, крылатых львов и вроде бы полулюдей-полуконей. Будто во сне.

«Прямо как в песне: „Мне снился богатый чертог колдовской...“ – подумала Вивиан. – Наверное, уснула в поезде и вот теперь мне это снится».

Мысль была утешительная, но Вивиан сомневалась, что спит. В поезде было до того шумно, что не уснешь.

Они на цыпочках прошли по узкой мраморной лестнице, которая вела вроде бы в роскошный вестибюль. Там света было гораздо больше. Вивиан видела большие стеклянные двери вдали и полукруг серебряных кабинок вроде той, через которую она сюда попала. Их, наверное, было штук сто, и еще сто выстроились полукругом у противоположной стены, хотя их отчасти закрывала гигантская мраморная лестница. Это было настоящее чудо. Каменные ступени двигались. Вивиан с мальчишками пришлось спрятаться под ней, пока охранница медленно прошла через зал, держа руку на чем-то вроде пистолета на поясе, и Вивиан слышала, как над ними негромко урчат ступени. Ей стало интересно, как же это все устроено.

Охранница скрылась за большой круглой конструкцией в центре зала. Джонатан и Сэм схватили Вивиан и метнулись в противоположную сторону, вглубь здания, где снова начались коридоры – и наконец нашлась дверка черного хода. Сэм остановился, сунул в щель еще одну карточку, дверь открылась и выпустила их.

Ультрасовременное вмиг сменилось очень древним. Снаружи оказался узенький проулок из покосившихся каменных домишек. К одному из них вдали был приделан фонарь, освещавший булыжную мостовую и сточную канаву посередине.

Воздух был холодный и свежий. От него у Вивиан сразу закружилась и заболела голова.

Сэм и Джонатан ринулись в темный конец проулка. Вивиан засеменила следом, ей в подошвы впивались булыжники мостовой. В конце проулка оказалась толстая старая арка, и под ней было темно, как ночью, а потом они очутились на квадратной площади, залитой голубым светом, и бросились через нее к какому-то строению, похожему на церковь.

– Нет, тут никогда не заперто, – шепнул Джонатан Сэму, пока они скакали по ступеням ко входу в церковь – коса так и прыгала у него за плечами. – А я оставил обе двери в Годишный дворец открытыми – так, на всякий случай.

И правда, массивная дверь щелкнула, плавно отворилась и пропустила их внутрь.

«Какая маленькая церковь! – удивилась Вивиан. – Да и запах совсем другой!»

Обычно в церквях не пахнет так тепло и пыльно. К тому же здесь трудно было что-то разглядеть, даже труднее, чем раньше, потому что голубой свет фонаря лился в высокие разноцветные окна. В полосах туманного сине-зеленого цвета виднелись ряды кожаных стульев, не очень похожих на церковные скамьи, а пятно темно-фиолетового цвета лежало на чем-то вроде трона в дальнем конце, над которым было что-то вроде мерцающего балдахина. Косой штрих оранжево-синего света на стене показал Вивиан кусочек прекрасной картины – ей редко приходилось видеть такую красоту.

– Престол Фабера Джона, – прошептал Джонатан, показав на трон, пока вел всех по проходу. – Это Хронолог, зал заседаний Совета Времени.

– Мы отперли дверь и подслушивали, – сказал Сэм.

– Так мы узнали про кризис и про план захвата тебя, то есть настоящей В. С., – объяснил Джонатан.

Они прошли направо, и Вивиан очутилась перед какой-то блестящей штуковиной, тоже подсвеченной лиловым, в которую упирался проход между сиденьями. Символ напоминал крылатое солнце и был весь усыпан камнями.

– Эмблема Вековечности, – прошептал Джонатан. – Чистое золото. В левом крыле – «Кохинур», в правом – «Звезда Африки». – И мимоходом нежно похлопал штуковину.

Для Вивиан это было слишком. «Точно сплю! – решила она. – Я же знаю, что эти бриллианты хранятся в другом месте!»

– Подарены Городу Времени исландским императором в семьдесят втором веке. – Джонатан открыл низенькую тяжелую дверку.

Но Вивиан была как во сне и слушала его вполуха. Она сонно прошла по длинному темному коридору за дверь, которая жутко скрипела, и очутилась в доме, похожем на старинное поместье. Там снова началась беготня по бесконечным темным деревянным лестницам. «Ну и сон, все в нем не так, как надо! – подумала Вивиан, когда у нее заныли ноги. – Неужели нельзя было сделать лифт или хотя бы эскалатор?» И такой кавардак в голове продолжался, пока она не очутилась в очередном странном кресле в большой комнате, где вместо мебели были пустые каркасы – словно детская площадка с лазалками.

Джонатан зажег свет и прислонился к двери:

– Уф! Пока что спаслись. А теперь надо как следует подумать.

– Я не могу думать, – отозвался Сэм. – Я есть хочу. Она тоже. Сама мне говорила.

– Мой автомат опять барахлит, – сказал Джонатан. – Если я заставлю

его заработать, что тебе сделать?

– Масляное парфе из сорок второго века, – ответил Сэм таким тоном, как будто это было очевидно.

Джонатан подошел к какой-то штуке на стене перед Вивиан. Вивиан приняла ее за музыкальный инструмент. Там были клавиши, как у пианино, и трубы, как у церковного органа, и еще она была сверху донизу в позолоченных гирляндах и завитках, слегка потертых и облупившихся, как будто инструмент знал лучшие дни. Джонатан ударил по белым клавишам. Ничего не произошло, и тогда он замолотил по трубам. Штуковина запыхтела, закричала, слегка затряслась, и Джонатан яростно пнул ее снизу. Наконец он взял что-то вроде обычной школьной линейки и потыкал в узкую щель со шторкой под трубами.

– Масляное парфе он сделал, – сообщил он, заглянув вовнутрь. – А вот функция двадцатого века, похоже, сломалась. Ни тебе пиццы, ни жвачки. Ты как относишься к еде из других веков? – не без тревоги спросил он у Вивиан.

Про пиццу Вивиан слышала впервые в жизни, но решила, что слово вроде бы итальянское, поэтому пицца, скорее всего, совсем не похожа на привычную английскую еду. Впрочем, Вивиан уже давно перестала удивляться.

– Да я хоть динозавра съем! – призналась она.

– Динозавр не динозавр, но почти. – Джонатан поднес к пустому каркасу возле Вивиан охапку маленьких белых цветочных горшочков и вывалил их прямо в воздух – и они не упали, а остались стоять прямо в пустоте. – Масляное парфе. – Джонатан вручил Сэму один горшочек с торчащей в нем палочкой. – Еще он сделал тебе суп из морской капусты, квашеную сою, две коврижки из кэроба и лапшу с рыбой.

Сэм вытащил из горшочка палочку с комковатым желтым мороженым на конце.

– Объеденье! – взревел он, прямо как великан-людоед из сказки.

– Э-э... а что тут где? – Вивиан посмотрела на незнакомые значки на других горшочках. – Я не могу разобрать слова.

– Прости, – сказал Джонатан. – Это универсальные символы тридцать девятого века. – Он поставил перед ней горшочки, а себе тоже взял масляное парфе.

Вивиан обнаружила, что горшочки словно застряли в воздухе. Ей пришлось тянуть с усилием, чтобы взять их. Горшочки были заклеены, и крышечки нужно было отрывать, а потом, если для еды требовалась ложка или вилка, крышечка сама сворачивалась и принимала нужную форму. Суп

из морской капусты оказался жуткой гадостью – вроде соленой болотной воды. Зато квашеная соя была очень даже ничего, если макать в нее коврижку. А лапша с рыбой...

– Да я лучше папину наживку для рыбалки съем! – Вивиан поспешно отставила горшочек в сторону.

– Сейчас сделаю тебе масляное парфе, – сказал Джонатан.

– И мне! – встрепенулся Сэм.

Церковному органу снова крепко досталось – удар, два пинка и тычок в шторку, – и Вивиан и Сэм получили по горшочку с палочкой. Пустые горшочки Джонатан выбросил в каркас возле органа, и они исчезли.

– Теперь нам надо все обсудить, – заявил он, когда Вивиан с сомнением вынула из горшочка шишковатый комок. – Мы все нарушили закон, и попадаться нельзя. Если бы В. С. была настоящая В. С., еще ничего, но она ненастоящая, так что надо придумать, где ее спрятать.

Вивиан страшно надоело, что ее называют В. С. И она возмутилась бы, если бы в этот самый миг не откусила кусочек масляного парфе.

Рот у нее наполнился восхитительным вкусом всего сливочно-масляного, что она только пробовала в жизни, с легким оттенком тянучки и двадцати еще более чудесных и совершенно незнакомых вкусов. И все это было ледяное.

Это было так чудесно, что она только и сказала:

– Вы передо мной в долгу и обязаны все объяснить. Что вы затеяли?

– Спасти Город Времени, что же еще! – прочавкал Сэм с полным ртом масляного парфе. – Мы подслушали, что говорили в Хронологе. Так и узнали, где тебя искать.

– Отсюда есть проход в Хронолог, – сказал Джонатан. – Но его держали под замком с тех самых пор, как моего отца избрали Вековечным, вот мне и стало интересно, что там. Ну я и попросил Сэма закоротить замок, и... в общем, мы выяснили, что проход ведет в Хронолог, приоткрыли дверь и услышали, о чем они там говорят. Они обсуждали кризис...

– Только я ни слова не понял, – вставил Сэм, как будто с его стороны это было очень умно. – Совсем не так, как в легендах.

– Еще бы! – с чувством воскликнул Джонатан. – Сплошные полюса, хрононы и критические циклы, но ту часть, где говорилось про то, что Город Времени истощил запас прочности, я худо-бедно понял. Понимаешь, Город истощил свой участок пространства-времени, и теперь придумывают, как переместить его на другой участок. На месте его удерживают такие штуки, которые называются полюса, их запускают в историю, будто якоря, но никто не знает, как это делается, кроме Фабера

Джона. Это даже сам доктор Леонов признаёт, я слышал. И вот тут на сцену выходит В. С.

– Кто она такая? – спросила Вивиан.

– Владычица Времени, – ответил Сэм. – И она в ярости.

– Ага. Но чтобы это понять, нам пришлось поломать голову, – сказал Джонатан. – Для этого мы увязали разговоры в Хронологе с легендами. В Хронологе рассуждали по-научному – мол, кто-то движется сюда из Первой нестабильной эпохи на волне темпоронов и хрононов и от этого всюду войны и перевороты. И я решил, что это наверняка Владычица Времени. В истории говорится, что Фабер Джон и его жена поссорились из-за того, как надо править Городом Времени, и она заманила его под город и там усыпила. Говорят, он до сих пор там и, пока он спит, городу ничего не грозит. Но если город окажется в опасности, Фабер Джон пробудится и придет нам на помощь. Мы следуем легендам. Мы знаем, что ты... что Владычица Времени ненавидит Фабера Джона и город, потому что в последний момент он понял, что она обманула его, и зашвырнул ее в историю. Мы считаем, что она хочет вернуться и разрушить Город, раз он все равно обветшал.

– Вот это я плохо понимаю, – сказал Сэм.

Он сидел на полу по-турецки и облизывал палочку от масляного парфе.

– Да, голова идет кругом, – согласился Джонатан. Вивиан видела, как он гордится, что все увязал. – В Хронологе, похоже, уверены, что Владычица Времени поймет все правильно, когда они ее найдут и расскажут про кризис. Думаю, ссора у них с Фабером Джоном вышла в основном политическая.

Он вопросительно взглянул на Вивиан. Вивиан уловила мерцание его глаз и засомневалась, действительно ли он поверил, что она просто обычная девочка из двадцатого века. Но в этот миг она добралась до середины масляного парфе. И там оно было горячее. Горячий текучий сироп.

– Горячее – самая вкуснотища, правда? – спросил Сэм, не сводя глаз с Вивиан. – погоди, пусть немного затечет в холодное.

Вивиан так и поступила – и обнаружила, что Сэм дал очень дельный совет. В сочетании получилось даже вкуснее, чем холодная часть отдельно. От этого Вивиан снова почувствовала себя как во сне. Когда Сэм улыбнулся ей – широченной плутовской улыбкой с двумя крупными зубами посередке, – она поймала себя на мысли, что он не такой уж противный. Но изо всех сил постаралась не уходить от сути:

– Я так и не поняла, почему вы решили, что Владычица Времени – это

я.

Джонатан хотел что-то ответить, но передумал и решил сказать что-то другое:

– Тебя же так зовут. Жену Фабера Джона звали Вивиан. Все это знают. А Фабер – это на самом деле Смит, кузнец. Так что когда я услышал, как в Хронологе говорят, что ты... что она была в том поезде с эвакуированными, я и понял, что она наверняка выдает себя за девочку по имени Вивиан Смит.

– А когда мы о ней говорили, то называли ее В. С., чтобы никто не догадался, какой у нас план! – похвастался Сэм. – Мы начали планировать два дня назад, когда наши встретили поезд, но ее не нашли.

– Два дня назад! – воскликнула Вивиан. – Но я-то была там сегодня, и вы тоже!

– Через временной шлюз попадаешь в любое время, куда захочешь, – пояснил Джонатан, с самым что ни на есть царственным видом отмахнувшись от ее недоумения. – Там был мой отец, и отец Сэма, и главный библиотекарь, и главный ученый, но все вернулись и сказали, что она умудрилась от них ускользнуть. Тогда я и решил, что мы сумеем сами привести тебя... ее. Но оказалось, что ты почему-то не та Вивиан Смит, и вот этого я до сих пор не понимаю! Сэм, надо придумать, что с ней делать.

– Отправим в каменный век, – ответил Сэм. – Ты же не против? – спросил он у Вивиан.

– Еще как против! Я там с ума сойду! – возмутилась Вивиан. – В пещерах водятся пауки! Почему вы не можете вернуть меня домой?

– Да я же тебе объяснил почему, – сказал Джонатан. – Кроме того, это Нестабильная эпоха, а сейчас она еще нестабильнее обычного. Представь себе, что будет, если мы вернем тебя, а от этого перекосит всю историю. Нас сразу засекут! Сэм, придумай что-нибудь!

Настало долгое молчание. Сэм сидел на полу, подперев щеки кулаками. Джонатан прислонился к стене и жевал кончик косы. Вивиан слизнула с палочки остатки масляного парфе и некоторое время не могла думать ни о чем, кроме того, что хочет добавки. «Нет, я обязательно вернусь домой! – твердила она себе, сонно вертя в руках палочку от парфе. – Вернусь, что бы он ни говорил!»

– Придумал! – сказал наконец Сэм. – Давай скажем, что она наша кузина!

Джонатан отпрыгнул от стены и завопил:

– Точно! Сэм, ты умница!

– Да, я умница, – согласился Сэм. – Подробности с тебя.

– Проще простого! Слушай, В. С., тебя зовут Вивиан Сара Ли. Твой отец – наш с Сэмом общий дядюшка. Поняла? – Он заплясал по комнате, тыча пальцем в сторону Вивиан, пока та не кивнула. – Отлично. Ты с шести лет не была в Городе Времени, потому что твои родители – Наблюдатели со станции в двадцатом веке. Все это чистая правда. Запомнила? Но они отправили тебя домой, потому что та эпоха стала еще нестабильнее и началась война. Гениально! – сказал он Сэму. – Это объясняет, почему она ничего не знает. А мама вынуждена будет оставить ее у нас, потому что Дом Ли закрыт. И мы даже можем и дальше называть ее В. С.!

Сэм вскочил с пола и засопел в лицо Вивиан.

– Она не похожа на Ли, – критически заявил он. – Глаза не такие и кудрявая.

– У многих Ли нет эпикантуса, – сказал Джонатан. – Вот и у кухни Вивиан нет. А скулы у нее что надо.

– Хватит уже разглядывать и придирааться! – возмутилась Вивиан. – Лицо как лицо! Продавщица из галантерейного говорит, я прямо как Ширли Темпл!

– А кто это? – спросил Сэм.

А Джонатан спросил:

– Ты кто, В. С.?

– Что?.. – оторопела Вивиан.

– Она вот-вот заснет, – сказал Сэм и нагнулся еще ближе к Вивиан.

И точно. Длинный день, полный тревог, а потом еще непостижимые события последнего часа – все это вдруг навалилось на Вивиан, и она поняла, что совсем выбилась из сил. А может, дело было в масляном парфе. Все вокруг стало какое-то обрывочное. До нее донеслось, как Джонатан легкомысленно замечает:

– А можно спрятать ее в какой-нибудь архаичной комнате. Там она будет как дома.

Тут Вивиан заметила, что Джонатан, похоже, оправился от испуга, пережитого в той ультрасовременной конторе, и снова стал тем царственным и уверенным в себе мальчишкой, который встретил ее на перроне. От этого ей стало не по себе, но тут мальчишки уже велели ей встать и идти за ними, и она так и не успела разобраться, что ее тревожит.

Она едва не забыла драгоценную сетку. Обернулась и вскрикнула. Оказалось, она сидела на пустом желтом каркасе – точно таком же, на каком стояли цветочные горшочки из церковного органа. Она попыталась протянуть руку сквозь него и взять сетку. Но пустота не пропускала руку, и

пришлось лезть под каркас – только так она нащупала веревочные ручки.

Потом она обнаружила, что они идут по коридору. Потом Джонатан отодвинул какую-то дверь и сказал Сэму:

– А теперь иди верни ключи на место. И не попадись.

– Сам знаю, – буркнул Сэм и засеменил прочь, волоча за собой по ковру шнурок от стеганого ботинка.

После этого Вивиан обнаружила, что лежит в постели – довольно жесткой и колкой – и откуда-то льется голубой свет фонаря. «Как много разных Вивиан! – сонно подумала она. А потом: – Надо будет завтра перед тем, как вернусь домой, съесть еще масляного парфе».

А после этого Вивиан увидела, что уже день, и проснулась. Перевернулась под тяжелым колким покрывалом, расшитым цепочками худеньких коричневых человечков и пахнувшим пылью, и сразу вспомнила, где она. В Городе Времени, в самой гуще жуткого недоразумения, вот где. Все это было довольно-таки страшно – но, как ни удивительно, Вивиан даже обрадовалась. Она всегда хотела попасть в приключения, как герои фильмов. И вот пожалуйста. Теперь она точно знала, что это не сон. Вивиан села.

Еще бы ей было не жестко – кровать-то каменная. С четырьмя массивными каменными колоннами по углам, будто тотемные столбы, на которых держался расшитый балдахин. В комнате за колоннами яркий солнечный свет косо освещал рельефы на стене наподобие египетских. Вивиан сообразила, что уже довольно поздно. Она слезла с кровати на тростниковые циновки и с удивлением обнаружила, что перед сном успела переодеться в ночную рубашку. Чемодан стоял открытый на каменном полу, и одежда валялась по всей комнате.

«Интересно, где тут туалет? Не хватало еще, чтобы он оказался невидимый!» – подумала она. За каменной аркой в стене виднелась отделанная плиткой каморка. Вивиан зашла туда и, к своему великому облегчению, обнаружила там унитаз и раковину, очень похожие на те, к каким она привыкла, хотя и каменные. Но кранов нигде не нашлось, и она не понимала, как спустить воду.

«Зато все хотя бы видимое», – сказала себе Вивиан и пошла собирать разбросанную одежду. Она как раз натягивала второй носок, который почему-то оказался под каменной кроватью, и ей оставалось найти только туфли, когда каменная дверь со скрежетом отворилась и вошел Джонатан. Он тащил что-то вроде половинки птичьей клетки, под которой в воздухе плыла посуда.

– Ой, отлично! – сказал он. – Я уже заглядывал к тебе, но ты спала. Вот

принес тебе завтрак, чтобы тебе не пришлось знакомиться с моими родителями натошак.

Сегодня он нарядился в ярко-зеленую пижаму, и вид у него был очень щеголеватый и самоуверенный.

У Вивиан возникло ощущение, что он задумал еще во что-то ее втянуть. Надо быть осторожнее, решила она.

– Тебе придется рассказать мне обо всем гораздо подробнее, а то я ни с кем познакомиться не смогу, – предупредила она.

– Ну, ты же не можешь вечно тут прятаться. Элио тебя обязательно найдет, – сказал Джонатан и поставил клетку на каменный стол. – Как тебя зовут?

– Вивиан Сми... – начала было Вивиан и тут вспомнила, что она кузина Джонатана. – Вивиан Сара Ли, – отчеканила она. – Думал, я забыла, да?

– Не был уверен, – ответил Джонатан, вытаскивая тарелки из-под клетки. – Подтащи сюда вон то бревно и поешь. Нам надо застать маму, пока она не ушла на работу.

К огорчению Вивиан, масляного парфе он не принес, зато притащил блинчики с сиропом – ничем не хуже – и фруктовый сок, который, по мнению Вивиан, был даже вкуснее консервированных ананасов. До этого консервированные ананасы были ее любимой едой. А еще Джонатан припас ей несколько ломтиков странного крошащегося хлеба, который полагалось есть с ломтиками сыра.

– Почему всех зовут Вивиан? – спросила она за едой.

– Старшую из рода Ли всегда зовут Вивиан, в честь Владычицы Времени, – сказал Джонатан. – Ее старшая дочь вышла замуж за первого Ли. Мы ведем свой род от самого Фабера Джона. И мы старейшая семья в Городе Времени. – Он с надменным видом уселся на каменную кровать.

Вивиан сразу стало понятно, что он очень гордится принадлежностью к роду Ли.

– И насколько он древний, твой род? – уточнила она.

– Ему много тысяч лет, – ответил Джонатан. – Точно никто не знает.

– Глупости, – сказала Вивиан. – Тогда с чего вы решили, что Фабер Джон и Владычица Времени до сих пор живы?

– Я тебе вчера объяснял, что следую легендам, – сказал Джонатан. – Я считаю, что ученые ошибаются, и к тому же даже они не могут объяснить, что это за человек такой, который движется из четвертого века в двадцатый и вызывает столько войн и беспорядков в истории. – Он посерьезнел и подался вперед. – Я знаю, что это и есть Владычица Времени, и уверен, что легенды говорят правду и она хочет разрушить город из ненависти

к Фаберу Джону. Кроме легенд, мы практически ничего не знаем об истории Города Времени. Все хроники чудовищно туманные. Слышала бы ты, как ругается мой учитель, что мы так мало знаем! – Джонатан нетерпеливо вскочил. – Ну, поела? Пошли!

Вивиан еще доедала крошащийся хлеб с сыром.

– Нет, – ответила она. – И вот что. Мне надоело, что меня постоянно торопят и дергают. Вчера ты застал меня врасплох, но это не значит, что мной можно помыкать.

– Да я и не думал тобой помыкать! – запротестовал Джонатан. Навис над ней и переминался с ноги на ногу, пока Вивиан не сунула в рот последний кусочек сыра. После чего ринулся к двери. – Ну, готова?

– Нет, – вздохнула Вивиан. – Мне нужно обуться. И как поступить с багажом?

Об этом Джонатан забыл.

– Возьми с собой, чтобы показать, что ты с дороги, – сказал он. – Противогоз – чудесная реалистичная деталь.

– Ничего себе реалистичная деталь, – сказала Вивиан. – Он настоящий.

Она разыскала туфли и еще раз сложила чемодан, а Джонатан тем временем взял свой серый фланелевый маскировочный костюм и спрятал в каменный сундук.

– Пусть полежит здесь, а потом Сэм улучит момент и вернет его в дозорную костюмерную, – сказал он. – Да, и не забудь снять бирку со своей сетчатой котомки. А то странно получится, если я представлю тебя как В. С. Ли, а ты при этом будешь размахивать биркой с надписью «В. Смит».

Это было верно подмечено, но, когда бирка тоже отправилась в каменный сундук, сердце у Вивиан тревожно екнуло. Как будто у нее и правда отняли имя. «Как теперь доказать кухне Марти, что я и правда я?» – подумала она, напяливая школьный берет и пальто.

– Вот теперь я готова.

Дом был очень большой и обжитой и потому богатый. Ковры в коридорах были ужасно некрасивые, а значит, наверное, очень дорогие, но кое-где прохудились. Перила многочисленных лестниц, по которым спускались Вивиан и Джонатан, так стерлись от времени, что резьба на них почти сгладилась. У ступеней посередине были выемки от бесчисленных ног, топтавших их годами. Тут и там какие-то люди старательно натирали ступени мастикой. Джонатан провел Вивиан вниз не прямо, а зигзагами, по четырем разным лестницам, чтобы не столкнуться ни с кем из этих людей, и наконец они очутились на первом этаже.

Джонатан вздохнул с облегчением.

– Теперь можно, чтобы нас заметили, – сказал он.

Вивиан посмотрела сначала на мозаичный мраморный пол, потом на широкую дубовую лестницу, а затем на череду стрельчатых окон, а может, и дверей по ту сторону. Увидела снаружи плавно уходящую вниз городскую площадь с фонтаном посередине.

– Что это за дом? – спросила она.

– Годичный дворец, – ответил Джонатан. – Нам сюда.

Он провел Вивиан по узорчатому мраморному полу туда, где вестибюль плавно переходил в комнату, полную резных пустых каркасов – видимо, кресел. За аркой какая-то женщина говорила по чему-то вроде телефона, хотя было больше похоже, что она смотрит в зеркало и говорит в увеличительное стекло.

– Буду через пять минут, – сказала она, бросив взгляд на Джонатана и Вивиан, – и мы все уладим. Мне тут надо кое с чем разобраться. Пока. – Она убрала увеличительное стекло в паз возле зеркала, повернулась и уставилась на Вивиан.

Тут Вивиан вдруг стало очень неловко. На лице у этой женщины была та же затаенная тревога, что и у мамы с тех самых пор, как объявили войну. И хотя она была совсем не похожа на маму – с такими же складочками на веках, как у Джонатана, и такой же мерцающей полосой перед глазами, – Вивиан поняла, что перед ней живой человек со своими самыми настоящими заботами, точь-в-точь как мама. Да, она была в черно-желтой пижаме и с диковинной прической, но врать ей было бы нехорошо. А Джонатан врал ей как ни в чем не бывало.

– Мама, ты ни за что не догадаешься, кто это! – воскликнул он. – Это же кухня Вивиан, Вивиан Ли! Прямоком из двадцатого века.

Его мама подняла руку и запустила пальцы в иссиня-черные волосы.

– О Великое Время! Неужели Ли уже вернулись? А я даже не успела проветрить Дом Ли!

– Нет, она одна. Вив и Инга отправили ее сюда, потому что началась Вторая мировая, – объяснил Джонатан.

«А я тоже хороша – стою столбом и позволяю ему врать!» – смущенно подумала Вивиан. Но тут ей пришлось стать его соучастницей, потому что мама Джонатана посмотрела на нее с испуганной улыбкой:

– Ой, и точно! Война началась примерно в начале второй трети двадцатого века, так ведь? И что, там хуже, чем все думали?

– Гораздо хуже, – ответила Вивиан. – Часть Лондона уже разбомбили. Говорят, скоро будут газовые атаки и вражеское наступление. – Все это

была чистая правда, но из нее почему-то складывалась ложь.

Мама Джонатана побледнела.

– Детей из Лондона эвакуируют, – сказала Вивиан, уповая на то, что ей от этого станет легче.

– Бедная девочка! И бедный мой брат! – проговорила мама Джонатана. – Почему вечно все сразу? Конечно, поживи у нас, пока родителей не отзовут. И давай найдем тебе нормальную одежду. У тебя, наверное, нет ничего, кроме этих ужасных тряпок.

Вивиан оскорбленно поглядела на свое пальто и новенькую юбку, но говорить ничего не пришлось. Мама Джонатана снова схватилась за свой вроде бы телефон, нажала кнопку на стене рядом с ним и сказала:

– Элио, ты мне нужен. Приходи в переднюю. Милый, – бросила она через плечо Джонатану, – можно попросить тебя сегодня побыть с Вивиан? Покажи ей город и вообще. После пяти лет в истории ей наверняка здесь очень непривычно. У меня тут кризис в Извечности. Кто-то послал «Новую австралийскую грамматику» в Малайю почти за сто лет до того, как ее составили, и мне придется весь день с этим возиться.

– Ага, а мне, как всегда, делать за тебя всю грязную работу! – Джонатан изобразил досаду. – Вечно где-то пропадаешь!

– Так и есть, милый. – Мама Джонатана встревожилась еще сильнее. – Попробую отпроситься на завтра. Мне...

Но тут на другом конце зала хлопнула дверь, и в дом, взметнув полами серого балахона, ворвался высокий изможденный человек. За ним с почтительным видом следовал человек в скромной золотисто-коричневой пижаме. Мама Джонатана тут же встревожилась еще сильнее.

– Это еще что такое? Что здесь происходит? – спросил ворвавшийся. – Я не могу сейчас отпустить Элио к тебе! Он мне нужен! – Он сердито взглянул на своего бледного спутника, который почтительно уставился в пол. Потом сердито взглянул на Джонатана, который привычно ответил ему таким же сердитым взглядом. После чего шагнул прямо к Вивиан и сердито взглянул на нее. – Это еще кто, во имя Времени?

Его волосы цвета перца с солью были гладко зачесаны наверх и скручены в узел на макушке, а измученные глаза глубоко запали. Он был такой страшный, что Вивиан попятилась.

– Ранджит, это малютка Вивиан Ли, – сказала мама Джонатана виноватым успокаивающим голосом. – Твоя племянница. Ли отправили ее домой, потому что в двадцатом веке стало очень опасно, и теперь ей придется жить с нами. Ведь их дом стоит запертый, помнишь? Я хотела, чтобы Элио приготовил ей комнату и подыскал какую-нибудь одежду.

– Но она же очень большая! – Изможденный по-прежнему сердито глядел на Вивиан. – Эта девочка не тех размеров!

Вивиан обмякла и уставилась в пол, как тот, бледный. То, что этот человек сразу понял, что она не та Вивиан, стало для нее почти что облегчением. Хотя бы врать больше не придется. Но ей стало очень страшно: что же с ней теперь сделают, раз ее разоблачили?

– Папа, когда они отбыли, ей было шесть, – сказал Джонатан. Он ни капельки не испугался. – Это было почти шесть лет назад. Подумай о том, как сильно я изменился за это время.

– И то правда, – отозвался страшный и перевел глаза на Джонатана, не меняя выражения, как будто считал, что перемены были не к лучшему. – Ясно, – сказал он. – Она выросла.

Тут он снова посмотрел на Вивиан – и, к величайшему ее изумлению, его измученное лицо смягчилось и озарилось обаятельнейшей улыбкой. В запавших глазах остался намек на измученность, но это только придавало улыбке обаяния. Он протянул Вивиан длинную узловатую руку.

– Кажется, так было принято в двадцатом веке, – сказал он. – Рад познакомиться, душенька.

– Я тоже, благодарю вас, – выговорила Вивиан. От облегчения у нее поначалу пропал голос.

«Понятно, почему Джонатан хотел, чтобы я поела перед тем, как знакомиться с его отцом, – подумала она. – Без завтрака я бы упала в обморок».

Отец Джонатана обернулся:

– Элио понадобится мне ровно через пять минут!

И выскочил вон так же стремительно, как ворвался, взметнув полы балахона и хлопнув дверью.

Мама Джонатана отвела бледного Элио в сторону и стала объяснять ему, что ей нужно. Она спешила и путалась, но Элио лишь спокойно кивал. В руке у него был какой-то маленький квадратный приборчик, и он почтительно нажимал на нем кнопки, пока мама Джонатана говорила. Наверное, это был такой способ делать заметки.

– Как мне их называть? – в панике шепнула Вивиан Джонатану, пока его мама говорила с Элио.

– Кого как называть? – не понял Джонатан.

– Твоих родителей. Дядя кто? Тетя как? – прошептала Вивиан.

– А, ясно! – прошептал в ответ Джонатан. – Ее зовут Дженни Ли Уокер. Так что называй ее Дженни. Его – Ранджит Уокер. Обычно его называют Вековечный, но, раз уж ты у нас из рода Ли, можешь звать его Ранджит.

«Ранджит, – повторила про себя Вивиан. – Дядя Ранджит». Не помогло. Ей было не представить себе, что она как-то называет этого страшного человека. «Дженни» получалось лучше. Это ей по силам. Но все равно непонятно, что – храбрость или просто безумие – заставило Джонатана думать, будто кого-то из них можно обмануть.

Мама Джонатана – «Дженни», напомнила себе Вивиан – с улыбкой повернулась к ним.

– Ну вот все и улажено! – сказала она. – Вивиан, солнышко, оставь здесь пальто и чемодан, Элио их уберет, и беги с Джонатаном, повеселитесь в Городе Времени. Или... – Она снова встревожилась. – Может быть, тебе надо перекусить?

– Нет, спасибо, – ответила Вивиан и снова поймала себя на том, что говорит правду, а получается ложь. – Я уже... мне с собой в поезд дали сэндвичей.

После чего Вивиан с Джонатаном смогли наконец двинуться прочь по разноцветному мраморному полу.

У Вивиан дрожали коленки, но Джонатан шагал бодро и царственно и широко улыбался.

– Вот видишь! Поверили! – сказал он. – Так я и знал. Нам сюда.

Он свернул к цепочке стрельчатых окон. Очевидно, это были все-таки двери. Та, что посередине, распахнулась и пропустила их, будто знала, что они приближаются, – а может, Вивиан только подумала, что она открывается перед ними, поскольку в эту минуту в дом с площади вошли двое, мужчина и женщина. Вивиан вежливо остановилась, чтобы пропустить их. Однако Джонатан, к ее изумлению, их словно бы не заметил. Он вышел наружу, будто их там и не было. И, к полному ужасу Вивиан, прошел сквозь них, сначала сквозь мужчину, потом сквозь женщину, как будто они были из дыма.

– Как... кто... как ты это сделал?! – выдохнула Вивиан, когда мужчина и женщина прошли мимо нее в зал, целые и невредимые. – Кто... кто это?

– А, эти? Не обращай на них внимания, – сказал Джонатан. – Это просто хронопризраки.

И без того дрожащие коленки Вивиан едва не подкосились.

– Призраки?! – пискнула она.

Глава третья

Город Времени

Джонатан взял Вивиан под локоть и по каменным ступеням вывел на мощенную булыжником площадь.

– Ну, они не настоящие призраки, – сказал он. – Это хронопризраки, и тебе полагается о них знать, так что не поднимай шума! Эта площадь называется площадь Времени. Здесь живут все важные персоны. Вон там Дом Ли, где ты якобы родилась.

«Разве можно привыкнуть к призракам?!» – думала Вивиан. Она посмотрела, куда показывал Джонатан. Дом Ли был самым высоким зданием с правой стороны площади Времени. Он немного озадачил Вивиан, поскольку был весь из металла, в самом что ни на есть ультрасовременном стиле, но при этом было видно, что он очень древний:

вплотную к его фасаду росло гигантское дерево в цвету. Дерево доходило до плоской металлической крыши и даже выше, и его массивные сучья нависали над новыми домами по обе стороны. Эти дома были из мягкого розового кирпича и старого дерева со следами непогоды и вид имели такой, какой положено иметь древним строениям. Еще сильнее озадачивало то, что Годиичный дворец, когда Вивиан обернулась, оказался просто очень большим домом, выстроенным в стиле, какого она раньше никогда не видела.

– Если мне полагается знать, что это за призраки, так расскажи, – потребовала она.

– Хронопризраки, призраки времени, – ответил Джонатан. – Они возникают, потому что город постоянно, много раз подряд использует один и тот же участок пространства-времени. Если человек делает одно и то же достаточно часто, в воздухе остается след, вроде тех, что ты видела. Мы еще называем их «призраки привычек». А есть другая разновидность, которая называется «разовый призрак», – я тебе потом покажу. Они возникают, когда...

Тут объяснения прервал Сэм. Он мрачно вышел из-за фонтана посреди площади, волоча ноги. Сегодня на нем была оранжевая пижама, а шнурки развязались на обоих ботинках.

– Я попался. Мне влетело, – вздохнул он шумно, словно порыв ветра. Лицо у него было все в пятнах, словно он плакал. – Я устал, – признался он. – И вернул ключи только утром.

– Ужас! – воскликнул Джонатан. Царственность с него мигом слетела, он побелел от страха. – Я же тебе велел! И что, они все поняли?

– Нет, я придумал прикрытие, – сказал Сэм. – Когда я клал ключи на место, вошел папа, и я притворился, будто, наоборот, хочу их взять и все это шутки ради. Но он дал мне подзатыльник и запер кабинет. Больше нам до них не добраться.

– Ну, это ничего! – с огромным облегчением сказал Джонатан. – Больше они нам и не понадобятся. Я выдал В. С. за кухню Вивиан, так что у нас все шито-крыто.

От облегчения он даже не посочувствовал Сэму. Вивиан решила, что, раз так, она должна сама пожалеть Сэма, но до того разнервничалась, что не смогла. Ведь теперь ей нипочем не заставить Джонатана отправить ее восвояси к кухне Марти той же дорогой. Значит, придется уговорить их вернуть ее через другой временной шлюз, и поскорее. Она понимала, что не сможет долго притворяться кухней Вивиан. Кто-нибудь обязательно узнает правду.

Джонатана это, похоже, вовсе не тревожило.

– Завяжи шнурки, – властно велел он Сэму. А когда Сэм повиновался – тяжело сопя и сердито ворча, – Джонатан повел их в арку в нижнем углу площади Времени, которая вела на другую площадь, большую и пустую. – Это площадь Эпох, – царственно повел он рукой.

Площадь была окружена большими домами. Но Вивиан была из Лондона и привыкла к высоким зданиям. Удивило ее другое: здесь точно так же, как на площади Времени, самые ультрасовременные по стилю дома оказывались при ближайшем рассмотрении самыми старыми. Всю правую сторону площади Эпох занимало огромное здание с башенками, похожее на универмаг, и оно все сплошь было из стекла – и из этого стекла были отлиты и скручены сотни причудливых футуристических деталей. Но Вивиан даже издали разглядела, что стекло все в щербинах и трещинах и, похоже, древнее, как горы, а стоявшие поближе дома с каменными башнями на вид были гораздо новее.

– Ну, как тебе? – поинтересовался Джонатан, явно ожидая от нее слов восхищения.

– Не намного больше, чем Трафальгарская площадь, если убрать оттуда Нельсона и львов. – Вивиан решила про себя, что не будет чрезмерно восторгаться. – Но тут удивительно чисто.

И правда. Ни грязи, ни копоти. Косые лучи солнца освещали чистый серый камень и зеленое сверкающее стекло, ослепительно отражались от золоченых крыш и куполов, видневшихся из-за домов в дальнем конце площади. Вивиан посмотрела в ласковое бело-голубое небо, шагая следом за Джонатаном через просторную площадь, и не обнаружила ни труб, ни дыма.

– А почему не видно дыма? – спросила она. – И что, голубей у вас тоже нет?

– В Городе Времени птицы не водятся, – ответил Сэм, который плелся сзади.

– И природное топливо мы не используем, – сказал Джонатан, который шагал впереди. – У нас вместо него энергетические функции. Вот камень Фабера Джона.

Прямо посреди площади лежала огромная синеватая каменная плита, вделанная в белесую брусчатку. Плита была вся истертая, поскольку по ней много ходили. Золотые буквы, составлявшие некогда просторную надпись, еле читались.

Сэм остановился и посмотрел на нее.

– Трещина растет, – объявил он.

Вивиан увидела, о какой трещине идет речь. Довольно короткая, с одного угла, и тянется к первым золотым буквам надписи. Надпись гласила: «FAB... IOV... AET... IV» и «CONDI...» на следующей строчке. Остальное совсем стерлось и было не разобрать.

– Это по-гречески? – спросила Вивиан.

– По-латыни, – ответил Сэм. – Измерь трещину. И пойдем.

– Секунду, – сказал Джонатан. – Говорят, Фабер Джон заложил здесь этот камень, когда основал город, – объяснил он Вивиан. – Слова означают, что Фабер Джон строил город с расчетом на Четыре Эпохи. Мой учитель просто бесится оттого, что по камню разрешено ходить и от этого надпись стерлась. Он считает, что там должно быть сказано, зачем построили город и где в истории заложены его полюса. В легендах говорится, что, когда разломается камень Фабера Джона, рухнет и город. Ладно, сейчас, – бросил он Сэму, который нетерпеливо приплясывал рядом. И осторожно поставил свою ногу в плетеной зеленой сандалиии вплотную к трещине – зеленой пяткой в угол.

– Стала заметно длиннее, – проговорил он. – Скоро дойдет до кончиков пальцев. – И сказал Вивиан: – Почти всю мою жизнь это была просто крошечная трещинка, но с месяц назад она начала расти. Я каждый день измеряю ее по дороге в школу.

– Город рушится! – провозгласил Сэм гулким мрачным голосом. – Мне нужно утешиться. Мне необходимо масляное парфе из сорок второго века.

– Потом. – Джонатан зашагал дальше. – Я хочу показать В. С. хронопризраки на Вековой площади.

Сэм сердито и мятежно топнул по трещине, отчего один ботинок у него снова развязался, и поплелся следом за Джонатаном и Вивиан, волоча шнурок за собой.

Вековая площадь была сразу за площадью Эпох и гораздо меньше ее. Она была заставлена прилавками под красно-белыми тентами, где продавали и покупали все что угодно – от мяса и фруктов до сувениров. На первый взгляд показалось, будто там сотни людей. Но потом у Вивиан по коже поползли мурашки: она увидела, что половина людей на площади проходит сквозь другую половину. Где-то наигрывал веселый мотивчик. Все болтали и что-то покупали, и никого особенно не тревожило, что половина толпы – призраки, которые болтали и смеялись без единого звука и платили за призрачные яблоки потусторонними деньгами. Был здесь даже призрачный прилавок, заваленный призрачными помидорами и апельсинами. Он отчасти перекрывал настоящий прилавок, но это никому не мешало. Этот прилавок был единственным призраком, сквозь который

Вивиан осмелилась пройти.

– Как их различают? – в отчаянии спросила она, когда Джонатан и Сэм прошли сквозь стайку смеющихся девушек, на вид таких же настоящих, как и все прочие. – По-моему, они совершенно плотные!

– Научишься, – пообещал Джонатан. – На самом деле это бросается в глаза.

– Но я же не могу постоянно на всех наталкиваться, пока не научусь! – возразила Вивиан.

Она старалась держаться за спиной у Джонатана и Сэма и старательно высматривала что-то необычное в прохожих. Через некоторое время она заметила, что все, сквозь кого они не проходили, одеты в такие же костюмы-пижамы, как у мальчишек. «Поняла! – обрадовалась Вивиан. – Пижамы – это последний писк моды!»

Она обрадованно показала на компанию в полупрозрачных платьях, столпившуюся у прилавка с сувенирами:

– Поняла! Это призраки!

Джонатан и Сэм посмотрели, куда она показывает.

– Туристы, – сказал Сэм.

– Из восьмидесят седьмого века, – сказал Джонатан.

В этот момент девушка в полупрозрачном платье купила настоящую белую сумку с надписью золотыми буквами «Город Времени» и расплатилась за нее настоящей серебристой банкнотой. Вивиан почувствовала себя дурочкой. Сквозь нее прошел хронопризрак – дама в полосатом розовом платье с кринолином, – и она вдруг поняла, что сыта по горло.

– Мне от них нехорошо! – сказала она. – Пошли отсюда куда-нибудь, а то я завизжу!

– Пойдем поедим масляного парфе, – предложил Сэм.

– Потом, – ответил Джонатан. И повел их куда-то по извилистой улице под названием Дневной переулок. – Я хотел, чтобы ты поняла, какой Город Времени древний. На рынке были призраки в одежде, какую носили сотни лет назад.

– Мне очень грустно! – провозгласил Сэм, который так и тащился за ними, волоча шнурок. – Я не могу без масляных парфе, а мне их не дают!

– Помолчи, – велел Джонатан. – Хватит ныть.

Подобный обмен репликами происходил между ними так часто, что Вивиан подумала про себя, что он уже сойдет за хронопризрак. Между тем они увидели круглое строение с золотым куполом, которое называлось Купол Лет, а потом перешли через мост, сделанный из фарфора, как чайная

чашечка, и расписанный цветами, отчего напоминал Вивиан чашечку еще сильнее. Но краска потускнела и стерлась, а кое-где на мосту виднелись сколы. Мост вел в парк, который назывался Предполуночный, и там они увидели знаменитые Маятниковые сады. Вивиан они просто очаровали – и фонтаны до самого неба, и каменные островки, усаженные ирисами, тюльпанами и нарциссами и медленно кружащие за пеленой брызг, – но Сэм смотрел на все это великолепие очень мрачно.

– Осталось всего девятнадцать островков, – пробурчал он. – Еще два потонули.

– Как это устроено? – спросила Вивиан. – Почему цветы держатся на плаву?

– Неизвестно, – ответил Джонатан. – Говорят, их изобрел Фабер Джон. Они чуть ли не самые древние в городе.

– Вот почему он разваливается, – уныло проговорил Сэм.

– Перестань портить всем настроение! – рявкнул на него Джонатан.

– Не могу. – Сэм вздохнул. – У меня хандра. Тебе-то небось никто не давал подзатыльник натошак.

Джонатан тоже вздохнул:

– Пошли съедим по масляному парфе.

Сэм просиял. Он словно весь переменился – с головы до ног.

– Ур-ра-а! Бежим! – завопил он и галопом поскакал обратно к площади Эпох.

Вивиан и Джонатан потрусили следом – по узким улочкам с булыжной мостовой, сквозь хронопризраки и мимо толп туристов в диковинных нарядах.

– Умеет же получить, что хочет, – раздраженно пропыхтел Джонатан.

«Прямо по пословице – у других в глазу соринку видит, а у себя бревна не замечает!» – подумала Вивиан.

– Сколько ему лет? – спросила она.

– Восемь! – коротко и с отвращением выдохнул Джонатан. – Иногда я жалею, что приходится с ним водиться. Но на площади Времени других детей почти нет, и он ближе всех ко мне по возрасту.

Сэм промчался напрямик к огромному стеклянному павильону на площади Эпох и пробежал сквозь стеклянную колоннаду в зал, где стояли столы. Плюхнулся в кресло за стол, откуда открывался вид между двумя огромными зеленоватыми колоннами, и гордо выпрямился, ожидая, когда его обслужат. Вивиан села рядом и стала смотреть на туристов, которые бродили по площади и толпились вокруг камня Фабера Джона. Другие туристы сидели за столами вокруг и ходили по дорогам на вид

магазинчикам под колоннадой. Вивиан в жизни не видела столько вычурных одеяний и непривычных причесок. И к тому же кругом лепетали и тархтели на незнакомых языках.

– Город очень зависит от туристов, – пояснил Джонатан.

– Откуда они все? – спросила Вивиан.

– Из Фиксированных эпох, – ответил заметно повеселевший Сэм. – Их сто тысяч лет.

– Экскурсию организуют каждые десять лет из каждого столетия, если нет войны, – сказал Джонатан. – Их организуют Советы Времени. Всех желающих проверяет Временной Дозор, но на самом деле почти никому не отказывают.

– А сколько стоит экскурсия? – спросила Вивиан.

Но тут подошла официантка принять заказ. Это была задорная девушка в нарядной розовой пижаме с оборками, явно давно знакомая с Сэмом и Джонатаном.

– Привет, ребята, – сказала она. – А сегодня сколько порций масляного парфе?

– Три, пожалуйста, – ответил Джонатан.

– Только три? – удивилась официантка. – Ну, тогда один-пять. Номера?

– Мне номера не положено, – сказал Сэм.

– С тобой все понятно, – сказала официантка. – Я имела в виду твоих друзей.

– Я плачу. – И Джонатан перечислил несколько цифр.

– Хорошо, а кредит у тебя есть? – уточнила официантка. – Покажи.

Джонатан нажал очередную кнопку на поясе и протянул официантке руку – на ладони засияла строчка каких-то символов. Официантка посмотрела, покивала и нажала кнопку на поясе своей пижамы – тоже розовом, в тон.

– Уговорю Элио дать мне еще кредит, – сказал Джонатан, когда официантка ушла. – А то разорюсь, если буду за все платить. Сэму кредита не полагается. Когда ему дали первый пояс, он его разобрал и снял кредитный лимит. А потом потратил целое состояние на масляное парфе.

– Тысячу за два дня! – с довольным видом похвастался Сэм.

– Это сколько? – спросила Вивиан.

– Э-э... примерно две тысячи твоих фунтов, – ответил Джонатан.

Вивиан ахнула:

– Тебе же, наверное, стало плохо!

– Всю ночь тошнило, – бодро ответил Сэм. – Дело того стоило. У меня зависимость от масляного парфе. – Тут он просиял: к ним возвращалась

официантка. – Вот и парфе! Вкуснотища!

Пока они ели и пускали горячее в холодное, Джонатан, похоже, решил, что нужно показать Вивиан еще кое-что. Он махнул рукой в сторону сверкающего белого здания на той стороне площади. Вивиан смутилась, потому что многие туристы тоже повернули головы посмотреть.

– Это Временной Дозор, мы были там вчера. А там... – Джонатан показал на дальний угол, и головы туристов со странными прическами разом повернулись туда же, куда и Вивиан. – Это здание называется Протяженность, мы с Сэмом ходим туда в школу. Наверное, и ты будешь ходить туда с нами, когда кончатся каникулы.

Потом он показал туда, куда уходила стеклянная колоннада, и снова все головы повернулись, чтобы посмотреть.

– У нас за спиной – Континуум, там учатся студенты, а за ним – Перпетуум и башня Былого...

Вивиан так смутилась, что на них смотрят все туристы, что перестала слушать. И только и думала: «Каникулы! Они на каникулах, вот и маются от безделья. Потому и выдумали эти приключения с Владычицей Времени и спасением Города Времени – развлечения ради. Так и слышу, как они шепчутся про В. С.! Для них это до сих пор понарошку!»

– ...А напротив – Извечность, там работает моя мама. Два купола рядышком – это Институты стародавней и грядущей науки, – говорил между тем Джонатан. – А там – Миллениум, видишь, в конце...

– Мне нужно еще масляное парфе, – встрял Сэм.

Джонатан нажал еще какую-то кнопку на поясе. На тыльной стороне ладони у него появился циферблат. Без четверти двенадцать.

– Некогда, – сказал он. – Надо показать В. С. Бесконечный призрак.

– Тогда сразу после, – сказал Сэм.

– Нет, – отрезал Джонатан. – Это был мой последний кредит.

– Скупердядя! – скривился Сэм, и они поднялись, чтобы уйти.

– Как устроен твой пояс? – спросила Вивиан. – Какое-то волшебство!

Вскоре она пожалела, что спросила. На площади были толпы туристов. Джонатан бросил «энергетические функции» и принялся лавировать туда-сюда в толпе, то и дело выкрикивая через плечо обрывки объяснений. Вивиан изо всех сил старалась не отстать и что-то понять, но улавливала в основном всякие «и» и «эти».

– А мой сделан в сто втором веке, так что у него есть даже функция антигравитации! – сообщил Джонатан. – Смотри! – Он нажал очередную кнопку, оттолкнулся от земли рядом с Вивиан и взмыл в воздух в длинном плавном прыжке. Приземлился и тут же скакнул снова, и еще, и еще,

перепархивая между кучками людей.

– Спят! – с отвращением заявил Сэм. – Пошли!

Они сновали среди туристов, стараясь не потерять из виду скачущую зеленую фигуру Джонатана с прыгающей косичкой. Для этого пришлось пробежать между зданий за стеклянным павильоном. Вивиан мельком увидела с одной стороны два одинаковых купола, о которых, похоже, и говорил Джонатан, а с другой – что-то совершенно невероятное вроде перекошенных пчелиных сот, покрытых головокружительными зигзагами лестниц. Потом Вивиан с Сэмом очутились у величественных ступеней, которые вели куда-то вниз. Зеленая фигура Джонатана скакала по ним, будто чокнутый кенгуру. Они увидели, как он перепрыгивает через широкую многолюдную улицу наверху – и вдруг, не окончив прыжка, срывается и грузно падает с недовольным видом.

– Наконец-то. Заряд кончился. Теперь ему придется ждать, когда пояс снова зарядится, – пробурчал Сэм.

Они перебежали через дорогу туда, где стоял Джонатан, прислонившись к каменной стене. За стеной вниз уходили поля, между ними вилась речка. Джонатан смотрел, как внизу у причала разгружается баржа.

– Река Времени, – сказал он Вивиан, как будто ничего не случилось и Вивиан с Сэмом совсем не запыхались и не покраснели, пока догоняли его. – Эта дорога – проспект Четырех Веков, она ведет на Бесконечный холм. Гляди.

«Немного похоже на Мэлл или на набережную Виктории, где река с одной стороны, – подумала Вивиан. – А от Джонатана спятить можно! Хуже Сэма!»

Над проспектом были переброшены кружевные кованые арки, сделанные так, что из них вырывались длинные полосы радужного света – будто вымпелы или шарфы. От этого проспект казался украшенным к празднику, тем более что толпа пешеходов дружно шагала по нему к зеленому холму в конце. Там проспект завершался лестницей, которая вилась вокруг холма, поднимаясь к башне на вершине. Вид у башни был древний. Очень-очень древний, решила Вивиан, и мрачный, хотя в окнах башни отражалось небо.

– Эта башня называется Гномон, – сказал Джонатан. – В ней находятся часы Фабера Джона, которые отбивают только полдень.

Они вместе со всеми двинулись к Бесконечному холму, но далеко уйти не успели, когда оглушительно ударил колокол.

Баммм!

От него загудели кружевные арки и затрепетали вымпелы света.

– Ну дела! Уже двенадцать! – Джонатан пустился бежать. До холма было еще далеко, когда колокол ударил второй раз.

Баммм!

Снова вздрогнули световые полотнища. В толпе замахали, показывая на холм. «Вот, вот!» – несло со всех сторон.

Вивиан увидела вдали, на самом нижнем пролете лестницы, которая вела на холм, человека в зеленом. Он бежал наверх. Похоже, он очень торопился, Вивиан это прямо чувствовала, – он бешено рвался вперед, оступаясь от спешки. Но что-то ему явно мешало.

«Баммм», – прогудели огромные часы. Человек в зеленом пошатнулся и с усилием сделал шаг. Баммм. Вивиан всем телом ощущала, как трудно ему идти. Словно на ногах у него свинцовые башмаки. Баммм! Он хватался за перила, чтобы подтянуться, но и это не помогало.

– А что, по ступеням очень трудно подниматься? – шепнула Вивиан.

Баммм!

– Нет. Можно хоть бегом, – сказал Джонатан. – Но это хронопризрак. Разовый. Он пытается подняться по лестнице каждый день в двенадцать. Гляди.

«Баммм», – ударили часы, пока Джонатан говорил. С каждым ударом человеку в зеленом было все труднее подниматься.

Но он не сдавался. С трудом брел наверх, пока часы били семь, восемь и девять. На десятом ударе он уже карабкался на четвереньках. Было видно, что он совсем выбился из сил, а оставалось еще два пролета. Когда он пополз по предпоследнему пролету, Вивиан поймала себя на том, что затаила дыхание.

Баммм!

«Давай, давай!» – твердила она про себя. Ей казалось, что сейчас самое-самое важное на свете – чтобы тот человек добрался до вершины.

А он не смог. «Баммм», – грянул двенадцатый удар, и зеленая ползущая фигура попросту исчезла.

– О-ох! – вырвалось у Вивиан, и толпа вокруг разом протяжно простонала: «О-ох!»

– Как жалко! А зачем это он? – спросила Вивиан.

– Неизвестно. Этого еще не произошло, – ответил Джонатан. – Понимаешь, это разовый призрак, а они возникают, когда человек делает что-то такое важное или так волнуется, что от него остается след, как от призраков привычек.

– Как это? Он что, из будущего? – поразились Вивиан.

– Да, только здесь это не совсем будущее, – объяснил Джонатан. – Я же говорил тебе, что Город Времени много-много раз использует один и тот же клочок пространства-времени. Прошое и будущее ходят здесь кругами и поэтому почти не отличаются друг от друга. Как тебе Бесконечный призрак? – с живым интересом спросил он. – Может, ты догадываешься, кто это такой?

Вивиан не пришло в голову ничего, кроме Робин Гуда – из-за зеленых одежек.

– Нет, – ответила она. – А должна?

Джонатан явно огорчился:

– Ну, свежий взгляд из Нестабильной эпохи... Я надеялся, вдруг у тебя появятся какие-нибудь новые мысли. Давайте пообедаем, пока туристы не заняли все кафе.

– Масляное парфе. Ты обещал! – потребовал Сэм.

– Я сказал – нет! – рявкнул Джонатан. – Нормальная еда. Это дешевле.

– Сквалыга узкоглазый, – пробурчал Сэм. Но перед этим подождал, когда Джонатан протолкается через толпу довольно далеко вперед.

Они поднялись по ступенькам между домов. Ступеньки назывались Декады, по десять в каждом пролете, и вели довольно высоко к самому золотому Куполу Лет. Наверху был павильончик с едой, а съесть ее можно было на травянистом склоне под старой серой башней. Джонатан купил всем по сдобному пирогу с мясом, и они расселись на солнышке – теплом, но не жарком.

«А мне нравится, – подумала Вивиан. – Я будто туристка на каникулах!»

Пока они ели, Джонатан и Сэм рассказали ей о других разовых призраках. Человек, который ежедневно ныряет в реку Времени, чтобы спасти тонущую девушку, временной дозорный, которого убивают в зале Миллениума, девушка из рода Ли, а следовательно, прапрапрабабка Сэма и Джонатана, каждый день на закате в бешенстве швыряющая обручальное кольцо в фонтан в Столетнем сквере.

– Потом ей было ужасно стыдно. – Джонатан поднялся. – Чуть не уехала из Города Времени, но не решилась поселиться в истории. Шевелись, Сэм. Я хочу показать В. С. Фабера Джона, пока туристы едят.

– Ты хочешь сказать, он до сих пор здесь?! – спросила Вивиан.

– Сама увидишь! – И Сэм расплылся в широченной двузубой улыбке.

Дорога к Фаберу Джону вела мимо подножия старой башни, внизу склона. Там была темная дверца, а внутри в полумраке сидела какая-то тетенька, пожелавшая посмотреть на кредит Джонатана. Джонатан нажал

кнопку на поясе и протянул руку, и светящиеся зеленые цифры на ладони заметно изменились, когда тетенька постучала по машинке перед собой. Это было дорого. Вивиан поняла, почему Джонатан постарался найти им еду подешевле.

После этого они долго спускались по лестнице с веревочными перилами, все вниз и вниз, под шариками синего света, вделанными в каменный потолок, и наконец ступили на земляной пол глубоко под Городом Времени. Впереди слышался смех и возгласы туристов, но их почти заглушало журчание льющейся и капающей воды. За углом на каменной стене висела табличка: «Источник Фабера Джона. Вода из него приносит удачу и здоровье». Буквы были до того причудливые, что Вивиан еле разобрала их. Неподалеку из расщелины в крыше в маленький каменный бассейн стекала вода – было ясно, что она сама выточила себе круглую выемку в камне. Под темной рябью поблескивало несколько монеток.

– Платить не обязательно, – предупредил Сэм.

Вивиан все равно бросила в этот странный источник большой круглый пенни с цифрами «1934» – подумала, что удача ей пригодится, чтобы вернуться домой. Потом она взяла усыпанный самоцветами кубок с полки сбоку и наполнила его текущей водой. На самом деле кубок был картонный, но на вид не отличишь от настоящего, так что Вивиан решила сохранить его на память.

Вода была свежая и одновременно чуть-чуть отдавала ржавчиной.

Вивиан следом за Сэмом и Джонатаном прошла по извивам коридора с земляным полом, стиснув в руке кубок – вдруг он и вправду приносит удачу.

Они прошли мимо затейливо подсвеченных скал, похожих на складчатую ткань и на ангельские крылья. А одна, самая красивая, была словно темный неподвижный пруд с торчащим посередине утесом, который, если приглядеться, был как сложенные горстью ладони, даже пальцы можно было разглядеть. И все время где-то рядом журчала вода – лилась, текла, капала. Поначалу Вивиан думала, что это источник Фабера Джона, но журчание становилось все громче, и в конце концов коридор вывел их на площадку у стены, огороженную с другой стороны железными перилами. Здесь было теплее, немножко парило, а вода так и грохотала – но среди этого грохота слышался отчетливый ритм.

– Река Времени здесь поднимается! – крикнул Джонатан и показал в глубокое ущелье за перилами, откуда в основном и исходил грохот.

Они свернули за следующий угол и увидели, что туристы, которых они

слышали раньше, как раз проходят вперед.

– Хорошо, – сказал Джонатан. – Будем одни. Смотри.

За перилами, за темной расщелиной, в стене была гладкая овальная пещера длиной в несколько ярдов. В ней текла и капала вода. Но рядом стояли лампы, нацеленные так, что в их свете было видно, что делается в пещере за завесой воды. Вивиан различила там какую-то фигуру. Длинная, массивная, она показалась ей смутно знакомой... И вдруг Вивиан живо вспомнила, как однажды они с мамой поехали на курорт в Богнор-Реджис, а папа присоединился к ним не сразу, его с работы не отпускали, и, пока его не было, они спали в одной постели. Утром, проснувшись, Вивиан увидела, что мама лежит на боку спиной к ней так близко, что кажется просто огромной, и довольно узкая мамина спина и плечи высились перед ней, словно утес. Но фигура в пещере была цвета мокрой глины. Точь-в-точь камень. Ее постоянно заливала вода, по ней молотили капли, и было видно, что и на ощупь она твердая, как камень.

– Разве это человек? – спросила Вивиан. – Если он встанет, то получится просто огромный! Это же скала.

– Мы не знаем, – отозвался Джонатан.

– Неужели никто не залезал туда проверить? – удивилась Вивиан.

Джонатан поглядел в обе стороны, не слышит ли кто. Потом взялся за железные перила и выкрутил один кусок. Металлический прут выскользнул легко и просто, и Вивиан поняла, что это проделывали довольно часто. Джонатан вручил ей железку.

– Нагнись и ткни в него, – велел он. – Давай.

Палка была не слишком длинная, еле дотянешься. Стиснув в одной руке картонный кубок, а в другой железку, Вивиан шатко нагнулась над сырой расщелиной, откуда валил пар, и ткнула прутом в пещеру. И как только конец прута дотянулся до завесы текучей воды, он словно бы уперся в невидимую преграду. Вивиан налегла, как будто прут был копье, и тогда железка так спружинила, что Вивиан едва не потеряла равновесие и не свалилась в черную расщелину, где вздымалась речная вода. Сэм и Джонатан схватили ее за блузку.

– В чем дело? Что там мешает? – удивилась Вивиан.

Джонатан забрал железку у нее из сжатого кулака и вставил обратно в перила.

– Какое-то силовое поле, но никто не знает, какое именно, – ответил он. – Ученые из Института грядущей науки столетиями не могут разобраться. Сама понимаешь, оно не может быть там просто так. То есть очень похоже, что это и вправду Фабер Джон, согласись.

– Да, похоже, – кивнула Вивиан.

Она сама не ожидала, что ее переполнит такое благоговение и почтение. Бросив последний изумленный взгляд на великанскую спину за завесой текучей воды, Вивиан следом за мальчиками медленно двинулась за очередной поворот. Там опять была длинная лестница – а потом выход, где охранник сверился с каким-то экраном и выпустил их.

И они заморгали – перед ними открылся восхитительный вид на город.

– Ну вот, – сказал Джонатан. – Как ты считаешь, стоит спасти такую красоту?

Загадочный каменный великан лишил Вивиан присутствия духа.

– Конечно, но я-то тут при чем? – сердито ответила она. – Знаешь, мне тоже не хочется, чтобы Лондон разбомбили!

– Я бы съел еще масляного парфе, – заметил Сэм.

Джонатан нажал кнопку на поясе и коротко глянул на циферблат, после чего поспешно убрал руку.

– Потом, – сказал он. – Сначала мне надо показать В. С. Миллениум. Вон он, на другом конце проспекта Четырех Веков. Его обязательно надо посмотреть. Там собраны все величайшие картины в истории.

Он показал. Миллениум оказался большим и сверкающим, с рядами окон, витыми стеклянными шпилями и гигантским голубым стеклянным куполом.

– Ой, не надо больше никаких дворцов! – испугалась Вивиан. – У меня будет несварение рассудка!

– Тогда давай спокойно вернемся в Годичный дворец, – предложил Джонатан с явным сочувствием.

Вивиан чуть было не поверила, что сочувствие это искреннее, но тут заметила, что Сэм смотрит на Джонатана снизу вверх, приоткрыв рот, как будто что-то сообразил.

– Отличная мысль! – воскликнул он с жаром – самую чуточку избыточным. – И без масляного парфе обойдусь!

Вот последний штрих все и испортил. Стало ясно: мальчишки что-то замышляют. «Какой теперь у Джонатана план? – думала Вивиан, пока они следовали по булыжному проулку за волочащимся шнурком Сэма. – Очередное приключение понарошку?»

Глава четвертая

Хронопризраки

На обратном пути через город Джонатан несколько раз смотрел на свой циферблат. А Сэм даже не заикнулся о масляном парфе. Они чуть ли не бегом пересекли площадь Эпох, нырнули в арку и проскочили площадь Времени, а Вивиан торопилась следом, совершенно убежденная, что мальчишки что-то затевают. Когда она поднималась по ступенькам к стеклянным дверям Годичного дворца, ноги у нее ныли.

«Мне бы капельку покоя, — думала она. — Почитать бы журнал про кино, послушать радиопередачу... Но здесь, наверное, и радио-то нет!»

В вестибюле Годичного дворца было тихо и пусто. Джонатан повернулся к Вивиан с самой что ни на есть царственно-легкомысленной

миной.

– Если хочешь, покажу тебе другие разовые призраки, – посулил он. – Прямо тут, во дворце.

«Так вот зачем мы вернулись!» – подумала Вивиан.

– Показывай, чего уж, – сказала она. – Ведь ради них ты тащил меня в такую даль.

– Тогда нам сюда.

Джонатан зашагал прочь, но не туда, куда он водил Вивиан утром, а в противоположную сторону. Коса так и прыгала. Сэм вперевалячку пропустил за ним. «Мы проходили здесь ночью, – подумала Вивиан, разглядывая разноцветные мраморные узоры под ногами. Потом она следом за Джонатаном и Сэмом свернула за угол – и верно: она помнила этот длинный узкий зал с витринами по обеим стенам. Он напомнил ей музей. Теперь она увидела, что это и в самом деле музей. А поскольку ей до полусмерти надоело, что Джонатан ее постоянно торопит, она нарочно приостановилась и стала рассматривать все, что было там выставлено. Каждый экспонат был снабжен карточкой с надписью красивым разборчивым почерком. «Гольф-клуб. Америка, семьдесят третий век», – гласила первая. «Свадебная чаша. Индия, сорок пятый век». Попадались и совсем не музейные экспонаты, которым здесь явно нечего было делать, например: «Газовый утюг. Сто пятый век» и «Малярная краска. Исландия, тридцать третий век», зато в следующей витрине...

Вивиан смотрела на собственный чемодан, рядом с которым тем же аккуратным почерком значилось: «Багаж беженца. Двадцатый век (в открытом виде; внутри – одежда и противогаз)».

И правда, багаж был выставлен в открытом виде. Ее чемодан был прямо-таки распахнут с продуманной небрежностью, и треклятый лифчик разложили сверху на всеобщее обозрение, а противогаз наполовину вытащили из коробки. А драгоценную сетку распылили, чтобы было видно обертку от сэндвичей, журнал, перчатки и носки.

Вивиан возмущенно уставилась на все это.

– Какая наглость! – выпалила она.

Ей стало страшно: как теперь забрать все это, чтобы попасть домой? Нет, все еще хуже. Словно кто-то отобрал у нее ее саму, настоящую, и теперь ей волей-неволей придется стать кем-то другим.

– Не желаю! – рассвирепела Вивиан. – Я – это я!

Сэм и Джонатан испугались и примчались обратно. Сэм потянул ее за рукав:

– Пора идти!

Но Вивиан так разозлилась, что с места не двинулась. И показала на витрину:

– Посмотри! Только посмотри! Все мои вещи!

– Ну да. Старина Элио никогда не сидит сложа руки, – сказал Джонатан. – Андроиды – они такие. Но призраки пройдут с минуты на минуту. Пожалуйста, пойдем посмотрим. Прошу тебя!..

Вивиан уставилась сначала на него, потом на Сэма. Сэм глядел на нее, не мигая от напряжения. Джонатан так рвался идти, что весь побелел. «Да он и правда как взведенная пружина», – подумала Вивиан. Мама наверняка сказала бы так про Джонатана. Однако ей было очевидно, что Джонатану и Сэму очень важно показать ей эти призраки.

– Ну ладно! – бросила она и позволила Сэму утащить ее в дальний конец музея.

Там была темная старинная дверь. Именно она, как запомнилось Вивиан, так жутко скрипела вчера ночью, но теперь, к ее удивлению, оказалась заперта – как положено двери. Поперек тянулась массивная блестящая цепь из чего-то полупрозрачного, да еще и с проводками, – одним концом она крепилась к металлической коробочке на косяке у петель, а другим – к такой же коробочке на косяке у ручки. От обеих коробочек в пол уходили кабели. Такое чувство, что всякого, кто попытается ее открыть, хорошенько тряхнет током.

Сэм протянул к двери пухлую руку, немножко перемазанную парфе и глиной из пещеры Фабера Джона, и ловко сдвинул металлическую коробочку с косяка на дверь, пристроив под массивной железной ручкой. Кабель остался на месте, а дверь, если не присматриваться, казалась по-прежнему запертой.

– Я его закоротил, – похвастался Сэм. – Еще в первый день каникул.

– Это я попросил. – Джонатан снова посмотрел на часы. – Идея была моя. Когда я был маленький, про эти призраки знали все. Они сотни лет проходили здесь каждый день. Поэтому, когда папу шесть лет назад избрали Вековечным, мне тоже захотелось на них взглянуть. Но мама пошла посмотреть на них первой – и когда их увидела, то закричала и приказала запереть дверь на цепь. С тех пор я только и мечтал их увидеть, но пришлось дожидаться, пока Сэм не окажется гением по части энергетических функций.

Сэм просиял от гордости.

Джонатан еще раз взглянул на часы:

– Пора.

Он повернул ручку, и дверь медленно, со скрипом отворилась. За ней

был темный каменный коридор, по которому, как помнила Вивиан, они шли прошлой ночью из церкви-не-церкви под названием Хронолог. В открытую дверь падало достаточно света, чтобы стало видно, что в коридоре пусто.

– Подождите, – выдохнул Джонатан, как будто до этого затаил дыхание.

И при этих словах в коридоре появились два человека, которые шагали прямо на них. Поначалу их было не разглядеть в темноте. Вивиан различила только, что на них модные сейчас в Городе Времени пижамы, а походка как у людей, которые чем-то взволнованы. Потом она увидела, что у того, что повыше, по бокам пижамы темные ромбы. На глазах у него что-то поблескивало, а волосы были заплетены в косу, переброшенную через плечо. А тот, что пониже, был девочка со светло-каштановыми кудрями.

– Да чтоб меня шесть раз подбросили и пять раз поймали! – проговорила Вивиан. – Это же я! И ты!

Как это было жутко и неприятно – смотреть на себя в виде призрака, то есть будто бы и не на себя, но все же на себя, с лицом наоборот, не таким, как в зеркале, и видеть, как она, запыхавшись, беззвучно и увлеченно втолковывает что-то мальчику, с которым Вивиан познакомилась только вчера вечером. И еще неприятнее было смотреть, как два призрака шагают прямо на нее, как будто ее и нет. Вивиан вздрогнула от нахлынувшей паники – такого с ней в жизни не бывало. Призраки исчезли, не дойдя до нее полшага.

Она минуту постояла, пошатываясь, перед глазами повисла странная пелена. Потом ноги у нее подкосились, и она с размаху села на мраморный пол.

– Сотни лет, говоришь? – сипло выдавила она.

Джонатан протянул руку, чтобы помочь ей встать.

– Когда я их в первый раз увидел, у меня тоже поджилки задрожали, – признался он. – А Сэм вообще удрал.

– Всего на шесть метров отбежал! – оскорбился Сэм. – И вернулся, как только они исчезли.

– Ясно, почему твоя мама закричала и велела запереть проход! – Вивиан с трудом поднялась. И подержалась за дверь, пока голова не перестала кружиться. – Наверное, узнала тебя, даже если тебе тогда было всего шесть!

– Она и говорить об этом не желает. – Теперь вид у Джонатана стал царственный и победоносный. – Теперь понимаешь, как я узнал тебя, В. С.? Это были мы прошлой ночью. Я был в этом комбинезоне и нарочно

провел тебя по этому коридору.

Вивиан по-прежнему было нехорошо, но голова работала как надо.

– Это было не прошлой ночью! – возразила она. – Мало того, что до тех пор, как мы оказались у тебя в комнате, я тебе и слова не сказала, я и одета была иначе. Вчера на мне была та же самая юбка, что и сейчас. А призрак одет как принято в Городе Времени.

Для Джонатана это был не довод.

– Значит, это ближайшее будущее, – отмахнулся он. – И мы занимались каким-то важным делом. Наверняка, иначе от нас не остались бы разовые призраки. Как ты думаешь, В. С., чем это мы занимались?

«Ну вот, опять великий инквизитор. Не было печали! – подумала Вивиан. – Он по-прежнему считает, что я Владычица Времени! Просто испугался тех охранников и решил найти другой способ убедить меня в своей правоте. Вот ведь без царя в голове!»

– Еще раз назовешь меня В. С., – процедила она, – и я завизжу. Так и знай!

Сэм погладил ее по руке.

– Тебе бы сейчас масляное парфе, – участливо сказал он.

Как ни странно, от этого Вивиан тоже едва не завизжала. Но сдержалась и только разразилась несмешным писклявым смехом.

– Спятить с вами можно! – воскликнула она. – Хочу обратно в войну, там хоть спокойно! А тут все чокнутые! Тут всё сплошная неправда!

Голос у нее сам собой становился все громче и громче. Мальчишки вытаращились на нее. Вивиан открыла было рот, чтобы посмеяться над их дурацким видом, но решила, что лучше будет все-таки завизжать. Она запрокинула голову, чтобы завизжать – основательно, громко и от всей души, – и тут услышала за углом шаги: в музей кто-то шел. Вивиан тут же закрыла рот. Сэм мгновенно водворил цепь на место. Они метнулись к витрине с табличкой «Домашний компьютер. Китай, сорок третий век» и принялись прилежно разглядывать экспонат, дожидаясь, кто придет.

А пришла приветливая темнокожая женщина по имени Петула, она разыскивала Вивиан.

– Супруга Вековечного послала меня за тобой, деточка, – сообщила она. – Тебе устроили комнату, пойдем посмотрим, все ли там тебе понравится.

– Я сам покажу, – тут же вызвался Джонатан.

Но Петула возразила:

– Нет-нет, Джонатан, займись своими делами. Ты ей не хозяин. – И увела Вивиан наверх, а Сэм с Джонатаном остались внизу с видом людей,

которым испортили интересные приключения в самом разгаре.

Вскоре Вивиан мирно и счастливо водворилась в маленькой гостеприимной спальне. Хотя в ее обстановке не было ничего знакомого и привычного, Петула показала, как что устроено: например, если понадобится зеркало, надо наступить на кнопку в полу, и кусок стены тут же отразит твое лицо. Еще Петула рассказала Вивиан, что как называется. Объяснила, как пользоваться душем и где включается музыка. Напоследок она нажала рычажок, от которого целая стена раскрылась, и за ней оказался шкаф. Внутри загадочным образом прямо в пустоте рядом висели костюмы-пижамы – и все они загадочным образом были впору Вивиан.

– Элио на такое мастер, – сказала Петула. – Если у тебя что-то не заладится, нажми ладошкой на голубой квадрат у кровати, и кто-нибудь из нас придет и выручит тебя.

Когда Петула ушла, Вивиан, чтобы показать, что теперь это ее комната, расправила бумажный кубок, сильно помятый к тому времени, и поставила его на пустой каркас от стола у стены. Потом легла на кровать – цветастое покрывало, наброшенное на пустоту, – и послушала непривычную, но мелодичную музыку, которая лилась из штучки под названием «дека», висевшей в воздухе у кровати. Почти так же приятно, как слушать радиопередачу. Вивиан решила, что, пожалуй, пора обдумать, как вразумить Джонатана – хватит ему жить без царя в голове – и заставить его отправить ее обратно, к кухне Марти. Почему-то Вивиан была уверена, что на это вполне способны два хронопризрака, которых она видела, только надо понять, как именно. Но ей совсем не хотелось думать о призрачной себе, шагавшей рядом с призрачным Джонатаном за много сотен лет до того, как сами они появились на свет. Вместо этого она уснула.

Вивиан проснулась, потому что в комнату кто-то вошел и положил для нее одежду. От звука задвинувшейся двери она рывком села. Оказалось, что теперь ей очень даже хочется подумать о двух хронопризраках. «Интересно, что это мы делали, то есть что это мы будем делать, – подумала она с изрядным любопытством. – Эти призраки мне точно пригодятся».

У нее даже забрезжила мысль, как именно.

– Эй, В. С.! Ты тут? – сказал из деки голос Джонатана.

– Нет. Я сплю, – заявила Вивиан. Забрезжившая было мысль испарилась.

– Тогда просыпайся. Ужин через полчаса, – сказал голос Джонатана. – Официальный, с гостями. Я предупредил. У нас так всегда. Прийти за

тобой?

– Что, правда? Тогда лучше приходи, – ответила Вивиан.

От этой новости она ужасно разнервничалась. Кое-как напялила шелковистый белый костюм, который ей приготовили. Штаны оказались такие широкие, что на вид были почти как юбка, и Вивиан дважды попадала обеими ногами в одну штанину и только потом разобралась, как их надевают. Когда она выпрямилась и сунула руки в мешковатые рукава, костюм сам застегнулся у нее на спине и начал слегка мерцать. На нем проступили голубые цветы, которые тихонько кружили по спиральям вокруг рук и ног. Вивиан их потрогала: бестелесные, как хронопризраки. От этого ей стало не по себе. Но куда больше ее напугало, какой костюм просторный: она привыкла к тесной одежде и белью, какие носили в 1939 году, и в таком летящем наряде чувствовала себя голой. От этого Вивиан еще сильнее разволновалась.

Когда явился Джонатан – весь в белом, с аккуратной свежезаплетенной косой, – Вивиан ничуть не полегчало.

– Будет очень скучно, – предупредил он ее по пути вниз по полированным ступеням. – В гостях у нас доктор Уайландер, мой учитель, и главный библиотекарь Энкиан. Они друг друга на дух не переносят. Говорят, Уайландер как-то раз швырнул в Энкиана Полным собранием сочинений Шекспира. Может, и правда, – он сильный, как бык. Сегодня они опять поскандалили, и отец пригласил их, чтобы помирить.

– Надеюсь, они будут так заняты своими скандалами и примирением, что и не заметят меня, – проговорила Вивиан.

– Наверняка, – отозвался Джонатан.

Но не тут-то было. Родители Джонатана ждали их в столовой – круглой комнате со сводчатым потолком, живо напомнившей Вивиан станцию подземки, а гости стояли рядом с ними возле ненастоящего огня, мерцавшего в настоящем камине. Все четверо были в строгих черных одеждах – и Вивиан невольно подумалось, что они будто прячутся от бомбежки. От этого ее охватило чувство неминуемой опасности. И стало только хуже, когда Дженни обернулась и сказала:

– Вот и она.

Вивиан поняла, что они сейчас говорили о ней.

Мистер Энкиан – с желтым треугольным лицом и манерой язвить даже при разговоре о самых обычных вещах – поглядел на Вивиан и сказал:

– Какая бледная!

Лицо Вивиан, словно в пику ему, тут же вспыхнуло и побагровело. Он смотрел на нее, будто на какую-то гадость, которую притащила с улицы

кошка. «Здесь, наверное, и кошек-то нет!» – в отчаянии подумала она.

– Шесть лет в истории, без свежего воздуха, – будешь тут бледной, – ответила Дженни самым что ни на есть заботливым и успокоительным тоном и повела всех к столу.

Вековечный Уокер измученно глянул на Вивиан через плечо.

– Однако же подрасти она сумела, – процедил он, будто Вивиан была в этом виновата.

А доктор Уайландер и вовсе разглядывал Вивиан безо всякого стеснения. Он был огромный. И лицо у него было огромное и брыластое – словно медвежья морда. Вивиан украдкой покосилась на него – и встретилась глазами с пронзительными серыми глазками, смотревшими на нее в упор с этого медвежьего лица. Они привели ее в полный ужас. Она понимала, что сейчас ее разглядывает и оценивает чуть ли не самый умный человек на свете. От страха она оцепенела, и Джонатану пришлось взять ее за плечо и пихнуть в пустой каркас резного полированного кресла.

Тут Вивиан стало немного легче: она поглядела на стол и обнаружила, что он вовсе не невидимый, а сделан из какого-то белого материала с белыми узорами, изображавшими скатерть.

Доктор Уайландер уселся напротив, пустое кресло скрипнуло. И заговорил с Вивиан. Голос у него был глухой, ровный, рокочущий, будто медвежий рык в далекой чаще.

– Так ты, получается, младшая Ли? Вивиан Ли, так?

– Да, – сказала Вивиан, отчаянно жалея, что приходится врать.

– Отправили домой, потому что началась Вторая мировая, верно? – прорычал доктор Уайландер.

– Да, – согласилась Вивиан – с облегчением, потому что теперь ее вранье сводилось к тому, чтобы отвечать чистую правду.

– А из этого следует, что печально известная нестабильность двадцатого века усугубилась настолько, что это обеспокоило твоих родителей, – сказал мистер Энкиан. – Мы рассчитываем, что ты нам обо всем расскажешь.

«Помогите!» – подумала Вивиан. И в панике покосилась на Джонатана, но ей сразу стало ясно, что от него помощи ждать без толку. Джонатан был спокоен и благонравен – так ведут себя все мальчики, когда хотят, чтобы их никто не замечал.

– Глупости, Энкиан, – прорычал доктор Уайландер. – Нельзя требовать от одиннадцатилетнего ребенка умения различать степени нестабильности.

– Я бы этого потребовал, если речь идет о ребенке двух профессиональных Наблюдателей! – вспыхнул мистер Энкиан. – Уж на

вопросы-то она в состоянии ответить!

Отец Джонатана понял, что его гости вот-вот поссорятся, и вмешался:

– В чем корень зла, мы все понимаем, – сказал он. – И хотя вероятность полного уничтожения по-прежнему сохраняется, сейчас главная наша задача – понять, как локализовать возникшую темпороническую флуктуацию в пределах столетия при такой большой прогностической погрешности...

И так далее, и тому подобное. Вошли четыре дамы и расставили перед каждым целую кучу тарелок и тарелочек, а Вековечный Уокер все говорил и говорил. Было очень скучно.

Наверное, у него работа такая – скуку навевать, подумала Вивиан. Если так, то он был мастером своего дела. Глядел в противоположную закругленную стену, как будто что-то его страшно тревожило, и все нудил и нудил о каких-то волнах эскалации, социотемпоральных кривых, типологических парадигмах агона, культурологических манипуляциях идеологией, поведенческих параметрах и индексе Ли – Абдаллаха, пока на всех не навалилась какая-то тяжесть.

Вивиан старалась слушать. Наверняка ведь, чем больше она узнает о Городе Времени, тем легче ей будет попасть домой. Но все эти рассуждения оказались еще непонятнее, чем объяснения Джонатана про устройство его пояса. Она смутно уловила, что в ее родном столетии какие-то беспорядки, а когда Вековечный Уокер упоминает «корень зла», то, наверное, имеет в виду Владычицу Времени. Еще Вивиан сообразила, что ученые из Города Времени следят за остальной историей и стараются, чтобы она вела себя так, как хочет Город Времени.

«Вот зазнайки!» – подумала она.

Наконец дамы разлили всем воды и вина в одинаковые бокалы из тысяч кусочков стекла, сверкавших, как самоцветы, и ушли, а хозяева и гости принялись за еду. Вивиан снова охватило чувство неминуемой опасности. Она понимала, что наверняка наделает жутких ошибок и все узнают, что никакая она не кузина Вивиан. Поэтому она пристально следила за Джонатаном и Дженни и во всем им подражала. Это оказалось несложно. Главное отличие в этикете Города Времени состояло в том, что почти все можно было брать руками и макать в мисочки с пряными соусами. Все капли исчезали на белой поверхности стола, словно по волшебству. У Вивиан прямо гора с плеч свалилась – похоже, застольные манеры ей все-таки по силам! Так что она даже не испугалась, когда мистер Энкиан и доктор Уайландер начали ее расспрашивать.

– Ну, как тебе вернуться в цивилизованный мир? – спросил мистер

Энкиан. – Такой, наверное, контраст с трущобами двадцатого века.

– Мы вовсе не в трущобах живем! – рассердилась Вивиан. – Мы живем в Луишеме, это приличный район. Там у многих даже автомобили есть.

– А ты видела настоящие трущобы? – прорычал доктор Уайландер, подняв голову от тарелок.

Дамы дали ему в два раза больше еды, чем всем остальным, даже не спрашивая. Наверное, ему нужно, подумала Вивиан, раз он такой огромный.

– На самом деле нет, – ответила она. – Мама никогда не отпускала меня в Пекхем-Рай. Там очень неприятно. Полисмены ходят по двое.

– Однако твои родители, несомненно, там бывают, – сказал мистер Энкиан, как будто констатировал факт.

– Нет, не бывают, – ответила Вивиан. – В трущобы никто не ходит, только в крайнем случае. Но мама иногда проезжает там на автобусе по дороге в Вест-Энд.

– А отец? – рыкнул доктор Уайландер.

– Не знаю. – Вивиан понурилась. – Я его уже давным-давно не видела. Как только возникла угроза войны, Министерство направило его на секретное Государственное Предприятие, и там муха не пролетит, поэтому он даже на выходные домой не попадает. Мама говорит, зато его не призовут в армию и не убьют на фронте.

– Я бы сказал, со стороны Ли это умный ход, – заметил мистер Энкиан. – Наблюдатель не должен допускать, чтобы его убили.

Вековечный Уокер подался вперед с гримасой озадаченной и страдальческой одновременно:

– Я думал, твои родители осели в районе под названием Ислингтон...

Вивиан подскочила. Оказывается, разум сыграл с ней злую шутку. Он разрешил ей соврать, назвавшись Вивиан Ли, зато во всем остальном согласился врать, только говоря абсолютную правду. Надо было выкручиваться, и побыстрее.

– Так и было, просто мы переехали, – сказала она. – Маме не нравилась моя школа.

Опять вранье. К тому же Вивиан уповала на то, что никто не станет расспрашивать ее об Ислингтоне, поскольку она в жизни там не бывала.

– Расскажи нам о школе, – попросила Дженни.

Вивиан вздохнула с облегчением и заговорила. Она рассказывала о школе, об одежде, об автобусах и подземке, и как прячутся там от бомбежек, если нет своего бомбоубежища. Рассказала про бомбоубежище, от которого на лужайке за ее домом теперь бугор. Все это время она макала

маленькие сухие пончики и длинные хрустящие листья в соус и ела, словно привыкла так с рождения. Отпила вина – на вкус оно было какое-то выдохшееся – и перешла на фильмы, в которых была настоящим специалистом. Микки-Маус, Белоснежка, Ширли Темпл и Бинг Кросби – она говорила и говорила, а дамы тем временем внесли другие блюда, и она все перепробовала, не замечая, что ест. После чего переключилась на джаз. Но тут доктор Уайландер проурчал очередной вопрос, и ей пришлось снова вспомнить о войне.

Она рассказала про карточки, про черные занавески для затемнения, которые она помогала маме шить, про противотанковые укрепления на дорогах и про зенитные установки на площади. Описала огромные серебристые аэростаты заграждения над Лондоном. Сказала, что от мистера Чемберлена никакого проку, и изобразила сирену воздушной тревоги. Вивиан так понравилось быть в центре внимания, что она даже предложила спеть «Мы на линии Зигфрида повесим белье». Но тут ее спросили про газовые атаки. Вивиан ответила, что этого все очень боятся. И рассказала, что правительство эвакуирует из Лондона детей. Описала, как жарко и шумно бывает в поездах, и чуть не проболталась, что ее саму отправили к кухне Марти, но вовремя прикусила язык.

– Всем детям вешают бирки, – сказала она. – Вроде багажных.

– Прости, деточка, я что-то не поняла. – Дженни посмотрела на доктора Уайландера. – А когда именно во время Второй мировой проводили эвакуацию? Двадцатый век – не мой период...

– Каждый раз через несколько месяцев после объявления войны, – прокричал доктор Уайландер. – Поскольку это Нестабильная эпоха, есть некоторые отклонения, но обычно это происходит в середине тысяча девятьсот тридцать девятого года. – Пронзительные глазки нацелились на Вивиан. – Когда у вас объявили войну?

Вивиан стало не по себе – было очень похоже, что в ее словах кто-то нашел ошибку, – но она решила отвечать правду.

– На прошлое Рождество, в тридцать восьмом, когда же еще.

Она никак не ожидала, что ее слова вызовут такой ужас. Все сначала посмотрели на нее, потом переглянулись. Джонатан, который за весь обед ни слова не проронил и даже не взглянул в сторону Вивиан, уставился на нее в полной панике. Дженни перепугалась не меньше.

– Смотрите, как сдвинулось назад! – воскликнула она. – Ранджит, это уже критическое значение! Я думаю, Наблюдателей необходимо срочно отзывать!

– Похоже, наши сведения безнадежно устарели. – Мистер Энкиан

скривился от отвращения. – О чем только думает Временной Дозор!..

– Сейчас выясню. – Вековечный Уокер нажал кнопку на ремне.

Доктор Уайландер, который все это время закидывал себе в рот по два хрустящих блинчика зараз, проговорил:

– Не так уж и удивительно. Три дня назад в сентябре тысяча девятьсот тридцать девятого был зарегистрирован сильный источник хрононов, и мы знаем, что он вызывает хаос. Удивительно лишь то, что начало войны отодвигается в прошлое так стремительно. Однако... – Огромная челюсть чавкнула, крошечные глазки снова покосились на Вивиан. – Согласись, это ваше правительство довольно бестолковое. Только сейчас собралось вывозить детей.

– До этого у нас была «странная война» – мы не принимали участия в боевых действиях, – вступилась за правительство Вивиан.

– Все равно непростительное разгильдяйство, – прорычал доктор Уайландер.

В комнату проскользнул бледный Элио. Вековечный Уокер что-то шепнул ему и отослал куда-то снова.

– Такими темпами еще немного – и этот век расщепит атом уже в двадцатые – со всеми вытекающими! – объявил мистер Энкиан.

– Идиот, – прорычал доктор Уайландер. – Рано или поздно они все равно должны до этого додуматься. На этом строится вся следующая эпоха Стабильности.

– Но не во время же войны! – рявкнул мистер Энкиан. – Нельзя, чтобы они открыли ядерную энергию, когда на них по линии хронологии надвигается волна хаоса! Тогда не будет никакой следующей эпохи Стабильности. От Земли останется только Город Времени, а он и так стремительно распадается!

– Чушь! – ощерился доктор Уайландер.

– Господа! – громко и занудно вмешался Вековечный Уокер. – Никто не спорит, что это кризис и для Города Времени, и для истории, и все мы стремимся по мере сил предотвратить его. Мы не пожертвуем ни искусством семидесятых, ни колонизацией звезд сотых...

И та-та-та, и бу-бу-бу. На всех снова навалилась тяжесть. Пришли дамы, забрали вторую перемену блюд и раздали каждому по горке какой-то сладкой пены. Вивиан только успела копнуть свою ложечкой – аромат был ничуть не хуже, чем у масляного парфе, – когда дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвался полноватый человек с пшеничной шевелюрой. Вивиан подскочила и уронила ложечку.

– Что тут говорят про последние данные об откате в прошлое? –

выпалил он.

Он был похож на Сэма. Он был так похож на Сэма, что когда Вивиан нагнулась под стол за ложечкой, то не удержалась и посмотрела ему на ноги, не развязаны ли шнурки. Но на нем были гладкие начищенные сапоги.

Тут все затараторили разом. Когда Вивиан снова села, оказалось, что этот человек с пшеничной шевелюрой навис над ней, будто собирается арестовать.

– Вивиан, ты же помнишь Абдула Донегала, папу Сэма? – спросила Дженни. – Он теперь глава Временного Дозора. Расскажи ему все, что рассказала нам.

«Все?!» – пронеслось у Вивиан в голове.

– В смысле – что война началась в прошлое Рождество? – уточнила она.

Мистер Донегал потербил губу и уставился на нее, будто на подозреваемую.

– По твоим словам выходит, что двадцатый век достиг критических показателей, – проговорил он. – Когда ты его покинула?

– Вчера ве... Вчера около четырех, кажется, – выдавила Вивиан.

Папа Сэма снова потербил губу и нахмурился.

– А очередные отчеты от Наблюдателей я получу только завтра, – сказал он. – Удачно, что ты здесь. Это значит, что начало войны отодвинулось в прошлое на десять месяцев за два дня. Плохо дело. Я объявляю желтый уровень опасности, сделаем все возможное, чтобы оно не отъехало еще дальше. – Он улыбнулся Вивиан, показав два зуба, точно такие же, как у Сэма, и потрепал ее по плечу. – Забегай к нам. Ну, до скорого. – И вроде бы собрался уходить.

– Э-э... Абдул, – остановил его Вековечный Уокер.

– Эй, Донегал! – закричал мистер Энкиан. Узкое желтое лицо побагровело от злости. – Как вам удалось просмотреть такой откат? Если бы не эта девочка, мы бы так ничего и не узнали! Отдает халатностью, вы не находите?

Мистер Донегал развернулся и уставился на него.

– Халатностью? – переспросил он. – Послушайте, Энкиан, я работаю с чрезвычайной ситуацией чуть ли не в самом нестабильном столетии за всю историю. Я только что вынырнул из-под завала отчетов из восьмидесятых, где говорится об угрозе Третьей мировой войны с опережением на двести лет. У меня дозорные по всей эпохе расставлены. Что еще от меня требуется? С последнего отчета Ли прошла неделя, возможно, отправить малышку Вивиан сюда было лучшим, что они могли сделать, но если вы

позвольте мне вернуться к работе, я немедленно пошлю туда человека проверить, что происходит.

– И тем не менее... – начал было мистер Энкиан.

– Абдул, посиди с нами, попробуй десерт... – поспешно вмешалась Дженни.

Глаза мистера Донегала обратились на пенистые горки – точно так же Сэм смотрел на масляное парфе. Потом он крайне неприязненно покосился на мистера Энкиана и погладил себя по округлому брюшку, выпиравшему над поясом с кнопками.

– Пожалуй, не стоит, Дженни. Что-то я опять полнею. К тому же мне пора на работу, налаживать контакт с супругами Ли, не говоря уже о том, чтобы еще разок попробовать поймать ту дамочку. – И не успел никто ничего сказать, как он снова с прежней силой хлопнул дверью и исчез.

– Как вы считаете, он ее поймает? – спросил мистер Энкиан.

Доктор Уайландер закричал в свой десерт.

– Не будем об этом, – прорычал он. – Тут кое у кого ушки на макушке.

Мистер Энкиан поглядел на Вивиан и Джонатана, а потом на Дженни.

– Если вы доели, милые, можете бежать, – сказала Дженни. – Уже поздно, а у Джонатана усталый вид.

Вивиан понимала, что их выставляют вон, чтобы взрослые могли поговорить о Владычице Времени. Вековечный Уокер ясно это показал – откинулся на спинку кресла и проводил их взглядом, исполненным муки.

– Все, что было здесь сказано, должно остаться в стенах этой комнаты, – сказал он. – Полагаюсь на вашу порядочность.

– Да, папа, – приглушенно отозвался Джонатан.

Неудивительно, что Дженни показалось, будто он устал, подумала Вивиан, когда они двинулись через переднюю. Джонатан весь побелел и повесил голову.

– Что-то случилось? – уточнила Вивиан.

Но Джонатан отказывался говорить, пока они не очутились у него в комнате.

Там он рухнул в пустой каркас кресла, да так, что косичка взметнулась, и практически закатил истерику.

– Будь прокляты эти хронопризраки! – взвизгнул он. – Из-за них я поверил, что ты и есть Владычица Времени! Но ведь нет! Я по каждому твоему слову понимал, что ты и вправду из двадцатого века! Микки-Маус! – Он взвыл. – И вот теперь мне придется возиться с тобой, а она на воле и крушит историю в свое удовольствие!

– А я тебе говорила, – сказала Вивиан. У нее просто гора с плеч

свалилась.

Как только Джонатан упомянул о хронопризраках, она поняла, как ей попасть домой.

– Терпеть не могу чувствовать себя дураком! – зашипел Джонатан и уткнулся лицом в кулаки. Косичка свесилась на руку.

Вивиан основательно перевела дух. Она была счастлива.

– А спорим, я знаю, как тебе найти настоящую Владычицу Времени, – сказала она.

Глава пятая

Временной шлюз

– Нет, не знаешь, – бесцветным голосом ответил Джонатан. – Мой отец, и мистер Энкиан, и отец Сэма – все побывали на той станции в тридцать девятом, и она от них ото всех улизнула. Да и от меня, если уж на то пошло.

– Зато я знаю, как она это сделала, – сказала Вивиан.

– Докажи, – потребовал Джонатан.

– Пожалуйста, – сказала Вивиан. И за неимением ничего лучшего уселась на пустой каркас стола. Пустота скрипнула, но выдержала ее вес. – Она ехала в том поезде, так ведь? Потому-то вы все и ждали ее на перроне.

– Не знаю. В Хронологе я подслушал только время и место. А остальное достроил из наблюдений за хронопризраками, – ответил

Джонатан. – И все напутал, – помертвелым голосом добавил он.

– Да послушай ты, – сказала Вивиан. – Все, кто приехал на том поезде, пошли напрямик к выходу, чтобы их там распределили по домам. И в поезде были только дети, это я точно знаю. А следовательно, она должна была быть маленькая, такая маленькая, что сошла за эвакуируемого ребенка, понимаешь?

Джонатан кивнул. Он отнял кулаки от лица и изо всех сил старался не слишком светиться надеждой:

– Хорошо. Итак, она доверчиво вкладывает ладошку в руку доброй фермерши – и уходит себе. Как нам узнать, к какой именно фермерше она попала?

– Проще простого! – сказала Вивиан. – Нам надо повидать кузину Марти. Она там живет. Городок небольшой, она всех знает. Она нам скажет, кто кого забрал, и после этого нам останется только обойти дома, будто сыщики, и найти твою Владычицу.

Джонатан чуть не вскочил. Но тут же обмяк:

– Без толку. Она уже переместилась куда-то во времени. Ты же слышала, что сказал папа Сэма про войну в восьмидесятые? Значит, она уже и туда добралась.

Насколько понимала Вивиан, это было похоже на правду. Но если она допустит, чтобы Джонатан так думал, то никогда не вернется домой. Поэтому она принялась его уговаривать.

– Она никуда не успеет улизнуть, если мы вернемся в точности в тот же момент на станции. Успеем ее перехватить.

Тут Джонатан вскочил по-настоящему:

– Может получится! – И снова обмяк. – Да нет, ничего не выйдет. Сэма поймали с ключами, так что теперь нам не подобраться к личному временному шлюзу.

– А обычный почему не годится? Скажи, что мы отправляемся... в сотый век, чтобы что-то там тайно поменять, – предложила Вивиан.

– Без шансов, – отрезал Джонатан. – За общественными шлюзами следят в оба. Детей к Нестабильным эпохам и на пушечный выстрел не подпустят.

У Вивиан остался только один выход – задействовать ту мысль, которая у нее забрезжила благодаря хронопризракам. Она с самого начала собиралась к ней подвести, но теперь, когда Вивиан была готова облечь ее в слова, мысль показалась ей какой-то неубедительной.

– А как же наши хронопризраки? – спросила она. – Мы откуда-то возвращаемся. И вид у нас такой... ну, то есть если бы мы обнаружили

потайной временной шлюз, то именно так бы и радовались, правда?

– А ты соображаешь! – воскликнул Джонатан.

Он вскочил, метнулся за дверь и помчался вниз через весь дворец. Вивиан кинулась следом, чтобы не дать его восторгу угаснуть. По белым рукавам у нее вились призрачные голубые цветочки – и постоянно напоминали ей, что на их с Джонатаном призраках была другая одежда. Она была совершенно уверена, что никакого шлюза они с Джонатаном не найдут. Но решила об этом не говорить, чтобы Джонатан снова не впал в уныние.

Вероятно, Джонатан заподозрил подвох. Убрав цепь, чтобы открыть странную дверь, он повернулся к Вивиан с нервной улыбкой:

– Как-то слишком просто. Ничего мы не найдем.

Дверь скрипнула. Джонатан тихонько затворил ее за ними и включил свет – Вивиан и не знала, что здесь есть свет.

Перед ними тянулись каменные стены и пол, совсем пустые и скучные.

– Иди вон туда, – сказал Джонатан. – А я тебе велю остановиться, когда ты дойдешь до того места, где возникают призраки.

Вивиан медленно зашагала к двери в Хронолог в другом конце. Ей оставалось до этой двери всего несколько шагов, когда Джонатан закричал:

– Стой! Видишь что-нибудь?

Вивиан оглядела каменный пол, сводчатый каменный потолок, голые каменные стены. Ничего особенного, только в левой стене виден старый проход – арка, замурованная более мелкими камнями, чем остальная стена.

– Вот здесь... – Она показала.

А больше ничего добавить не успела, потому что раздался топот бегущих ног, и миг спустя Джонатан был уже рядом.

– Посмотрим-посмотрим! – Его бешено трясло от волнения.

Он уперся обеими руками в мелкие камни замурованной арки и налег. Толкал так и смял. Ничего не произошло.

– Нет, она точно должна открыться! – закричал Джонатан и пнул камни – точно так же, как пнул церковный орган у себя в комнате. – Ой! – Он запрыгал на одной ноге, обеими руками схватившись за другую. – Я забыл, что на мне санда...

Каменная стенка повернулась на оси в середине арки, и по обе стороны открылись узкие черные лазы. Пахнуло сухостью и пылью. Джонатан отпустил ногу и уставился в темноту, такой белый от волнения, что лицо у него словно бы все осветилось зрительной функцией.

– Нашли! – прошептал он.

– А откуда ты знаешь, что это временной шлюз? – уточнила Вивиан.

Ее план осуществился с такой легкостью, что она испугалась. И при виде зияющих черных лазов ей стало сильно не по себе.

– Пойдем и проверим, – сказал Джонатан. Нажал кнопку на поясе – и тут же его окутал ореол света, словно он тоже был призраком. – Этого хватит только на пять минут. – По голосу Джонатана было слышно, что боится он не меньше Вивиан. – Надо быстро. – Он полез бочком в ближайший лаз. При свете от пояса стало видно, что обратная сторона поворотной стены сделана из чего-то старого и серого – явно не из камня. Камни были только для маскировки.

Джонатан уже наполовину пролез в щель, когда дверь во дворец скрипнула.

В коридоре гулко раздался голос Сэма:

– Что это вы тут делаете?

«Как же я не догадалась! – подумала Вивиан. – Хронопризраки были в другой одежде не просто так!»

– Тихо, ты! – зашипела она. – Это потайной временной шлюз!

Сэм колобком прокатился по коридору и очутился у арки в тот самый миг, когда Вивиан полезла следом за Джонатаном.

– Как раз успел! – радостно прошептал он – точнее, у него это сошло за шепот. – Ну и повезло мне!

– Тебе разве спать не пора? – в отчаянии шепнула Вивиан, когда Сэм просочился в щель по другую сторону стенки.

– Нет, конечно! – ответил Сэм. – Ух ты! Тут лестница вниз!

Джонатан уже спустился на пол-оборота винтовой лестницы. Кроме лестницы, в квадратном каменном колодце за аркой ничего не было.

Вивиан с Сэмом последовали за призрачным зеленоватым светом его пояса – все ниже и ниже по спирали, ниже и ниже. Каменные ступени были до того крутые, что Сэму пришлось нелегко, к тому же чем ниже они спускались, тем круче становилась лестница. Ступени были из цельных старых каменных плит.

Под конец Сэм просто сел на лестницу и стал сползать с одной плиты на другую.

Вивиан держалась за большие клиновидные ступени над головой и осторожно спускалась, и даже Джонатану приходилось идти осторожно. Здесь прямо веяло жуткой древностью. Древность безмолвно насадала на них со всех сторон. Ощущение было ледяное и нечеловеческое.

Вивиан вспомнила гигантскую каменную фигуру Фабера Джона, спящего под городом. «Может, это он вырубил нижнюю часть этой лестницы в незапамятные времена? – подумала она. – А люди нормального

роста потом надстроили выше ступеньки поменьше?»

– Я внизу, – негромко произнес Джонатан.

Они сползли с последней огромной ступени вслед за ним и очутились в комнатухе со стенами, сложенными из таких же исполинских камней. Прямо перед ними была плоская сланцевая плита, вделанная в стену, будто дверь. Она тускло светилась, и по ней пробегали крошечные искорки. Рядом один из камней немного выступал из стены. Наверху у него была выемка, а в выемке лежала какая-то штуковина вроде серого гусиного яйца. Больше в комнате не было ничего.

– Это временной шлюз? – уточнила Вивиан.

– Не знаю. Впервые вижу такое, – сказал Джонатан.

– Никаких кнопок, – сказал Сэм. – Ни хронографа, ни активатора, ни экстренной связи, ни настроек – или его демонтировали, или это не временной шлюз.

– Непохоже, чтобы все это тут было, – сказал Джонатан. – Но он мерцает, значит, наверное, включен. Как ты думаешь, может, это рычаг управления? – Он положил руку на серое гусиное яйцо в выемке и вздрогнул: оказалось, оно легко вынимается. Джонатан с сомнением взвесил его в ладони. – Тяжелое, – сказал он. – И тоже такое чувство, что оно включено. Только оно гладкое. Ни кнопок, ни выемок для пальцев. Смотрите.

Он протянул им яйцо, и они склонились над ним в зеленом свете пояса. Может, это и вправду было просто яйцо. Нигде ни щелей, ни контактов. Сэм засопел громче обычного.

– Жуть! – сообщил он. – Вы куда хотели попасть?

– На станцию, откуда Джонатан меня похитил, – сказала Вивиан.

При этих ее словах мерцание мгновенно сменилось ослепительным желтым дневным светом – так светит жаркое предвечернее солнце. Все заморгали, остро запахло сеном, коровьим навозом и паровозным дымом. Когда ослепление прошло, перед ними протянулся перрон железнодорожной станции. На дальнем конце толпились дети – тощие ноги и шеи, старые чемоданы, и все это испещрено квадратными коричневыми противопогазными коробками, а сверху колышутся и подпрыгивают школьные береты и фуражки. А прямо перед ними, у поезда, у которого были открыты все двери, перепуганная девочка с красным от жары лицом как раз оборачивалась, чтобы посмотреть на долговязого мальчишку в очках.

При виде этого Вивиан хоть и не передернулась от страха, как тогда, когда увидела хронопризраки, но все равно ей стало неприятно. Она и не

думала, что нос у нее сбоку такой формы. И что теплое пальто топорщится у нее пониже спины.

– Ну и вид у нас! – Она решила, что лучше уж глядеть на переодетого Джонатана. – Вот теперь я понимаю, что в тебе было не так, а тогда не сообразила! При тебе должен был быть противогаз. Ходить без противогаза запрещено законом. А я-то думала, почему ты такой странный!

– Сейчас нам туда нельзя, – сказал Джонатан. – Будем выглядеть еще страннее.

– И папа нас заметит! – прошептал Сэм и показал пальцем в толпу.

Вивиан вгляделась в толпу взрослых, ждавших у выхода со станции. И тут же узнала Вековечного Уокера, который в бриджах и твидовой кепке смотрелся просто дико. Рядом с ним стоял мистер Энкиан в дождевике и фетровой шляпе и смотрелся еще более дико. Папа Сэма был одним из мужчин в нарукавных повязках. Он деловито распределял эвакуированных на пары и четверки и почему-то выглядел гораздо правдоподобнее.

– Не понимаю, как она удрала, если твой отец этим занимался, – сказал Джонатан Сэму.

Вивиан, по правде говоря, тоже не понимала, как так вышло.

– Но она же... – начала она.

В этот миг долговязый переодетый Джонатан подхватил чемодан запыхавшейся Вивиан с перрона. Прежняя версия Вивиан рванулась за чемоданом, и оба развернулись лицом к каменной комнатухе. Сэм, Джонатан и Вивиан разом попятились к лестнице, чтобы их не заметили. Глупо, конечно, но это был первый порыв. Удивительно другое: от этого станция сразу исчезла, и остался только зеленый свет от пояса Джонатана. В нем они увидели, что плита водворилась на место и по-прежнему слегка мерцает.

– Как это получилось? – спросил Сэм.

– Понятия не имею, – отозвался Джонатан. Покатал в ладонях гладкое серое яйцо и положил обратно в выемку. – Главное – получилось. Пошли возьмем одежду из двадцатого века. Потом можно будет пройти.

Сэм возмущенно заверещал, отчего в комнатухе сразу стало очень шумно.

– Нечестно! У меня нет никакой одежды! Значит, подождете, пока я что-нибудь себе не раздобуду! На этот раз вы от меня не отделаетесь! Нечестно!

Вивиан промолчала. Она надеялась, что Джонатан пошлет Сэма куда подальше. Но Джонатан, которому, конечно, сначала очень хотелось

именно так и поступить, все-таки преисполнился справедливости и сказал:

– Ну ладно, успеешь стащить какую-нибудь одежду к утру, чтобы мы пошли сюда сразу после завтрака?

– Да! – Сэм заплясал по комнатухе, размахивая руками. – Ура! Ура! Я в жизни не путешествовал в прошлое! Ура! – Он рванулся к лестнице и полез на нижнюю ступеньку. – Сейчас же пойду заморочу голову дозорной-костюмерше! – крикнул он. – И красть ничего не придется. Знаешь, как я раздобыл твою одежду? Сказал, что мне надо для карнавала, она и дала!

Когда Вивиан и Джонатан полезли по лестнице следом за ним, Джонатан в утешение сказал:

– Это только кажется, что ждать долго. Мы же теперь знаем, что шлюз работает, и можем вернуться в тот же самый момент, когда захотим.

Вивиан подумала, что он утешает не только ее, но и себя.

Тут свет от пояса Джонатана стал тускло-фиолетовым и потух. Сверху донеслись непонятные шорохи.

– Мне не страшно! – крикнул Сэм. – Просто ничего не видно.

– Нам тоже! – крикнул в ответ Джонатан натужно-спокойным голосом. Было не просто темно. Их окружала густая чернота, от которой казалось, будто весь мир исчез. – Лезь на ощупь!

Они медленно, неуклюже вскарабкались еще на несколько крутых каменных ступеней. В такой темноте и не верилось, что они продвигаются вверх. И Вивиан вдруг стали мерещиться всякие ужасы. Она была уверена, что с потолка ей на шею вот-вот упадет паук. Пауков она терпеть не могла. Правда, по дороге вниз она нигде не видела паутины – но ведь и не приглядывалась, само собой. Вивиан накрепко зажмурилась и вжала голову в плечи, чтобы спрятать шею. Ей хотелось завизжать.

– В следующий раз возьми фонарик, – проговорил Сэм неверным голосом, в котором тоже сквозило желание завизжать.

– Да. Обязательно, – сказала Вивиан. – А... а в Городе Времени много пауков?

– Только в Музее стародавней науки, – откликнулся снизу Джонатан. Теперь голос у него стал по-настоящему спокойный. – Я понял, что делать. Надо думать о чем-то совсем другом. Я решаю в уме уравнения временного поля.

– Повторю алфавит! – Сэм тут же снова стал бодрым и радостным.

Вивиан попробовала вспомнить таблицу умножения на семь, но она ей никогда не давалась, и к тому же все, что связано со школой, было очень-очень далеко от колодца в полу в Городе Времени. Пришлось ей выбрать

какой-то более насущный предмет для размышлений. Завтра, подумала она, она вернется в свой век и поселится у кузины Марти. Только вот, судя по хронопризракам, Сэма с ними не будет. Там были только они с Джонатаном, и они не уходили, а возвращались. Наверное, это значит, что Сэм не сумеет раздобыть одежду, заболит корью или еще что-нибудь. Но даже если Сэм с ними не пойдет, это все равно не объясняет, почему Вивиан придется вернуться и почему у нее при этом будет такой взволнованный вид.

Ступени стали более пологими. Значит, скоро они будут наверху.

– Эф, а, бэ, е, эр! – донесся сверху голос Сэма. – Дэ, же, о... ой, вижу, вижу!

Вивиан поднялась еще на ступеньку – и тоже увидела в очень тусклом свете огромные камни, должно быть, продолжение кладки коридора во дворце. Она выпрямилась и пробежала остаток пути галопом – Джонатан напирал сзади, а шнурки Сэма волочились по камням у нее перед носом. Миг – и все они уже протискивались в лазы у вертящейся фальшивой стенки на свет, до того яркий после темноты, что у них заслезились глаза. Джонатану пришлось отключить эту его зрительную функцию, чтобы протереть глаза изрядно перепачканным белым рукавом. Потом он бережно повернул фальшивую дверь и закрыл, так что теперь это снова была просто замурованная арка в стене.

– Уф! – воскликнул Сэм, когда они двинулись обратно по коридору. – Здорово было!

«Да уж как-то слишком!» – подумала Вивиан, но ничего не сказала, потому что, раз задумавшись о загадочных хронопризраках, уже не могла остановиться. «Что же такое с нами будет?» – гадала она, пока Джонатан закрывал дверь на цепь и велел Сэму обязательно объявиться завтра ровно в девять утра, иначе они уйдут без него. «Может, Сэм опоздает», – подумала Вивиан, но как-то неуверенно. Сэм убежал восвояси. А Вивиан все гадала, пока Джонатан не отвлек ее на самом верху полированной лестницы.

– Извини, пожалуйста, В. С., – смущенно проговорил он. – Правда извини. С моей стороны было глупо так долго верить, что ты и есть Владычица Времени. Теперь-то я знаю, что ты не она. И ты из-за меня ужасно влипла. Когда мы найдем настоящую Владычицу, можешь вернуться домой, если хочешь.

«Такой гордец, как Джонатан, – и извиняется?» – удивилась про себя Вивиан.

– Спасибо, – сказала она. – Только все же станут спрашивать, куда

подевалась кузина Вивиан.

– Что-нибудь придумаем, – уверенно ответил Джонатан. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – отозвалась Вивиан рассеянно, потому что как раз в этот миг подумала: «Если даже Джонатан считает, что я могу попасть домой, то почему же я вернулась – в смысле, вернусь?»

Наутро, когда она проснулась, это оставалось для нее полнейшей тайной. Обдумав все еще раз от начала до конца, Вивиан решила, что в качестве меры предосторожности стоит одеться так же, как ее призрак. «Тогда, если я почему-то все-таки вернусь, на этом все закончится, – подумала она, – и после этого можно будет сразу домой».

Она открыла стенной шкаф и посмотрела на ряд комбинезонов, которые непостижимым образом висели прямо в воздухе. И поймала себя на том, что у нее нет даже самого туманного представления, как был одет ее призрак. Она помнила ромбы на костюме Джонатана, но про свой знала только, что он был какой-то цветной, а не белый с призрачно-голубыми цветами.

– Вот зараза! – сказала она.

Ничего не оставалось, кроме как закрыть глаза и вытащить первый попавшийся комбинезон. «Если это то, что нужно, значит будет то, что нужно, как бы я ни выбрала, – решила Вивиан. – А если нет, то нет». Рука нащупала ткань. Вивиан открыла глаза и обнаружила, что ей попался полосатый, как зебра, костюм, только полосы на нем были не черно-белые, а ядовито-желтые и фиолетовые и ползали туда-сюда сами по себе.

– Нет, это не тот, – сказала Вивиан. – Такое я бы запомнила.

Но уж что выбрала, то выбрала, значит, судьба, – и Вивиан надела костюм. Когда он застегнулся сам собой на спине, то стал еще более запоминающимся. На коленях, локтях и груди загорелись большие алые сердца.

Вивиан все осматривала себя с сомнением, особенно сердца, и так задумалась, что в коридоре за дверью налетела на Петулу.

– О, ты уже встала! – сказала Петула. – А я как раз иду тебя будить. Элио обрадуется, что ты надела этот костюм. Ему нравится такая расцветка. Андроиды, понимаешь ли, неважно различают цвета.

– Он очень яркий, – искренне ответила Вивиан.

Петула отвела ее вниз и показала комнату, которую назвала «рассветной». Там уже был Джонатан – он ел оладьи в полосе яркого света от окна, забранного стеклом с разводами. Ход мысли у Джонатана с Вивиан явно совпал, потому что на нем был тот самый комбинезон с

ромбами.

– Я решил ждать Сэма до без пяти, – сообщил Джонатан. – Потом пойдем.

Он явно уже сожалел о вчерашнем приступе справедливости.

– Хорошо, – кивнула Вивиан. – А на мне тот комбинезон или не тот?

Джонатан покосился на нее:

– Не помню, но если Сэм придет, значит точно не тот. Разве что с Сэмом что-то случится, – с надеждой добавил он.

Стоило ему упомянуть Сэма, как дверь отъехала в сторону и вошел Сэм собственной персоной, волоча за собой переносную птичью клетку, под которой по воздуху плыл большой белый тюк.

– А вот и я! – объявил Сэм. – Она дала мне все, что нужно!

– Как помянешь кое-кого... – пробормотала Вивиан.

Следом за Сэмом в комнату вошла Дженни.

– Это ты обо мне? – рассмеялась она. – Что это у тебя, Сэм?

– Костюм для карнавала, – виновато промямлил Сэм.

– А! Я думала, ты принес все для пикника, – сказала Дженни. – Джонатан, Вивиан, поскольку сегодня последний день каникул, мы с Рамоной решили взять выходной и показать Вивиан окрестности города. Мы узнали прогноз, погода будет прекрасная, жарко и солнечно, и мы подумали, может, устроить пикник у реки.

Хорошо, что Дженни стояла спиной к Сэму. Он весь побагровел от ужаса. Вивиан пришлось изобразить широкую улыбку, чтобы выглядеть хоть чуточку лучше Сэма.

Лицо у Джонатана окаменело, но он ответил как ни в чем не бывало:

– Прекрасная мысль! Когда выходим?

– В одиннадцать, ничего? – спросила Дженни. – Мне еще тут нужно кучу всего доделать.

Сэм перестал дышать, чтобы не вздохнуть с облегчением.

– Значит, встречаемся у выхода в одиннадцать, – пообещал Джонатан.

Как только Дженни ушла, он вскочил:

– В. С., хватай оладью, возьмишь с собой. Нам пора.

Вивиан взяла оладью, но никуда не пошла, а села и стала есть.

«Мама Джонатана очень добра ко мне, – подумала она. – Конечно, это потому, что она думает, будто я ее племянница, но, если я не приду на пикник, у нее пропадет выходной и она будет волноваться, где я. А потом все всплывет, и Джонатану и Сэму очень крупно влетит. Зараза! Вот, значит, почему мой призрак возвращается!»

– Пошли! – сказал Сэм.

– Послушайте, – сказала Вивиан. – Мы можем попасть на станцию именно в нужный момент, правда?

– Да, но все равно... – Джонатану явно не терпелось бежать.

– Тогда мы, наверное, можем и вернуться тоже в нужный момент? – спросила Вивиан. – И вообще, как мы вернемся?

Джонатан с Сэмом переглянулись.

– Точно! А как мы вернемся? Ты об этом не подумал! – напустился Сэм на Джонатана.

– Э-э-э... ну, в общем, мы же точно знаем, что вернулись, значит все будет хорошо! – нашелся Джонатан.

– Конечно, у вас-то с ней все гладко пройдет, – сказал Сэм. – А как же я? Разберись. Спроси Элио. Он все знает.

– Хорошо, – согласился Джонатан. – Но надо спросить его как-нибудь жутко хитроумно. Если он заподозрит, что мы затеяли, то всем расскажет. Это его долг. Андроид есть андроид.

Сэм нервно потер себе загривок.

– Давай уж похитроумнее, – проговорил он. – Хитроумнее некуда. Но только разберись, что к чему, а то я всем наябедничаю.

Джонатан нетерпеливо фыркнул и бросился к двери. Она открылась перед ним, и он едва не натолкнулся на стоявшего на пороге Элио.

– А я как раз тебя искал! – воскликнул Джонатан.

«Говорю же – как помянешь кое-кого...» Вивиан взяла себе еще три оладьи и старательно полила их сиропом. Нет уж, она не даст Джонатану утащить ее в двадцатый век на голодный желудок.

– Знаешь, Элио, я тут прочитал в одной книге... – донельзя хитроумно начал Джонатан.

Элио двинулся в комнату – как всегда, мягко и почтительно. Он обошел Джонатана, потом обошел Сэма. Подошел к столу. Вивиан, едва успев положить в рот кусочек оладьи, подняла голову и обнаружила, что Элио стоит рядом и на его бледном лице сияет самая что ни на есть широкая улыбка.

– А, мисс Вивиан, – сказал андроид. – Петула сообщила мне, что вы надели этот туалет. Я так рад, что он вам понравился. Это мои любимые цвета.

– Он очень красивый, – сказала Вивиан с набитым ртом. – Спасибо, что подобрали мне его.

– Это вам спасибо, – ответил Элио с полупоклоном. После чего переключился с Вивиан на Джонатана. – Мастер Джонатан, вы, кажется, упомянули о какой-то книге.

Пока Джонатан упражнялся в хитроумии, Вивиан успела плотно позавтракать. Джонатан описывал книгу долго-долго.

Элио стоял, склонив голову, и внимательно слушал – и почти за десять минут ни разу даже не шелохнулся.

– Мне кажется, у нее очень запутанный сюжет, – сказал он наконец. – Как она называется?

– Я забыл, – нашелся Джонатан. – Но главное... то есть чем все кончается, не важно. Главное – там герои применяли временные шлюзы, про которые я и хотел спросить. Как-то это слишком просто, даже не верится, что так бывает. В книге говорится про шлюз, который был сделан из нефритовой пластины, насыщенной энергией, – и все. Никаких кнопок, никаких хронометров – ничего.

– А, – сказал Элио. – Видимо, это старинная книга. Это самая примитивная конструкция временного шлюза. Она вышла из употребления несколько сот лет назад, поскольку разведчики постоянно теряли пульты.

– Пульта? – Джонатан изо всех сил старался, чтобы в голосе не звучало волнение.

– Яйцевидные устройства, – пояснил Элио. – Принцип их работы неизвестен, поскольку считается, что все их создал Фабер Джон собственноручно. В них заключены и источник питания, и хронометр, и высокоточные пространственные датчики. Таким образом, чтобы открыть шлюз в обратном направлении – из истории в Город Времени, – разведчик должен был взять устройство с собой. А в царящей в истории суете разведчик почти неминуемо ронял, терял устройство или же пульт у него отбирали грабители. Это происходило настолько часто, что таких устройств осталось очень мало. Между тем следует понимать, что заменить пульт невозможно. Если вы желаете увидеть один из немногих оставшихся пультов, их можно найти на выставке в Музее стародавней науки.

– Вот сейчас пойдем и посмотрим. – Джонатан многозначительно поглядел на Вивиан, которая как раз приступила к дыне. – Мм... а как действовали эти яйца?

– Повиновались мысленному приказу разведчика, – сказал Элио. – Как я уже упоминал, они несколько загадочны, но я полагаю, что ими управляли голосовыми командами либо должным образом направленными мыслями. Удалось ли мне избавить вас от затруднений?

– Надеюсь, – ответил Джонатан. – То есть – да, спасибо, Элио.

– Тогда я должен уйти. – Элио поклонился всем и двинулся к двери. – Прошу вас, постарайтесь вспомнить, как называлась книга, – попросил он на пороге. – Я не люблю, когда мне говорят о чем-то, чего я не знаю.

– Я очень постараюсь, – пообещал Джонатан. Как только дверь за Элио закрылась, он развернулся к Вивиан: – В. С., ну пойдем! Кончай обедаться и иди переоденься в одежду двадцатого века!

«Раскомандовался!» – подумала Вивиан.

– Сначала доем дыню, – заявила она. – В жизни не видела таких больших и сочных. И вообще, теперь ты знаешь, что надо просто сказать яйцу, чтобы вернуло нас незадолго до одиннадцати. Так что не важно, когда мы отправимся.

– Да, но если мне придется еще подождать, я не смогу обойтись без масляного парфе! – проныл Сэм.

Глава шестая

Кузина Марти

На сей раз Джонатан подготовился как следует. Он раздобыл квадратную коробку на веревке, очень похожую на противогазную, и положил в нее яйцо-пульт. Из коробки он достал тоненький тюбик смазки и смазал большие старинные петли двери с цепью, чтобы не скрипела. Когда все они, захватив одежду, на цыпочках двинулись по каменному коридору, Вивиан подумала, что даже если для Джонатана это просто развлечение, он относится к нему очень серьезно.

Джонатан припас в коробке и мощный фонарик. У замурованной арки он посветил на камни и нашел белый след, который оставила его сандалия накануне вечером. Пнул в то же место. Фальшивая дверь плавно повернулась, и они протиснулись в лазы. При более ярком свете спускаться оказалось гораздо легче. Когда они очутились в каменной комнатухе внизу, Джонатан пристроил фонарик на ступеньку, чтобы светил, пока они

переодеваются в одежду двадцатого века.

Сэм, разворачивая свой сверток, от волнения пыхтел на всю комнатуху. А Вивиан, развернув свой, онемела от ужаса. Кто-то, наверное, Петула, постирал ее одежду в той же машине, что и пижамы, которые носили в Городе Времени, и все погубил. Пальто село на два размера, школьный берет превратился в тряпку. Вивиан решила, что не станет их надевать, наденет только юбку, а вместо блузки сойдет верх от пижамы. Юбка вроде бы осталась прежнего размера, но, когда Вивиан ее натянула, оказалось, что она стала тесной и непривычной на ощупь, а когда Вивиан закатала пижамные штанины, чтобы спрятать под юбку, и пристегнула их подвязками от чулок, стало только хуже. Верх пижамы в свете фонарика сиял ядовитыми красками. Вивиан сообразила, что в 1939 году никто не ходит в желто-фиолетовых полосатых блузках, да еще чтобы полоски извивались сами по себе. Пришлось затолкать руки в рукава темно-синей вязаной кофты, которая села примерно так же, как пальто, а потом бороться с силами и застегнуть ее на все пуговицы. Во всем этом Вивиан чувствовала себя просто ужасно.

Сэму тоже пришлось нелегко. Костюмерша из Временного Дозора выдала ему серые шорты с красными подтяжками, и он запутался в подтяжках. На ногах у него были грубые шнурованные ботинки со стальными набойками, и с ними пришлось еще тяжелее. Поэтому Вивиан изо всех сил помогала Сэму, пока Джонатан в сером фланелевом костюме и очках и с пультом-яйцом в руках нетерпеливо топтался рядом.

Ей удалось распутать подтяжки. Потом она встала на колени и зашнуровала ботинки, причем, зная Сэма, каждый завязала на двойной бантик. Но затолкать волосы Сэма под полосатую школьную кепку было просто невыносимо. Пришлось Вивиан разыскать в кармане севшего пальто аптечную резинку и затянуть ему волосы в узел на макушке, как у Вековечного Уокера.

– Мерзопакостные одежды! – ныл Сэм.

– Сам ты мерзопакостный, – сказал Джонатан. – Ну что, готовы? – Он поднял серое яйцо повыше. – На станцию в тот момент, когда я нашел В. С., – скомандовал он.

В проем на месте сланцевой плиты хлынуло жаркое предвечернее солнце – а следом за ним прямо им в лицо повалили густые клубы желтого дыма, вонявшего рыбой. Сэм закашлялся.

– Стало по-другому! – сипло проговорил он, когда дым развеялся.

Вивиан подумала, что они, наверное, опоздали на минуту-другую. Поезд не спеша отходил от перрона, заволакивая его густым желтым

дымом. В чем, собственно, разница, было трудно сказать, но Вивиан увидела себя и Джонатана далеко впереди, гораздо ближе к спуску с перрона, как будто она только что вышла совсем из другого вагона.

Кругом толкались эвакуированные, но толпа по сравнению с тем, что помнила Вивиан, заметно поредела. Отцу Сэма, который смутно виднелся сквозь дым, на сей раз мало кого пришлось распределять по семьям.

– Пошли, пока нас не видно из-за дыма! – приказал Джонатан, торопливо заталкивая яйцо в коробку.

Сэм двинулся вперед, Вивиан следом. Их окутал дым. Гвозди в подметках Сэма звякали по перрону. Вивиан обернулась и обнаружила, что сзади будто из ниоткуда вынырнул Джонатан. «Да что ж такое! – подумала Вивиан. – Теперь он один с противогазом! Только бы нам не попался уполномоченный по гражданской обороне!»

– Куда нам теперь? – шепнул Джонатан.

Вивиан продумала подробности гораздо хуже Джонатана. Надо было соображать, и быстро. Если они пойдут к выходу, то натолкнутся на отцов Сэма и Джонатана. Вивиан повернула в противоположную сторону.

– Здесь тоже должен быть спуск, – сказала она.

Они прошли мимо каких-то молочных бидонов. Когда поезд ушел, дым рассеялся, и они очутились на ярком желтом солнечном свете у дальнего конца перрона, где был пологий спуск на полосу травы вдоль рельсов. В проволочной ограде очень кстати нашлась белая калиточка с табличкой «БЗЖД. Служебный выход». Они прошли туда – ну и ничего, что служебный, – и очутились на дороге, по которой уже уходили редкие группы детей с противогазами и чемоданами и приютившие их взрослые.

– Сейчас дадим тебе славную кружечку чаю, – донеслось до них. – А поселим тебя в комнате нашего Уилла, сам-то он сейчас на фронте.

– У меня вот мифка, – объявил кто-то из детей. – Плавда, квасивый?

Джонатан обернулся на станционное здание.

– Может, пойдем найдем твою кузину Марти? – предложил он. – Она, наверное, уже переволновалась. Или лучше подождем здесь, пока она сама не пройдет мимо?

– Я не знаю, как она выглядит, – призналась Вивиан. – Я даже не совсем уверена, что она кузина Марти, а не кузен Марти. Знаю только адрес на обратной стороне бирки: М. Брэдли, Гладстон-роуд, пятьдесят два. Придется пойти туда и подождать, пока она вернется домой. Или он.

– Что же ты раньше не сказала? – вспыхнул Джонатан. – Я бы раздобыл карту!

– Это деревня. Тут должно быть близко, – успокоила его Вивиан.

Они двинулись за толпой эвакуированных и хозяев по типичной улице, ведущей к станции.

– Ужасные домишки! – пробурчал Сэм, тяжело звеня подметками по мостовой.

– Мерзопакостные, – согласился Джонатан.

– Я тут ни при чем, – огрызнулась Вивиан.

Но почему-то чувство было такое, будто очень даже при чем. Ряды домов из красного кирпича казались особенно уродливыми по сравнению с дворцами Города Времени. А к концу улицы Вивиан поняла, что хотя по сравнению с Лондоном или Городом Времени это, конечно, совсем небольшой городок, в нем все равно вполне можно потеряться. Они свернули на другую улицу, потом на третью. Толпа впереди растекалась по боковым улочкам, а никакой Гладстон-роуд им так и не попалось. В конце концов Джонатан остановил последнюю группу эвакуированных, пока и они не растеклись по улочкам, и вежливо спросил сопровождавших взрослых, как пройти на Гладстон-роуд. Им рассказали как – довольно-таки путано, – и они двинулись дальше.

Вскоре они очутились в центре городка – как видно, тихого и сонного. Глазу было почти не за что зацепиться, кроме каких-то древних развалин на той стороне улицы, бензозаправки с одной проржавевшей колонкой и домика при ней, на котором было намалевано краской «Пейте чай „Тайфу“». Возле бензоколонки возился человек в рабочем комбинезоне. Вивиан робко перешла дорогу и спросила, где здесь Гладстон-роуд. Он рассказал гораздо понятнее, но выяснилось, что идти придется далеко.

Они все шли и шли и дошли до дальней окраины города. По-прежнему стояла жара. Вивиан в ее разномастных одежках становилось все жарче и жарче. Шнурки у Сэма развязались, несмотря на двойные бантики, и он постоянно спотыкался. Из-под очков у Джонатана струился пот. Он все чаще рывкал на Джонатана и Вивиан и постоянно озирался, как будто ждал, что на них кто-то выпрыгнет то ли из-за фонаря, то ли из-за почтового ящика.

– Почему ты не объяснила по-человечески, что не знаешь дорогу? – ругал он Вивиан, пока она завязывала Сэму шнурки, встав на колени на мостовую.

– И надо было захватить попить! У меня сейчас мозги вскипят! – ныл Сэм.

– И у меня! У тебя хотя бы коленки голые! – сказал Джонатан.

– Зато ботинки как свинцовые кандалы! – отозвался Сэм. – Можно, я их сниму?

– Нет. В наше время ходить босиком неприлично, – отрезала Вивиан. – Ну вот. Это четверные бантики, и если и они развяжутся, я... я съем свои чулки!

– Ладно, пошли дальше, искать незнамо что! – процедил Джонатан. – По-моему, во всем двадцатом веке нет никакой Гладстон-роуд и никакой кузины Марти!

Вивиан воспользовалась случаем и подтянула чулки. Без подвязок они сползали на каждом шагу. Ей подумалось, что и она тоже больше не верит в кузину Марти. Заметив на станции все эти мелкие, но отчетливые различия, она сразу заподозрила неладное. История изменилась. А значит, возможно, теперь здесь все иначе.

Поэтому она даже удивилась, когда они свернули за следующий угол и очутились на Гладстон-роуд. Возможно, это и была та самая улица, которая вела от станции. Те же красные кирпичные дома, живые изгороди из желтой бирючины, серебристые рельсы, только, поскольку это был другой конец города, за крышами были видны зеленые поля и луга. Вот рощица на холме, а сразу за ней – другой холм, повыше, заросший травой и с какой-то башней на вершине.

Дом номер пятьдесят два был на полпути. Они нерешительно потоптались у серебристой калитки с пиками наверху.

– Давайте я постучу, – шепнула Вивиан. – Если она уже дома, попрошу воды, а потом завяжу разговор.

Но стучать не стала, а потопталась еще. Она совсем не ожидала, что город окажется таким большим, поэтому уже не рассчитывала, что кузина Марти знает что-то о других эвакуированных. Правильно сказал Джонатан – они ищут незнамо что. «И мне все равно придется придумать предлог, чтобы уйти, а потом опять вернуться», – подумала Вивиан. Чем дольше она там стояла, тем невозможнее все это становилось.

– Да ну тебя! – взвился Сэм, храбро открыл ворота, протопал по тропинке к входной двери, взялся за дверной молоток и застучал изо всех сил.

Кто-то распахнул дверь. Это была тощая изможденная дама – она стояла, сложив руки на груди, и мрачно смотрела на Сэма. Лицо у нее было все в бородавках. Темные волосы она уложила наподобие тюрбана, а одета была в темное платье.

– Чего тебе? – спросила она. – Я думала, это вернулся тот, другой, а то не открыла бы дверь!

– Воды! – простонал Сэм, будто умирающий в пустыне.

Джонатан отпихнул его в сторону.

– Миссис Брэдли? – учтиво осведомился он.

– Мисс Брэдли! – резко поправила его дама. – Меня зовут мисс Марта Брэдли, мальчик, и я ни за что...

– О да, – сказал Джонатан. – И вы ожидали, что к вам приедет Вивиан Смит...

– Говорить об этом не желаю! – рассвирепела мисс Брэдли.

– Я лишь хочу узнать... – начал Джонатан, стараясь сохранять учтивость.

Но мисс Брэдли вдруг разразилась обвинительной речью:

– Я понимаю, сейчас война, и знаю, что каждый должен внести свой вклад в общее дело. Поэтому, когда кузина Джоан написала мне из Лондона – а до этого столько лет от нее не было ни строчки! – я не стала высказывать ей все, что думаю, хотя и вижу, что она вспоминает обо мне, только когда ей что-то нужно. Я сказала, что приму ребенка. Прошу отметить, что при других обстоятельствах ничто не заставило бы меня впустить в свой дом вульгарных маленьких кокни...

– Вульгарных маленьких кокни?! – воскликнула Вивиан, глядя на даму со смесью возмущения и жгучего ужаса.

Нет, не может быть, чтобы это была кузина Марти! Но маму Вивиан звали Джоан, так что, похоже, это она и есть...

– Да, именно так я и сказала! – подтвердила мисс Брэдли. – У них у всех вши. И кое-что похуже. Я была к этому готова. Но когда оказалось, что это еще и мальчик, я едва не бросила эту затею. А он еще и имел наглость одурачить меня...

– Прошу прощения, – перебил ее Джонатан. – Вы говорите – мальчик?

– Вот именно! – сказала мисс Брэдли и снова сложила руки на груди, отчего стала еще угрюмее. – Мальчикам нет места в моем доме. Ты можешь быть сколько угодно благовоспитанным, мальчик, но на порог я тебя не пущу – и того, второго, тоже. Кузина Джоан обошлась со мной непорядочно, заморочила мне голову своим любезным письмом – кузина Марти то, кузина Марти се. И даже не обмолвилась, что Вивиан – это может быть и мужское имя. Я ей напишу, я ей выскажу все, что думаю!

Значит, это и правда кузина Марти! К тому же, судя по ее словам, произошло недоразумение куда хуже, чем самые страшные фантазии Вивиан в поезде. Вивиан пихнула Джонатана, намекая, что надо уходить. Похоже, разузнавать тут больше нечего. Но Джонатан стоял на месте.

– Ваш рассказ приводит меня в сильнейшее недоумение, – сказал он. – Как видно, вы встретили сейчас на станции мальчика по имени Вивиан Смит?

– А что мне было делать? – свирепо поинтересовалась кузина Марти. – Он подошел сначала к миссис Аптон, потом к леди Стердж и спросил, не встречаются ли они кого-то по фамилии Смит. Потом подошел ко мне и помахал у меня перед носом этой своей биркой! А я стояла прямо рядом с ними. Не могла же я при леди Стердж отказать своему родственнику? Кровь не водица. Вот я и взяла его к себе и привела домой. Но стоило нам войти в калитку, как он одурачил меня и снова куда-то исчез! Если ты ищешь его, мальчик, то его здесь нет!

– Вы не знаете, куда он отправился? – спросил Джонатан.

– На Тор – не знаю, с какой стати, – отвечала кузина Марти. – Я спросила: «Куда это ты, с позволения сказать?» А он и отвечает: «Мне надо на Тор. А поскольку вы ясно дали понять, что не хотите меня брать, я, наверное, не вернусь». Какая наглость! А потом говорит: «Найду кого-нибудь, больше похожего на человека» – так и сказал. И след простыл! Зря я купила ему паштет к чаю!

– Ага, – сказал Джонатан. – Тогда, быть может, вы будете так любезны и сообщите нам, где этот Тор?

– Так вы с ним приятели! – воскликнула кузина Марти. Очевидно, от этого они все упали в ее глазах ниже некуда. – Как можно не знать, где Тор? Это все знают!

Однако она все же снизошла с порога и показала на холм за домом – возможно, чтобы они поскорее ушли.

– Вот он, Тор! Вон тот зеленый холм за окраиной с башней на вершине!

– Благодарю вас, мисс Брэдли, – приторно промолвил Джонатан. Он весь сиял.

А потом он развернулся и поволок Вивиан и Сэма за собой к воротам, да так быстро, что из-под кованых ботинок Сэма, скользивших по щебенке, сыпались искры.

– Бегом, бегом! – шипел он.

– Если встретите его, передайте, что здесь его больше не ждут! – крикнула им вслед кузина Марти. – Пусть идет к мэру и просит, чтобы ему нашли кого-нибудь другого!

Она подождала, когда они окажутся за калиткой и как следует закроют ее за собой. Потом ушла в дом и захлопнула дверь.

Джонатан стремительно зашагал к зеленым холмам. Сэм понуро клацал подметками следом.

– Воды так и не дала, – сказал он. – Не нравится мне в истории.

– Ничего, не умрешь, – отозвался Джонатан, не сбавляя ходу. – Если хочешь знать, – сказал он Вивиан, – повезло тебе, что ты во все это не

впуталась. Позавчера я оказал тебе услугу. По-моему, это одна из самых страшных женщин в истории!

Вивиан охотно согласилась.

– Вульгарные маленькие кокни!.. – бормотала она себе под нос.

От одной мысли, что ей пришлось бы жить у кузины Марти, у нее по спине бежали мурашки. Придется заставить временной шлюз вернуть ее в Луишем. Мама все поймет, когда узнает, что за человек кузина Марти.

– Зачем нам искать того мальчика? – спросила она.

– Сама не понимаешь? – Джонатан чуть не приплясывал от волнения. – Вот как она обвела всех вокруг пальца! Она знала, что будут искать девочку, поэтому переделалась мальчиком и спрашивала у всех, кто пришел встречать ребенка по фамилии Смит. Фамилия очень распространенная, поэтому шансы, что кто-то найдет, были десять к одному – и тогда она проскочила под самым носом у папы Сэма! Как ловко! А благодаря тебе у нас появился такой шанс изловить ее, о каком в Хронологе и не мечтали!

– А если это обычный мальчик, которого просто зовут Вивиан? – возразила Вивиан.

– Это надо обязательно проверить. Сама видишь, – уверенно ответил Джонатан.

У него явно не было ни малейших сомнений, что они наконец-то напали на след Владычицы Времени. Его уверенность высветила им дорогу на Тор, будто факел. В конце следующей улицы, где на первый взгляд был тупик, Джонатан, ни на миг не задумавшись, вывел их на тропинку в траве. По ней они двинулись вокруг ближнего холма, с рощицей, – тропинка вилась между живых изгородей с россыпями ягод боярышника, а кое-где – и спелой на вид ежевики.

Тут ожил даже Сэм. Он съел всю спелую ежевику, до которой смог дотянуться.

– Эта часть истории уже лучше! – провозгласил он.

Тропа уперлась в перелаз, за которым расстилалось поле. Теперь Тор был прямо перед ними. Это было на удивление правильный округлый холм, довольно высокий, крутой и поросший травой. Башня на вершине была вроде церковной колокольни, только без церкви.

– Совсем как Бесконечный холм, – сказал Сэм.

– С Гномоном на вершине, – кивнул Джонатан. – Точно. Как удивительно! Правда, никаких ступенек – только тропа.

Они перебрались еще через один перелаз и пошли через второе поле, которое довольно круто уходило в гору. Там были коровы. Сэм покосился на них и спрятался за Вивиан.

– А эта часть истории не очень, – сказал он.

Вивиан еще никогда не подходила так близко к коровам и испугалась не меньше Сэма. Она не ожидала, что они такие большие. Они смотрели и жевали жвачку, как гангстеры из фильмов. Вивиан спряталась за Джонатана. Но Джонатан тоже покосился на коров и зашагал вдвое быстрее.

– Как раз успеем ее поймать, – сказал он.

Они все прибавили шагу, как только могли. Возможно, дело было в коровах. А может, в чем-то другом. У всех с каждой минутой крепло чувство, что им нужно на вершину Тора, причем как можно скорее. Башня скрылась из виду. Все заслонил отвесный травянистый склон, по которому зигзагом шла вытоптанная тропа. Но их тянуло в башню, чем дальше, тем сильнее. Первый отрезок тропы Джонатан пробежал бегом, и коробка была его по спине. Потом ради экономии времени он стал карабкаться напрямик по травянистому склону, пыхтя, соскальзывая и подтягиваясь на руках. Вивиан и Сэм лезли, пыхтели и соскальзывали следом. От усилий шнурки на одной ботинке у Сэма развязались. Вивиан подумала, что уже пора подтянуть чулки, но ей было некогда: она старалась не съехать по низкой траве и не угодить рукой в прижавшиеся к земле кустики чертополоха, ловко притворявшиеся травкой.

Мало-помалу Сэм отстал, потому что был маленького роста и ботинки тянули его вниз. Вивиан яростно лезла все вверх и вверх и держалась сразу за подметками башмаков Джонатана. Всего остального Джонатана ей было не видно, и она лезла изо всех сил, пока он не приостановился на последней травянистой выпуклости.

Вивиан уже боялась, что грудь у нее лопнет.

– У меня ноги болят, – сказал Джонатан. – Давайте отдохнем.

Они прижались к выпуклости, отдуваясь, и тут их кто-то догнал – он бежал вверх по склону, словно по ровной земле. Вивиан заметила длинные ноги и старую приплюснутую шляпу – та промелькнула высоко над ними, когда этот человек промчался мимо.

На бегу он что-то крикнул. А потом припустил дальше и исчез за выпуклостью.

– Что он сказал? – спросил Джонатан.

– Вроде бы «Скорей!», – ответила Вивиан. – Полезли дальше!

Почему-то они не сомневались, что дело срочное. Перевалили через выпуклость и бросились бегом, шатаясь и оступаясь, к вершине холма на фоне внезапно раскинувшегося над головой синего неба. Вершина была довольно маленькая и плоская. До башни оставалось несколько шагов, и

это действительно была колокольня без церкви. Внизу у нее были две сквозные арки, как в церкви. Вивиан на миг увидела сквозь них небо, но потом Джонатан заслонил ей обзор – выпрямился, как пружина, и рванулся к башне.

– А ну стой! – крикнул он. Кепка с него свалилась, косичка плясала на бегу.

Вивиан ринулась за ним. Она едва успела заметить внутри башни какое-то движение – в самом низу, на полу – и поняла, о чем кричал тот человек в шляпе. Джонатан ворвался в арку. Вивиан проскочила за ним. И увидела через плечо Джонатана маленькую фигурку в серой фланели, которая скорчилась над отверстием в полу башни, а рядом – груды битого камня и рыхлой земли с воткнутой туда лопатой. При их приближении мальчишка поднял голову. Он был светловолосый. Глаза на узком лице горели, будто у загнанного зверя. Потом узкие ладони юркнули в яму в земле перед ним, что-то нашли, пошатали и выдернули. Это было нечто вроде ржавой жестяной коробки.

Джонатан прыгнул к коробке и хотел вырвать ее из рук мальчика. Но мальчишка уже вскочил, быстрый, как молния, и метнулся в противоположную арку с коробкой под мышкой.

Джонатан споткнулся и упал. Вивиан вильнула и проскочила мимо, успев заметить, как очки Джонатана падают в яму, а споткнувшаяся нога опускается прямо на них, и ринулась за мальчишкой.

– Сэм! – закричала она. – Останови его!

Мальчишка бежал вниз по противоположному склону, тощие ноги под серыми шортами так и мелькали. Сэм оббежал башню – лицо у него было багровое, а шнурки на обоих ботинках развязались – и помчался поперек склона мальчишке наперерез.

Сэм перехватил бы его, а Вивиан подросла бы на помощь миг спустя. Только вот мальчишка исчез. Когда Вивиан и Сэм сбежались в одну точку, там, где только что удирал от них мальчишка, был лишь голый зеленый склон. Шнурок Сэма обвился вокруг его щиколоток, и Сэм шлепнулся ничком, пыхтя, как лесоруб.

– Я сейчас умру! – просипел он.

– Куда же он подевался? – оторопело произнесла Вивиан. И огляделась. Мальчишки словно и не было никогда. Как, впрочем, и того человека в шляпе, который пробежал мимо них и что-то крикнул, и это, если вдуматься, было не менее загадочно. Кроме них с Сэмом, на холме виднелся только Джонатан – он медленно, на ощупь спускался по склону.

Джонатан побелел и пал духом.

– Вот зачем мне приспичило кричать? – сказал он. – Он бы нас и не увидел. Я бы поймал его и спас полюс – всего-то и надо было, что промолчать!

– Ты сейчас про что говоришь? – спросила Вивиан.

– Та штукавина, которую он украл, – это был один из полюсов Фабера Джона, устройств, которые удерживают Город Времени на месте. Я точно знаю. Я чувствую. А он его украл и куда-то перенесся с ним во времени, и это перекосит историю на ближайшие десять веков – а все из-за меня!

Вивиан очень хотелось бы сказать, что это чепуха. Слова Джонатана было абсолютно нечем подтвердить. Но мальчишка украл что-то из башни, это несомненно. И Вивиан сама чувствовала, что с Тора пропало нечто важное. Холм внезапно стал гораздо скучнее. У подножия его сгустился туман, и хотя низины вокруг были сплошь залиты красным вечерним светом, свет этот был какой-то меланхолический и окончательный. Где-то вдали завывала сирена воздушной тревоги. Вивиан поежилась и помогла Сэму подняться.

– Давайте вернемся в Город Времени, – сказала она.

Но в тот же самый миг Джонатан воскликнул:

– Мы его догоним!

В коробке, висевшей у него через плечо, лежало яйцо-пульт – и яйцо мгновенно его послушалось.

Вдруг снова стал не вечер, а день. Сэм лежал лицом вниз на дороге. Воздух стал другой – более спертый и пыльный. Но домики вдоль дороги стояли примерно такие же, какие Вивиан знала всю жизнь. Кроме двух-трех новых желтых, это были такие же домики, что стоят вдоль всех больших дорог за пределами Лондона, и выстроили их, должно быть, примерно тогда, когда Вивиан родилась. Но эти домики были с тех пор выкрашены ослепительно-белой краской и приобрели шик и лоск – такого Вивиан раньше у домов не замечала. Единственным признаком будущего было исполинское серебристое здание, которое тихонько испускало струи дыма у самого горизонта.

– Мы, наверное, прыгнули на сто лет вперед, – сказала она.

Почему-то оказаться в 2039 году было для нее гораздо удивительнее, чем попасть в Город Времени.

– Ага, только я потерял эти дурацкие очки, – отозвался Джонатан. – Мальчишка здесь?

– Вон там, – сказал Сэм, брыкаясь, чтобы выпутаться из шнурков.

Мальчик удалялся от них по дороге, все так же с коробкой под мышкой. Одет он был иначе. На нем были широкие штаны, то ли длинноватые, то ли

коротковатые, смотря считать их шортами или нет, и куртка с огромными пышными рукавами. Когда Вивиан посмотрела на него, а Джонатан сощурился ему в спину, мальчишка почувствовал их взгляды. Вздрогнул и обернулся через плечо. Узкое лицо злобно скривилось.

И он снова исчез.

– Я его не вижу, – сказал Джонатан.

Сэм поднялся на колени:

– Опять удрал. У него, наверное, тоже есть такое яйцо.

Тут далекий гул, который они все это время слышали, но не замечали, вдруг стал громче, донесся до них и накрыл – и перешел в мерный рокот. Джонатан не успел предложить погнаться за мальчишкой, как их окружили шесть штуквин, отдаленно похожих на мотоциклы. На них сидели шесть человек в военной форме с пышными рукавами, и вид у них был угрюмый и глумливый.

– Седьмой карательный отряд Северного Округа, – объявил один из них. – Что это вы тут шатаетесь в этих нарядах?

Вивиан смущенно поняла, что почти все пуговицы у нее на кофте расстегнулись, а одна подвязка не выдержала, и из-под юбки виднеется пижамная штанина.

Второй из шестерых мотоциклистов достал планшетку с прицепленным бланком.

– Непристойный внешний вид... – Он откинулся в седле и стал ставить галочки в квадратах на бланке. – Нарушение общественного порядка. Загрязнение территории. – Он покосился на кепку Сэма, которая валялась на земле. – Несоблюдение личной гигиены, – добавил он, поглядев сначала на пятна от ежевики на губах Сэма, потом на грязные руки Вивиан. – Нездешние, да? Тогда еще и недозволенные перемещения. И бродяжничество.

– За это полагаются хорошие крепкие розги! – сказал еще кто-то из мотоциклистов, которого это явно очень радовало. – По двенадцать ударов каждому – и это только для начала.

– Джонатан!.. – сказала Вивиан.

– Пропуск занятий в школе без уважительной причины – это очевидно, – перечислял тот, что с бланком. – Лежание на общественной дороге. Может, они еще и украли что-нибудь?

– Яйцо, идиот! – заорал Сэм, перекатился на дороге и схватился за ногу Вивиан, чтобы подняться.

– Оскорбительные высказывания... – Еще одна галочка в квадратике.

– Восемнадцать ударов, – сказал тот, другой, еще более довольный.

– Временной шлюз! – в отчаянии выпалил Джонатан. – Город Времени! Временной шлюз! Да что же оно не...

Яйцо наконец сработало – медленно, тяжело, ненадежно. Сначала их оттащило куда-то назад, далеко-далеко, потом они там зависли. Вивиан успела подумать, что лишь по чистой случайности схватилась за Джонатана, чтобы не упасть, когда Сэм держался за ее ногу, – и только поэтому яйцо перенесло их всех троих. Потом она успела подумать, сработало ли яйцо. Наконец они очутились в непроглядной тьме. Джонатан яростно порылся в карманах, нашарил фонарь и зажег. После улицы свет был тусклый и желтый, но все же стало видно массивную каменную кладку и мерцающую плиту временного шлюза.

Все дружно вздохнули с облегчением.

– Как страшно было! – Сэм по-прежнему сидел на полу. – А что не заладилось-то?

– Сначала яйцо вообще не действовало, – ответил Джонатан. – Может, оно просто старое и выдохлось. А может, мы слишком много от него хотели. – Он бережно положил яйцо обратно в выемку. – Теперь я совсем не знаю, что делать, – проговорил он уныло.

– Который час? – спросила Вивиан.

Джонатан еще повозился и нащупал кнопку часов на поясе. Поглядел на зеленый циферблат на руке.

– Двенадцать сорок две... Да нет, не может быть! Не знаю. Я понятия не имею, в какой момент мы вернулись!

– Ой, пикник же! – вспомнил Сэм.

Он скинул ботинки с перепутанными шнурками и принялся срывать всю остальную маскировку. Вивиан и Джонатан так же торопливо сняли свою.

Вивиан справилась первой – так она переволновалась, что подумает Дженни. Мама терпеть не могла, когда ее заставляли ждать. Дженни, наверное, такая же. Вивиан первой полезла вверх по лестнице и первой выскочила в коридор. Она не могла думать ни о чем, кроме того, какой будет скандал, если сейчас и правда почти час дня. И не стала ждать, когда Джонатан закроет фальшивую дверь, а припустила бегом и распахнула дверь с цепью.

Хорошо, что Джонатан смазал петли. Всего в нескольких шагах стоял Элио и поправлял экспонаты в витрине. Он не заметил Вивиан. Дверь открылась совсем беззвучно. У Вивиан хватило присутствия духа подхватить цепь, чтобы она не брякнула, когда дверь открылась, и тихонько притворить дверь за собой. После этого она замерла и стала

думать, как быть дальше. Если она останется здесь, то не даст Сэму и Джонатану выскочить из коридора следом за ней. Но если Элио ее увидит, не миновать расспросов. А если он поймет, что они сделали, то обязательно расскажет. Так говорил Джонатан. Элио начал поворачиваться.

Глава седьмая

Река Времени

Вивиан сделала три гигантских шага на цыпочках и более или менее поравнялась с Элио.

– Э-э... здравствуйте, – сказала она.

Элио повернулся окончательно с ошеломляющей быстротой.

– Здравствуйтесь, мисс. Вы подошли очень тихо. Мне не удалось услышать ваши шаги.

– Вы были очень заняты музеем, – сказала Вивиан. – Потому и не услышали меня.

– Верно, – ответил Элио.

Он снова посмотрел на витрину, и вид у него был недовольный. Табличка гласила: «Альпинистские ботинки. Марс, семьдесят третий век». Вивиан подумала, что без таблички нипочем бы не узнала в них ботинки.

– Как вы считаете, они поданы в выгодном свете? – спросил Элио. –

Говорят, у меня скверный художественный вкус.

– Мне кажется, они из тех вещей, которые всегда выглядят как-то не так, – сказала Вивиан. – У нас дома такие занавески в ванной. – Краем глаза она заметила, что дверь с цепью пошевелилась. В щелку высунулся Сэм и тут же юркнул обратно. – Кстати, который час?

Элио снова повернулся к ней. Хорошо, что дверь была уже закрыта.

– Ах да, конечно, у вас еще нет пояса, – сокрушенно заметил он. – К завтрашнему дню я обязательно найду вам пояс, даю слово.

Он нажал кнопку – на его ремне их было штук сто – и на запястье у него зажегся циферблат. Пояс у Элио был явно гораздо сложнее, чем у Джонатана.

– Десять сорок шесть и десять секунд, – сказал Элио.

«Уф, обошлось! – подумала Вивиан. – Мы все-таки успели на пикник!»

То есть еще успеем, поправила она сама себя, если Сэм и Джонатан сумеют выбраться из коридора и Элио их не заметит.

Оставалось только одно: из всех сил отвлекать Элио. Вивиан улыбнулась ему.

– Э-э... – начала она. – Мистер Элио, я слышала, как вас называли андроидом. Не могли бы вы рассказать, что это такое – андроид?

– Это означает, что я искусственно созданное человеческое существо, – сказал Элио.

– Как?! Вас сделали на заводе? – искренне поразились Вивиан.

– Не совсем на заводе. Это скорее была превосходно оборудованная лаборатория, – сказал Элио. – Меня создали из человеческой протоплазмы ученые, работавшие за лабораторным столом.

У Вивиан тут же пробудились воспоминания обо всех фильмах про Франкенштейна. Она испуганно поглядела на Элио. На вид он был обычный человек, просто немного меньше ростом и бледнее остальных. Однако, будь у Вивиан выбор, она бы унесла ноги. Но ей, похоже, удалось разговорить Элио. Поэтому она просто как бы невзначай двинулась из галереи к выходу.

– Было больно? – спросила она.

– На протяжении почти всего процесса я был без сознания. – Элио двинулся по галерее вместе с Вивиан. Но почти сразу же обернулся к своей витрине и нахмурился. – Вероятно, стоит поставить ботинки вполоборота вправо.

– Тогда не будет видно красных пимпочек сверху, – нашла Вивиан и сделала еще шаг по галерее.

– Возможно, вы правы, – сказал Элио, не сводя глаз с ботинок.

От всего этого впору было с ума сойти. Он словно приклеился к этой своей витрине с ботинками.

– А зачем вас сделали? – спросила Вивиан на грани отчаяния. – В порядке эксперимента?

– Нет, в сугубо практических целях, – сказал Элио. – Я сильнее и проворнее биологических людей. Дольше проживу, а сплю меньше. И кости у меня не так легко ломаются. – Он повернулся к ней. Вивиан решила было, что он наконец сдвинется с места. И прошла еще несколько шажков к выходу. Элио сделал шаг в том же направлении. – А лучшая моя часть, разумеется, мозг, – продолжил он. – Интеллект у меня в два раза выше, чем у биологического человека, а объем памяти в пять раз больше. Таким образом, я необычайно наблюдателен. Однако... – К вящей досаде Вивиан, он повернулся обратно к витрине. И нахмурился. – Это не соответствует утонченному человеческому вкусу. Может быть, повернуть ботинки на сто восемьдесят градусов?

Сэм и Джонатан в коридоре явно теряли терпение. Вивиан заметила, что дверь снова приоткрылась и поспешно закрылась – и через цепь перевесился кончик косы Джонатана.

– У меня хороший вкус, – сказала она. – Ботинки смотрятся очень мило. Мистер Элио, а что вы едите? То же самое, что биологические люди?

– Я живу в основном на жидкой пище, – сказал Элио, – и частично на фруктах.

– А... – сказала Вивиан. – А... – Она прошла еще несколько шагов. На сей раз Элио двинулся за ней. – А... – Как она ни копалась в голове, очередной вопрос никак не придумывался. – А вы такой один или есть еще такие?

– Было изготовлено около ста. – Теперь Элио медленно шагал рядом с ней. – Это весьма дорогостоящий процесс, на новых андроидов не хватит средств.

– А где все остальные? – спросила Вивиан.

Они уже приближались к выходу, но жутко медленно.

– Их отправили в космос, – сказал Элио. – Для участия в колонизации звезд. Для этого мы и были созданы. Видите ли, я из сто пятого века, когда человечество расселилось по всей Галактике и по большей части покинуло Землю. Однако меня как исторический раритет направили в Город Времени. Город Времени коллекционирует экземпляры раритетов, так повелел еще Фабер Джон.

– Наверное, вам ужасно одиноко, – сказала Вивиан. Ей стало совестно, что она прикидывается, будто ей так интересно с Элио. – Вы не скучаете по

другим андроидам?

– Вовсе нет, – ответил Элио. – В тот единственный раз, когда я встретился с другим андроидом, это создание вызвало у меня крайнее раздражение. Признаться, мне хотелось ударить его по лицу. Это был единственный раз, когда я ощутил сильные эмоции, которым вы, биологические люди, по всей видимости, подвержены постоянно.

– А вы что, ничего не чувствуете? – спросила Вивиан. Они наконец пошли быстро, и выход в вестибюль был уже за углом. – Вы когда-нибудь бываете счастливы?

– Нет, но и не грущу никогда, – сказал Элио. – Иногда меня что-то забавляет, и очень часто я бываю весьма удовлетворен. Тревоги и пустая суэта поколений биологических людей служат для меня неисчерпаемым источником развлечения.

Они наконец-то свернули в вестибюль и двинулись по узорчатому мрамору, покрытому еще и узорами солнечного света. Вивиан перевела дух. Но оказалось, что с Элио гораздо интереснее, чем она думала.

– А вы давно в Городе Времени?

– В ближайший Новый год исполнится сто лет, – сказал Элио.

– Вам столько ни за что не дашь! – воскликнула Вивиан.

– Я же упоминал... – начал Элио. Но ему помешал Вековечный Уокер – он мчался вниз по лестнице, облаченный в длинную синюю мантию.

– Элио! Великого Хроноса ради! – крикнул он. – Брось хотя бы на минуту эту музейную возню! У меня через пять минут заседание Тайного Хронолога, а ты до сих пор не дал мне материалы!

– Бумаги уже в кабинете, сэр, – сказал Элио. – Соболаговолите пройти со мной.

Но прежде чем уйти вслед за Уокером, он сказал Вивиан:

– Я же упоминал, что меня создали в практических целях и ценят за долговечность.

От этого отец Джонатана посмотрел на нее так, словно она была последней каплей, и уволок Элио прочь. Вопреки здравому смыслу Вивиан пожалела, что ей не удалось поговорить с Элио гораздо дольше.

Из-за угла выскочили Сэм с Джонатаном – усталые, красные и довольные.

– У-уф! – воскликнул Сэм. – Я думал, нам придется до завтра в коридоре торчать!

А Джонатан спросил:

– Который час?

– Еще нет одиннадцати, – сказала Вивиан. – Повезло, правда?

Мальчики горячо согласились.

– Пить хочу, – объявил Сэм. – Эта бородавчатая тетка ничего мне не дала.

Джонатан отвел их в рассветную – там в стене было устройство, которое выдавало стаканы с фруктовым соком. Сэм выпил три, Вивиан и Джонатан – по два. Они допивали последние капли, когда вбежала Дженни.

– Я думала, вы сказали, что мы встречаемся у выхода, – сказала она. – Скорее. Рамона ждет.

У Вивиан не было случая спросить, кто такая Рамона. Оказалось, это мама Сэма. Она была бледнее и полнее своей сестры Дженни и по сравнению с ней довольно сонная. При ней было две птичьи клетки, вроде той, которую спрятал Сэм в каморке возле временного шлюза, и под ними в воздухе плавали какие-то интересные вкусности. Рамона улыбнулась Вивиан.

– Ты не очень похожа ни на маму, ни на папу, лапочка, – сказала она.

Вивиан поспешно напомнила себе, что ее считают кузиной Вивиан, и смутилась.

– Когда я видела тебя в последний раз, ты была копией нашего брата Вива, – продолжала Рамона. – Надо же, как дети меняются.

– РЫГ! – сказал Сэм.

Естественный результат попытки выпить три стакана сока, не переводя дыхания, и большая удача, потому что все сразу отвлеклись с Вивиан на Сэма.

– Что он сотворил с прической? – поразились Дженни.

Рука Сэма и все взгляды устремились к его макушке, где по-прежнему красовался неряшливый узел, стянутый резинкой Вивиан.

– Хотел быть как дядя Ранджит, – сказал Сэм. – Мне идет.

– Совсем нет. Расплетай, – велела Рамона и, не глядя, добавила: – И завяжи шнурки.

– Всех мамаш надо ссылать в историю, – буркнул Сэм.

Собственная кратковременная ссылка в историю привела его в крайне скверное расположение духа. Он топал позади всех и сердито бормотал что-то себе под нос, пока они через площадь Времени вышли на площадь Эпох, срезали напрямик по ступенькам мимо какого-то большого стеклянного здания и оказались на проспекте Четырех Веков.

Рамона повела всех через проспект к арке.

– Мы решили взять лодку, – сказала она.

Сэм сразу приободрился. Помчался вперед под арку и вниз по

головокружительно длинной лестнице к причалу. Все были еще на самом верху лестницы, а он уже уселся в какую-то красную штуку, которая плавала на реке у причала. Таких штук там была целая вереница, и все разных цветов. Вивиан решила, что это лодки, хотя они больше походили на автомобили. И тут ее осенило: она поняла, что было не так с Городом Времени.

– У вас здесь нет автомобилей! – сказала она.

Джонатан явно задумался о чем-то другом.

– Они нам не нужны, – рассеянно ответил он.

Они спустились, забрались в лодку, которую выбрал Сэм, и устроились на удобных мягких, как тесто, сиденьях.

– Красный – мой любимый цвет! – сообщил Сэм Вивиан.

Лодка заговорила – из-под дна донесся дребезжащий голос.

– Куда направляетесь, пассажиры? – спросила она.

Вивиан подскочила от неожиданности.

– Аренда на весь день. Сначала главные шлюзы, – сказала Дженни. – И трансмогируйтесь, если можно.

Трансмогироваться, похоже, означало, что крыша у лодки вдруг исчезла, отчего Вивиан снова подскочила. Прохладный ветер растрепал ей волосы, и лодка, заложив широкий полукруг, вышла на середину реки и с тихим-тихим рокотанием поплыла прочь из Города Времени.

Вскоре Вивиан радовалась поездке не меньше Сэма. День выдался теплый, но совсем не жаркий, не то что в 1939 году, и небо было синее. На раскинувшихся по берегам полях зеленели свежие всходы. Кое-где в полях были дома, самые разные, от хижин с торфяными крышами до строений, состоящих в основном из переливчатой пустоты, и сады, сады, сады, все в бело-розовом цвету.

– Здесь же весна! – воскликнула Вивиан.

– Да, мы поддерживаем смену времен года, – сказала Дженни. – Наверное, для тебя это странно. Ведь ты, кажется, покинула двадцатый век осенью?

Вивиан кивнула и подумала про ежевику, пятна от которой так и остались на лице у Сэма после Тора. Вдали показалась какая-то машина, она мчалась через поле, разбрызгивая вокруг белое облако. Вивиан повернулась было к Джонатану сказать, что здесь все-таки есть какие-то автомобили, но он о чем-то шептался с Сэмом. Сэм первые пять минут скакал и орал, как ему все нравится, а теперь увлеченно разбирал пояс Джонатана, чтобы наладить часы, и, кажется, вообще забыл, что плывет на лодке.

– А что сломалось? – спросила Дженни.

– Глючит контакт поддерживателя, – бойко ответил Джонатан.

Вивиан только диву давалась: и как обоим мамам не придет в голову связать пятна на лице у Сэма с тем, что пояс Джонатана неправильно показывает время, и сообразить, где они побывали? Но нет, не пришло.

Рамона преспокойно и не без гордости заметила:

– Сэм в два счета починит.

Тем временем лодка плыла себе и плыла по излучинам реки Времени, огибая другие суда, как будто видела их. Они миновали – и не задели – другие такие же лодки, маленькие баржи, плоты, с которых рыбаки удили рыбу, и большой прогулочный катер, полный туристов (все встречные им махали). Потом показался корабль еще больше – огромная баржа, высотой с дом и длиной, наверное, с футбольное поле, и на ней плыли люди в диковинных шляпах и тоже махали. По реке от нее расходились волны.

– Это везут мясо из сорок второго века, – сказала Рамона.

– Так много? – удивилась Вивиан. – А кто за него платит?

– Мы все, – ответила Дженни. – Город Времени участвует в товарообмене, Вивиан, только мы платим за товары знаниями. В Перпетууме, Извечности, Институте стародавней науки и так далее хранятся сведения обо всем, что человечество знало или делало. Там обучают студентов. И если кто-то из истории хочет что-то узнать, мы ему сообщим, но за плату – правда, при условии, что эти знания относятся к периоду до того момента, когда он спросит.

– Ну, это правило мы иногда нарушаем, Дженни, – заметила Рамона. – Не забывай, мой отдел дает прогнозы погоды.

Дженни засмеялась:

– Ну да, а в Институте грядущей науки следят, чтобы научный прогресс шел в нужном направлении. Но нам приходится соблюдать осторожность, чтобы из-за нас история не изменила течение.

– Нельзя же, чтобы она целиком впала в нестабильность, – кивнула Рамона.

Плыли они около часа. Дженни с Рамоной то показывали Вивиан интересные фермы, то говорили: «Отсюда вид на город еще красивее», когда в очередной излучине становились видны новые башни и купола. Бесконечный холм Вивиан осмотрела со всех мыслимых сторон. Он был очень похож на Тор. Разница была только в том, что Гномон ничем не напоминал колокольню. Скорее он был похож на древний-древний маяк.

Примерно когда Сэм собрал обратно пояс Джонатана и Джонатан надел его, Дженни и Рамона повернулись и показали куда-то по ходу лодки.

– Мы уже у самых шлюзов. Видишь край земли?

Там, где кончалось очередное поле, зеленая равнина просто обрывалась. Вместо нее было одно голубое небо.

– Ой! – вырвалось у Вивиан. – Жуть какая!

– Да нет, – сказал Джонатан. – Зато чувствуешь себя в безопасности. Мне, наоборот, совсем не нравится, что в истории земля тянется и тянется во все стороны. Если бы мне пришлось жить в истории, я свихнулся бы от этого через неделю.

Вивиан вспомнила, как Джонатан бесился, когда они искали дом кузины Марти. Так вот в чем дело.

– Глупости, Джонатан, – сказала Дженни. – Никто тебя в историю не отправит!

Вскоре лодка завернула и ткнулась носом в боковой канал. По обе стороны высились каменные стены. Лодка причалила к берегу, где уже стояло рядом несколько суденышек.

– Вы по-прежнему намерены арендовать меня до вечера? – спросила она дребезжащим голосом.

– Да. Я же сказала, аренда на весь день, – подтвердила Дженни, и они встали, чтобы высадиться. – Напрасно их делают такими недоверчивыми, – сказала она Рамоне, когда они поднимались по ступенькам сбоку от причала.

– Может, у нее какая-нибудь неполадка, – предположила Рамона.

Но когда они обернулись, у лодки опять появилась крыша, и на ней крупными буквами сияло «ЗАНЯТО».

– А, значит, просто проверяла, вдруг мы передумали, – заметила Рамона.

Поднявшись по лестнице, они вышли на каменную террасу на самом-самом краю земли. На дальнем конце террасы стоял длинный ряд серебристых кабинок – черта на фоне неба. Двери у них открывались и закрывались, и оттуда выходили люди в самых разных нарядах. Некоторые явно спешили по делам, но большинство останавливались, взволнованно осматривались по сторонам и тыкали пальцем в чужие непривычные костюмы. Потом все подходили к павильону в центре террасы, показывали узкие золотые билеты, получали карты и хрусткие туристические буклеты и направлялись на другую сторону террасы, где у ворот стоял контролер и проверял билеты.

По террасе разносились восторженные восклицания и счастливый смех, и тем немногим, кому надо было в другую сторону – в основном они были в пижамах Города Времени, – приходилось с трудом пробираться сквозь

медленно текущую толпу, чтобы попасть к кабинам.

Дженни и Рамона повели всех к перилам у ворот; они постояли там и посмотрели вниз на огромный туристский катер, поджидавший тех, кому надо было в город. Красочная толпа спускалась по длинным сходням и рассаживалась на палубе. На другом берегу реки, где была такая же терраса с рядом кабинок, ждал еще один корабль. А посередине через реку тянулся ряд из шести просто огромных временных шлюзов, высившихся над террасами на фоне неба. В этот момент сквозь третий шлюз медленно и осторожно прошла еще одна большая баржа и поплыла против сильного течения бурых вод реки Времени.

– А куда девается река? – спросила Вивиан.

– Растекается сквозь шлюзы по разным рекам в разные времена, – ответила Дженни.

На туристический корабль по ту сторону реки закончилась посадка. Прозвенел колокол, и корабль отчалил в город, вспенивая бурую воду. На борту играла музыка, пассажиры откупоривали бутылки. Настроение было праздничное.

– Пить хочу, – сказал Сэм. – Пить! – добавил он погромче. А когда никто не обратил внимания, стал повторять это снова и снова.

– А что будет, – спросила Вивиан, – если турист встретит своих внуков и возненавидит их и решит никогда не жениться? Разве история от этого не изменится?

– Этим занимается целое подразделение Временного Дозора – следит, чтобы такого не случилось, – сказала Рамона. – Тише, Сэм.

– Но довольно многие прибывают сюда именно для того, чтобы познакомиться со своими предками или потомками, – сказала Дженни. – У нас в Миллениуме есть конференц-залы, где они встречаются.

– Честное слово, Вив и Инга должны были больше рассказывать Вивиан о Городе Времени, – вполголоса заметила Рамона. – Нельзя так поступать с ребенком!

Она рассчитывала, что эту реплику заглушит шум толпы и вопли Сэма «Пить!», но именно в этот момент Сэм перешел на брюзжание, и Вивиан все слышала. Пришлось ей срочно изобретать оправдание для своего невежества.

– Они боялись, что я проболтаюсь в школе. Это ведь исказило бы историю, правда? А что, это важно?

– Да, конечно. – Рамона очень смутилась. – Если к выпускным экзаменам в школе твои общие познания окажутся неудовлетворительными, тебя отправят жить в историю, даже если ты Ли.

– Понимаешь, Вивиан, право жить в Городе Времени никому не дается просто так, – пояснила Дженни. – Мы должны заслужить свое место. И у нас большая конкуренция среди студентов. Большинство молодых людей, обучающихся в Континууме, надеется потом найти работу в городе.

Джонатан оттолкнулся от перил и зашагал прочь. Вивиан поняла, что его расстроили эти слова. Но он тут же вернулся:

– Ну знаете! Вы только поглядите!

Они обернулись и обнаружили, что терраса битком набита растерянными людьми. Кто-то из них, похоже, поднялся по ступеням с причала, двое-трое перелезли через край террасы, но по большей части они возникли из ниоткуда. Все ринулись к цепочке временных шлюзов. Там некоторые исчезали за серебристыми дверями или в открытых серебристых кабинках, но большинство лупили кулаками в двери, будто в панике рвались в кабинки. Это было очень странно, особенно когда дверь, в которую они ломались, и так была открыта. Толпа набегала на террасу волнами, и задние волны напирала на передние. Терраса вмиг превратилась в толкучее месиво из бегущих фигур и машущих рук, таявшее с той стороны, где кабинки. Одеты эти люди были по-разному, но подавляющее большинство – в пижамы Города Времени.

– Хронопризраки, – сказал Сэм.

– Я о них слышала, но не представляла себе, что их так много, – проговорила Рамона, когда бегущая толпа стала еще плотнее.

Контролер у ворот сказал:

– В последний месяц их с каждым днем все больше. Появляются около полудня и исчезают часам к двум. Мы не знаем, почему это происходит.

– А туристов они не пугают? – спросила Дженни.

– Немного. – Контролер пожал плечами. – Но что поделаешь.

И правда, некоторые из настоящих людей, выходявших из серебристых кабинок, ежились и шарахались в сторону, обнаружив, что прямо на них мчится призрачная толпа. Но когда оказывалось, что сквозь призраки можно пройти, почти все смеялись и, видимо, считали, что это одна из достопримечательностей, ради которых они здесь оказались. В павильоне включился громкоговоритель и заговорил – звук получался смазанный, потому что накладывался на громкоговоритель с террасы на том берегу, где охваченные паникой хронопризраки точно так же ломались во временные шлюзы.

– У-ва-ва-жаемые го-гости, убедительная просьба не обра-щать внима-ния на фигу-гуры, якобы-бы бегущи-щие во времен-менные шлю-люзы. Это типичный фено-номен Го-города Времени, так называ-

ваемые хроно-нопризраки, они соверше-шенно безоби-бидны.

Многие настоящие туристы, судя по лицам, подумывали, не отправиться ли напрямик домой, но успокаивались, услышав объявление. Только один человек не обратил на призраки ни малейшего внимания. Он вышел из кабинки и зашагал по террасе, словно она была пустая. Но тут Вивиан сообразила, что он тоже хронопризрак. Она уже научилась их различать. На человеке была старомодная одежда, а по контуру он слегка расплывался. Но самое странное было то, что Вивиан, кажется, уже где-то видела этого хронопризрака. Она попыталась проследить, куда он пойдет сквозь толпу бегущих призраков и удивленных медленных туристов, но незнакомец исчез, как это заведено у хронопризраков.

– Пойдем, – сказала Дженни. – Хронопризраки действуют мне на нервы.

Все были только рады уйти. От этих волн бесшумно бегущих фигур им стало не по себе. Было трудно не заразиться паникой, глядя, как отчаянно хронопризраки ломятся в кабинки временных шлюзов, даже если знаешь, что они ненастоящие. Дженни провела всех вниз по лестнице обратно к причалу.

– В Лагуну, – сказала Дженни. – Мы скажем, где пристать.

Лагуной называлась бывшая излучина реки, по которой река больше не текла. Излучина превратилась в продолговатое изогнутое озеро, куда с обоих концов можно было проплыть на лодке по узкому каналу. В каналах стояли фильтры, так что вода здесь была прозрачная, чисто-зеленая, и можно было купаться.

– Что хотите сначала – поесть или искупаться? – спросила Дженни, когда лодка пристала к травянистому берегу. – Но если сначала поедите, потом придется не меньше часа ждать, когда можно будет купаться.

– Сначала поесть, – сказали все.

Они умирали с голоду. Из-за того, сколько времени они провели в 1939 году, утро выдалось длиннее обычного часа на четыре. Так что они как будто пропустили обед. И теперь наверстывали упущенное, рассевшись под цветущими кустами на воздушных ковриках, которые захватила Рамона. Они поглощали длинные батоны с острой начинкой и круглые булочки с сыром посерединке, они хрустели яблоками. Потом им дали масляного парфе – к громогласному восторгу Сэма. Потом надо было ждать час. Чтобы скоротать время, дамы вполголоса беседовали, растянувшись на коврике в тенечке.

– Абдул всерьез беспокоится, – донеслись до Вивиан слова Рамоны. – Начало войны уже отодвинулось назад на целый год – в сентябрь тысяча

девятьсот тридцать восьмого года. Похоже, там изобрели оружие, которое им положено разработать только к концу столетия.

– Ну что же не отзовут Наблюдателей! – ответила Дженни. – Вив может погибнуть! И не говори мне, что Наблюдатели никогда не погибали! Помнишь ту бедную девушку, которая занималась Реконкистой?

– У Вива все прекрасно, – сказала Рамона. – Мы получили его отчет в числе прочих сегодня утром. Похоже, новости застали его врасплох. К сожалению, Абдул, похоже, хочет продержат его там еще немного, потому что сразу отправил к нему дозорного с разъяснениями. Хорошо хоть Вивиан в безопасности.

Сэм заснул лицом в траву.

Джонатан собрался к озеру, побродить, и кивком позвал Вивиан с собой. Когда она неохотно нагнала его, то увидела, что он сидит на поваленном дереве, бледный и напуганный.

– Надо придумать, что делать, – сказал Джонатан. – Если тот мальчишка и правда украл один из полюсов, Город Времени разбалансировался, и история тоже.

– Ты считаешь, это была переодетая Владычица Времени? – спросила Вивиан.

– Не знаю, – ответил Джонатан. – Не знаю, кто это, не знаю, что происходит, но после того, как он забрал ту коробку, он переместился во времени, а значит, опасен для Города Времени.

– По-моему, надо кому-нибудь рассказать. Это серьезно.

– Но нам же нельзя! – воскликнул Джонатан. – Сама подумай. Мы могли узнать об этом мальчишке только одним способом – нелегально отправившись в Нестабильную эпоху. И если мы расскажем, как узнали о нем от твоей кузины Бородавочницы, станет ясно, что и ты тоже здесь незаконно. Нельзя нам никому ничего рассказывать. Надо сделать что-то самим.

– А что, все будет совсем плохо... что с нами сделают, если узнают? – спросила Вивиан.

– С тобой – не знаю. Может быть очень скверно, – сказал Джонатан. – Зато знаю, что сделают со мной. Отправят в историю, в какую-нибудь скучнейшую Фиксированную эпоху, и мне придется там жить. Я не могу с этим смириться! – Его затрясло от одной мысли. – Я всегда боялся, что плохо пройду выпускные испытания и меня не оставят. В школе старался как мог, всем уши прожужжал, что я Ли, чтобы мне дали в наставники доктора Уайландера – лучше его никого нет. И остался при нем, хотя почти все время боюсь его до полусмерти, – потому что знаю, что там, где земля

все тянется и тянется, я за неделю чокнусь!

Вивиан понимала: Джонатан говорит, что чувствует, и ничего не скрывает. В таком признаются только в самом отчаянном положении.

– Если это действительно полюс, надо, чтобы об этом узнал кто-то, кто может что-то предпринять, – сказала она. – Может, намекнешь отцу?

– Нет, – мотнул головой Джонатан. – Ему сразу станет интересно, откуда я знаю.

– Тогда намекни кому-нибудь другому, – сказала Вивиан.

Весь послеобеденный час они бродили у озера и спорили об этом. Джонатан изобрел сотню разных причин, почему никому нельзя намекать. Но Вивиан думала про своих маму и папу там, в истории, которая, похоже, пошла наперекосяк, сорвалась с катушек из-за этого мелкого отвратительного воришки, поэтому угрюмо возражала. И в конце концов одержала верх. Когда на берегу показалась Дженни, размахивая чем-то вроде купальника, и крикнула: «Ну что, идете купаться?» – Джонатан зашагал к ней, бросив:

– Ладно. Ты победила. Намекну маме.

– Секунду! – крикнула ему вслед Вивиан. – Я не умею плавать. Это важно?

Джонатан замер, как будто она выстрелила ему в спину.

– Что?! Моя кузина Вивиан плавает как рыба. Вечно меня обгоняла. Мама с Рамоной наверняка это помнят!

– Может, я разучилась? – предположила Вивиан.

– Разучиться плавать невозможно. Это как ходить и вообще, – сказал Джонатан. – Слушай, дай я намекну маме, пока я себя накрутил. Потом что-нибудь придумаем.

Когда они вернулись к лодке и месту пикника, Джонатан небрежно взглянул в небо и заметил:

– Мама, мне тут пришло в голову про все эти беспорядки в двадцатом веке... Может, там кто-то украл полюс Города Времени? Может, история от этого разбалансировалась?

Дженни только рассмеялась и набросила ему купальник на голову.

– Замолчи и переоденься. Какой ты все-таки выдумщик, Джонатан!

Купальник был большой, на все тело, и к тому же с подогревом, чтобы не мерзнуть в холодной воде, поэтому намек Джонатана он совершенно заглушил. Все расслышали только «А если...». Но когда Джонатан выпутался из купальника, он утратил всякую охоту намекать.

Зато скрыть, что Вивиан не умеет плавать, оказалось проще простого, поскольку Дженни с Рамоной учили плавать Сэма, а Сэм громогласно

протестовал, и все на это отвлеклись. Джонатан и Вивиан просто ушли дальше по берегу и спрятались за кусты от воплей и дрызготни Сэма. Там Джонатан бросил все силы на то, чтобы научить плавать и Вивиан тоже. Она отважно барахталась, пока Джонатан держал ее под подбородок, и тонула, стоило ему убрать руку. Наглotalась по горло озерной воды. И при этом прекрасно понимала, что Джонатан в глубине души только рад, что Дженни посмеялась над его намеком. Поэтому каждый раз, с плеском вынырнув из воды, Вивиан тыльной стороной ладони протирала глаза и смотрела в глаза Джонатану, голые и прищуренные без зрительной функции, и спрашивала:

– Ты ведь попробуешь намекнуть еще раз, правда?

– Ой, ну ладно! – сказал он наконец. – Знал бы я, какая ты зануда, оставил бы тебя у кузины Бородавочки! Вы бы с ней прекрасно ладили!

Слово он сдержал. Когда они вернулись в Годичный дворец, усталые, прогретые на солнышке и очень веселые, Джонатан за ужином благородно предпринял еще одну попытку намекнуть. В гостях у них в тот вечер был главный ученый доктор Леонов из Института грядущей науки, еще один ученый, рангом пониже, из Института стародавней науки и премьер-министр Земли и ее муж из 8120 года.

Джонатан дождался паузы в церемонных разговорах и громко сказал:

– У меня есть теория, что дисбаланс в двадцатом веке вызван тем, что кто-то украл там полюс Фабера Джона. Как вы думаете, такое возможно?

Премьер-министр спросила:

– Неужели вы здесь верите во все эти легенды?

Дженни ужасно смутилась. Премьер-министр повернулась к доктору Леонову, но доктор Леонов не удостоил ее ответом. Он предоставил это ученому рангом пониже, а тот вполне благожелательно заметил:

– Нет-нет, мальчик мой. Силы, влияющие на историю, чтобы удержать на месте Город Времени, на самом деле не из тех, что можно украсть. Да и Фабер Джон, знаешь ли, фигура мифологическая.

– А представьте себе, что полюс довольно маленький и, например, зарыт в землю, – отважно возразил Джонатан. – Тогда его могли украсть.

Вековечный Уокер бросил на него страдальческий взгляд:

– Джонатан, перестань говорить глупости. Эта идиотская теория была опровергнута еще при твоём дедушке.

Джонатан прижал подбородок к груди, чтобы скрыть, как побагровели у него щеки, и сдался. Вивиан не могла его винить. Она понимала, сколько храбрости понадобилось Джонатану, чтобы решиться на намек. И вечером

у себя в комнате постаралась основательно обдумать, что же им теперь делать. Она считала, что ее долг – помочь Джонатану выпутаться из этого положения, а уже потом ей можно будет вернуться домой, но могла думать только об одном – как ее мама сидит в Луишеме, где с неба валятся бомбы, а история вокруг рушится на глазах.

Глава восьмая

Протяженность

Наутро Петула разбудила Вивиан очень рано. Она принесла ей пояс с кнопками, как у Джонатана, но светлый, жесткий и новенький.

– Это от Элио, – сказала она. – Сегодня школа, поэтому собирайся поскорее. Только сделай нам одолжение, не надевай больше этот фиолетово-желтый кошмар, который так любит Элио. Мне страшно представить себе, что скажут о нем в Протяженности.

Вивиан выбрала строгий синий комбинезон и застегнула на нем жесткий пояс.

Она спустилась вниз, ощупывая кнопки – ей было интересно, какая за что отвечает, но экспериментировать она боялась. Во дворце было очень оживленно. Вивиан слышала, как по лестницам туда-сюда топают ноги и

перекликаются голоса.

– Что происходит? – спросила она Джонатана, когда встретила его в коридоре.

Но Джонатан в ответ только сказал:

– Без толку им намекать. Никто не обращает внимания. Я полночи не спал, все думал, как...

Ему пришлось отпрыгнуть в сторону. Из двери у лестницы выскочил Вековечный Уокер и метнулся мимо них вниз, в вестибюль. На нем был накрахмаленный красный балахон и еще шитая золотом накидка поверх, но балахон расстегнулся, и полы так и развевались. Перед глазами у Вивиан мелькнуло белое белье и довольно много худой волосатой ноги.

Она поглядела вслед стремительно удалявшемуся Вековечному, не веря своим глазам.

– Золотые завязки! – взревел Вековечный. – О Великое Время, где мои золотые завязки?

Следом за ним из-за двери выскочил Элио с красной шелковой шляпой в руках. За ним выбежала Дженни с массивным золотым ожерельем вроде цепи мэра. Потом промчалась Петула в сопровождении женщин, прислуживавших за обедом, и еще пяти человек, которых Вивиан впервые видела, а за ней неслись уборщики, которые натирали лестницу. Все они несли охапки мантий, шляп, золотых башмаков, разнообразных золотых цепей, а Петула размахивала двумя широкими золотыми лентами. Вивиан глядела как замороженная, как все они бегут за Вековечным Уокером и загоняют его в угол в дальнем конце вестибюля.

– Да нет же! Вот глупый андроид! – кричал Вековечный Уокер из тесного кольца. – Другую шляпу! И я сказал – золотые завязки, глупая вы женщина! Неужели трудно найти? До церемонии осталось двадцать минут! – Он вырвался из толпы и ринулся обратно, в сторону Джонатана и Вивиан.

«Какая прелесть!» – думала Вивиан, глядя, как все тут же развернулись и бросились за Вековечным. Вековечный Уокер грациозно обогнул столбик перил на повороте лестницы и понесся вверх, перелетая через две ступеньки.

– И мне нужны сердоликовые запонки! – прогремел он. – Почему здесь никто ничего не может найти?

Когда толпа хлынула вверх по лестнице следом за ним, Вивиан еле сдержалась, чтобы не захихикать.

– Бестолочь! – донесся до нее вопль Вековечного. – Золотые завязки!

Все промчались по площадке с перилами наверху, спотыкаясь о ковры

и путаясь друг у друга под ногами. Вивиан едва не расхохоталась. «Прямо как в кино!» – подумала она и повернулась посмотреть, что думает об этом Джонатан.

Джонатан надменно отвернулся.

– Перед церемониями всегда так, – устало проронил он. – Пошли. Давай лучше позавтракаем.

Смех засел у Вивиан прямо за зубами и рвался наружу. Она его проглотила.

– А у вас часто церемонии?

– Примерно через день, – кисло ответил Джонатан.

Они завтракали под топот бегущих ног, крики и даже металлический грохот и лязг, как будто кто-то сбросил с каменной лестницы золотую цепь. Джонатан притворялся, что не слышит. Вивиан прекрасно понимала, что он очень обидится, если она засмеется, но хихиканье пузырилось у нее в горле каждый раз, когда до рассветной доносился топот и вопли. Поэтому Вивиан было трудно слушать, что говорит Джонатан.

– Нам надо выследить этого мальчишку и вернуть коробку на место, – говорил он. – Если с каждым прыжком во времени он покрывает двадцать лет, сейчас он в самой середине Фиксированной эры и, вероятно, и ее уже пустил наперекосяк. Если яйцо сработает, мы сможем его найти. Но мне не понравилось, что в прошлый раз оно едва не отказало, когда мы возвращались. Не хотелось бы застрять в истории.

Мимо двери в рассветную с топотом проскакал сначала Вековечный, а следом все остальные. Вивиан снова подавила зарождавшийся хохот.

– Как ты считаешь, он собирается украсть все полюса? – спросила она, изо всех сил стараясь размышлять логически. – Может, нам стоит сначала обойти все места, где они спрятаны, и попросить тамошних жителей их охранять? Их вообще сколько?

– Не знаю! – Джонатан едва не застонал. – Я не знаю, где и когда их спрятали. Я даже не уверен, что он украл именно полюс!

Очевидно, вчерашняя реплика ученого катастрофически поколебала веру Джонатана. Вот почему он пришел к такому выводу, решила Вивиан. Доказательств-то нет. С другой стороны...

Тут топот Вековечного Уокера раздался над потолком рассветной, и Вивиан снова пришлось проглотить смех.

– Выше нос, – велела она. – Вспомни наши хронопризраки. По ним сразу понятно, что мы сделали... сделаем что-то.

– И то верно! – Джонатан немного приободрился.

Вскоре после этого во дворце вдруг настала тишина. Джонатан нажал

кнопку часов на поясе и сказал, что им пора. Вивиан встала и двинулась за ним, сразу сильно струсив. Джонатан почему-то не взял с собой в школу ничего, даже ручки. А Вивиан терзало ощущение, что у нее чего-то не хватает. Она уже привыкла носить пижамы Города Времени, хоть поначалу и чувствовала себя в них так, будто на ней ничего нет, но без учебников и хотя бы пенала снова почувствовала себя голой. Вестибюль и лестницы были усыпаны шелковыми плащами, разнообразными шляпами, башмаками, кое-где валялись золотые цепи. Элио сосредоточенно спускался по лестнице и все подбирал. Его лицо было плохо видно Вивиан, но она была готова спорить, что Элио улыбается.

Кто точно улыбался – так это Сэм: когда они встретились с ним у фонтана на площади Времени, он сиял самой широкой своей двузубой улыбкой.

– Твой папа мчался, как ракета! – сообщил он. – Подобрал подол и несясь со всех ног. Что, важный повод?

– Да так, средний, – холодно отозвался Джонатан. – Пошли. Через десять минут обещали дождь.

Когда они прошли через арку на площадь Эпох, Вивиан посмотрела в небо. Там сгущались белые облака, за ними подоспели серые, но на дождь было как-то непохоже.

– А точно будет дождь?

– Точно, потому что погоду на этот год мы позаимствовали в три тысячи пятьсот восемьдесят девятом году, – ответил Джонатан. – Засушливые годы мы не берем – надо растить посевы. Прогноз можно узнать у пояса.

– Какая кнопка? – спросила Вивиан.

Мальчики показали ей, как работает пояс, пока они шли через площадь Эпох. От кнопки погоды на руке у Вивиан засветился зеленый список: «5.00–8.40 ясно, темп. 14–17; 8.40–10.27 дождь, гроза ок. 9.07; 10.28–15.58 солнечно, темп. 13–19...»

– Видишь, какой Элио расторопный и предусмотрительный, – сказал Джонатан. – Достал тебе пояс, который ты можешь читать. У меня-то все в универсальных символах.

– А какой тебе дали кредит? – спросил Сэм. – Да нет, вон та кнопка, дурында!

Вивиан нажала кнопку, и на ладони у нее засветилось: «ВСЛ/90234/7С ТК 100.00 ед» – прочитала она и слегка оторопела. Двести фунтов? Не может быть!

– Везет же некоторым! – воскликнул Сэм. – Двести масляных парфе!

– У тебя есть еще функция антигравитации, – сказал Джонатан. – А вот это – функция для письма. А какая у тебя часовая функция – со стрелками или с цифрами?

Вивиан так увлеклась изучением пояса, что не сразу заметила, что церемония, из-за которой во дворце было столько суматохи, уже идет по ту сторону площади Эпох. Через площадь медленно двигалась колонна фигур в красном, совсем крошечных на фоне огромных зданий. Отец Джонатана был ближе к голове колонны, сразу за человеком с чем-то вроде серебряного боевого топора, и шагал он сурово, величественно и важно. «И не скажешь, что последние полчаса он метался по лестницам и орал!» – подумала Вивиан.

– А кто это с ним? – спросила она.

– Стража Годичного дворца, – ответил Сэм.

– Всякое отставное старичье из Временного Дозора, – добавил Джонатан и показал на другую сторону площади. – А вон те, синие, – это библиотекари. Пошли. Они все тоже идут в Протяженность.

Синяя колонна маршировала навстречу красной – вздувались на ветру мантии, колыхались синие цилиндры на головах, – а во главе шагали два человека, которые несли на подушке что-то вроде раскрытой гигантской старинной книги. А за ними – туда-то и показывал Джонатан – слева направо по площади струился ручеек фигурок поменьше и стекался в большие распахнутые двери Протяженности. От этого зрелища Сэм прибавил шаг. Но снова остановился у камня Фабера Джона. Две церемониальные процессии были уже так близко, что Вивиан узнала мистера Энкиана под синим цилиндром – он шел сразу следом за двумя библиотекарями с книгой, и вид у него был очень кислый и надутый от важности. Судя по всему, колонны должны были встретиться прямо у камня Фабера Джона.

– Ого! – воскликнул Джонатан. – Поглядите, где теперь трещина!

Трещина шла от угла плиты через золотые буквы «ФАБ» и дальше, туда, где буквы были стерты. Там она расходилась еще на три трещины, которые зигзагом тянулись до самой середины плиты. Джонатану не надо было ничего измерять – и так было понятно, что трещина стала гораздо длиннее.

– Великое Время! Только бы это не значило то, что говорят! – сказал он.

Тут процессии встретились.

– Вековечный приветствует Перпетуум во имя Хронолога! – пропел совсем близко отец Джонатана.

Упали первые капли дождя.

– Может, Фабер Джон во сне пошевелил пальцами на ногах, – не слишком серьезно предположила Вивиан. – Отсюда до той пещеры как раз подходящее расстояние.

Сэм весь сморщился и возмущенно топнул по ветвящейся трещине. Шнурки мгновенно развязались.

Джонатан схватил его за плечо и оттащил в сторону:

– Осторожно! Ты его доломаешь!

– Властью, возложенной на меня, от имени Перпетуума приветствую Хронолог и Вековечного, – пропел в ответ мистер Энкиан. – А это, о мои библиотекари...

Его голос внезапно заглушила пронзительная духовая музыка.

Вивиан подняла голову и увидела, что церемонию грубо прервали и на площади творится не пойми что. Какой-то человек в высокой мятой шляпе выплясывал восьмерки вокруг Вековечного и старика с топором и при этом наяривал на волынке. Вивиан увидела, как он скачет среди Стражи Годичного дворца, прыгает туда-сюда и взбрыкивает длинными ногами, будто придурочный. Старички в красном разбегались от него, и только одна старушка обнажила церемониальный меч и попыталась преградить плясуну дорогу. Но скачущий человек проплясал прямо сквозь меч и заскакал дальше, целый и невредимый, наяривая на волынке как ни в чем не бывало.

Вивиан сообразила, что этот псих, наверное, хронопризрак. Только вот никто из участников церемонии почему-то так не считал. Когда плясун проскакал в толпу библиотекарей, люди в синем тоже разбежались.

– Прекратите! Кто вы такой? – закричал мистер Энкиан.

Плясун развернулся и прицельно брыкнул ногой в сторону подушки с огромной старинной книгой. Вивиан отчетливо видела, что ни длинная нога, ни остроносый башмак не задела ни подушку, ни книгу, но двоих библиотекарей удалось одурачить: они отдернули подушку. Книга соскользнула на землю, взмахнув плотными страницами.

– Книга Судного дня! – закричал мистер Энкиан и вместе с двумя библиотекарями в ужасе ринулся за книгой.

Пока они ползали по земле, плясун вскочил им на спины и погарцевал там. Миг – и он уже скакал прямо на Вивиан, Сэма и Джонатана.

– Арестуйте его! – приказал Вековечный стражникам.

Те закричали в ответ, что этот псих просто хронопризрак. Но их крики потонули в оглушительном вое волынки.

Вивиан отпрянула у плясуна с дороги, перед ней на миг мелькнуло его

бледное сосредоточенное лицо, а потом фигура развернулась и вскочила на камень Фабера Джона.

Под бешено пляшущими остроконечными ботинками плита разлетелась на сотню осколков. Осколки разваливались на части, эти части тоже крошились – и через несколько секунд от камня не осталось ничего, кроме сероватого щебня. К этому времени плясуна почему-то стало трудно различить, а визг волынки доносился словно издалека. Потом плясун совсем исчез, и настала тишина, прерываемая только нарастающим перестуком дождя. Камень Фабера Джона лежал на месте целехонький, не считая разветвленной трещины, и на глазах намокал и чернел.

– Будь оно все проклято! – сердито выпалил мистер Энкиан, накрыв Книгу Судного дня полрой плаща. – Придется начинать снова.

Джонатан, Сэм и Вивиан пробежали под дождем, не дожидаясь, когда участники церемонии перегруппируются под струями ливня.

– Какой странный призрак, однако! – пропыхтел Джонатан. – А может, даже и не призрак.

У Сэма никаких сомнений не было. Едва они вбежали в двери Протяженности, он завопил:

– Мы видели новый хронопризрак! Послушайте все, я видел новый хронопризрак!

Его гулкий голос повторял это все утро. Вивиан жалела, что слышит его так часто, потому что ее – вот стыд-то! – определили в один класс с Сэмом. А тот класс, где ей полагалось быть по возрасту, похоже, изучал предметы, о которых слыхом не слыхивали даже ее лондонские учителя.

– Надеюсь, ты скоро их догонишь, – сказал главный учитель. – Вы, Ли, быстро все схватываете. Но я не могу перевести тебя в старший класс, пока ты не выучишь универсальные символы.

Класс Сэма как раз изучал универсальные символы. Вивиан села на пустой каркас стула, немножко низковатого, за пустой каркас парты, которая тоже была чуточку ей маловата, и стала старательно срисовывать странные знаки на белый квадратный листок из чего-то вроде бумаги, но не совсем. Остальные ученики писали зелеными карандашами, но, поскольку Вивиан была старше, ей позволили пользоваться функцией письма в ее новом поясе. Стоило нажать кнопку, и между пальцами загорался зеленый огонек. И ощущение было точь-в-точь как будто держишь ручку. Писала функция зеленым, и пользоваться ей было легко. К сожалению, соседняя кнопка отвечала за антигравитацию. Вивиан постоянно по ошибке нажимала не ту и тихонько взмывала над пустым каркасом стула.

– Тише, Сэм. Завяжи шнурки, – говорил учитель каждый раз, когда

Вивиан из-за этого нарушала спокойствие.

И был по-своему прав. Обычно спокойствие нарушал Сэм, который всем и каждому рассказывал про хронопризрак. Но Вивиан было стыдно. К полудню учитель собрал работы: нажал на кнопку, и всё, что они написали, исчезло с белых квадратных листков и выстроилось в ряд на пустом каркасе учительского стола. После этого настроение у Вивиан вконец испортилось.

Правда, школьный обед ее приободрил. Они отправились в длинную узкую столовую, по стенам которой стояли такие же автоматы, как в комнате Джонатана, только эти требовалось пинать гораздо реже. Автоматы выдавали каждому ученику по четыре блюда. Похоже, они как-то узнавали, если кто-то пытался их одурачить и подходил не к одному, а к нескольким. Даже Сэму не удавалось заставить их выдать ему больше четырех масляных парфе. Потом полагалось сесть за длинный стол и съесть свои четыре блюда.

Вивиан была новенькая и к тому же Ли. От этого все ею очень заинтересовались. Вокруг нее собралась целая толпа. Но Вивиан уже так приноровилась притворяться кузиной Вивиан Ли, что чуть не забыла: это неправда. Она сообщила, что только что из двадцатого века, из времен Второй мировой войны. Это вызвало еще больше интереса и приманило еще больше народу. Почти никто из детей никогда не бывал в истории и все хотели узнать, каково там.

Вивиан отвечала на вопросы, а тем временем осматривалась и удивлялась, что в Городе Времени так мало детей. Да, школа была, конечно, большая. Но все ученики, от совсем крошек, гораздо меньше Сэма, до почти взрослых, на голову выше Джонатана, поместились на обед в одну длинную столовую. Когда она спросила, есть ли здесь еще школы, ей ответили, что нет, Протяженность – единственная. Больше половины детей каждый день добирались сюда на лодках и катерах с окрестных ферм. Для Вивиан все это было непривычно после переполненных лондонских школ. Она рассказала про школы. И совершенно огорошила учеников заявлением, что один учитель мог учить одновременно тридцать с лишним человек.

– Разве можно удержать в голове одновременно тридцать мозговых ритмов? – удивился кто-то. – А расскажи про войну! Она тихая, как Ментальные войны, или громкая, как Новозеландский переворот?

– А что, кто-то бежит по улицам и сражается? – поинтересовался еще кто-то.

Вивиан попыталась объяснить, что, когда две страны воюют, до

уличных боев дело доходит только после того, как одна страна вторгается в другую. Потом ей пришлось объяснять, что значит вторгаться.

– То есть как будто все туристы приплывут по реке Времени в город с криками и воплями и начнут убивать жителей? – расстроилась какая-то девчушка.

Пока Вивиан размышляла, так это или не так, сквозь толпу протолкался Джонатан и громко сказал ей прямо в ухо:

– Тебе сообщение. На ремне.

– Где? Как? – растерялась Вивиан.

– Нажми вот эту кнопку! – подоспел на помощь кто-то.

Вивиан так и поступила, и на столе перед ней появилась зеленая надпись. «От: Хэкон Уайландер. Кому: В. С. Ли. Явиться на дополнительные занятия вместе с Дж. Л. Уокером в 13.00 ровно». Под ним загорелось второе послание: «Администрация Протяженности подтверждает запись на доп. занятия. Ф. Т. Данарио, главный учитель».

– Что, правда?.. – спросила Вивиан у Джонатана. – Не шутка?

Она просто не могла себе представить, чтобы кто-то такой важный и высокоученый, как доктор Уайландер, помнил о ее существовании – а уж тем более хотел учить ее.

Джонатан нажал кнопку у себя на поясе. Рядом с сообщением для Вивиан появилось еще одно: «Х. Уайландер – Дж. Уокеру. Эта дурочка В. Ли не отвечает на пояс. Приведи ее к часу».

– Ой, разозлился, – проговорил кто-то.

– Он почти всегда такой, – сказал Джонатан.

На что все горячо заверили его, что лучше уж ходить на дополнительные занятия к Язве Энкиану. Из их слов Вивиан заключила, что каждый школьник с десяти лет должен был ходить к кому-то на дополнительные занятия. Доктора Уайландера считали одним из самых страшных наставников.

– Это точно, но нам все равно пора идти, иначе он нас и вправду съест, – сказал Джонатан.

Когда они вышли из Протяженности, часы на поясе Вивиан показывали 12.36.

Джонатан все думал про пляшущий хронопризрак.

– Знаешь, что-то он совсем не похож на нормальный хронопризрак, – заметил он, когда они толкнули стеклянные двери бокового выхода из Протяженности. – Хронопризраки обычно бесшумные. Наверняка это какой-то студент решил позабавиться.

– Что? И при этом еще и разбил вот так камень Фабера Джона? –

возразила Вивиан.

– В некоторых веках просто чудеса творят с голограммами, – ответил Джонатан. Поскольку Вивиан впервые слышала о голограммах, это ей ничего не сказало. – Увижу знакомых студентов – спрошу, – добавил Джонатан.

Как и предсказывал пояс Вивиан, дождь уже перестал. На мокрой траве между высоким прямоугольным зданием Протяженности и воздушной арочной конструкцией Континуума поблескивало солнце. Поскольку трава была еще мокрая, студенты, вышедшие погреться на солнышке, в основном расселись на разнообразных статуях, стоявших там и сям на траве. В воздухе висел негромкий рокот их ленивой болтовни. Вивиан оробела – такие они все были взрослые.

– Приветствую, Джонатан! – крикнул молодой человек в черной бархатной блузе, который сидел на коленях статуи, похожей на исполинского Будду с головой льва.

Девушка в пышном полупрозрачном платье, сидевшая на втором колене статуи, с улыбкой подхватила:

– Привет, малыш Джонатан!

Джонатан остановился.

– Привет, – сказал он. – Ничего не знаете про тот хронопризрак, который сегодня утром прервал церемонию?

– Самим интересно! – разом ответили они.

Это привлекло внимание компании студентов, рассеявшихся рядом на статуе спящего человека неподалеку.

– И нам! – загалдели они.

Юноша в коротком белом килте, устроившийся на голове статуи, заметил:

– Да я этому шутнику годовой запас пива оплачу, если он предоставит «три-дэ» своей проделки. Хочу посмотреть, какое лицо делается у Энкиана!

– Крупным планом, – подхватила девушка в полупрозрачном платье.

– Тут никаких денег не жалко, – согласился юноша в килте.

– Энкиан рвет и мечет, грозитя исключить того, кто это сделал, – пояснил молодой человек в черной блузе. – Так что он никогда не узнает.

– Поэтому мы все изводимся от досады, – добавила девушка в полупрозрачном. – Ты тоже ничего не знаешь, да, Джонатан?

– Нет, к сожалению, – ответил Джонатан. – Я надеялся, вы знаете.

Он двинулся дальше, но юноша в килте окликнул его со смехом:

– Серьезно, если ты видел все своими глазами, расскажи мне, я тебе за

это что хочешь сделаю!

Джонатан тоже засмеялся:

– Потом расскажу. Нам пора к доктору Уайландеру.

Они поднялись по лестнице и оказались в длинном сводчатом коридоре.

– Наверняка кто-то пошутил с голограммой, – сказал Джонатан. – Кстати, это Континуум. Нам нужно пройти насквозь, тогда мы попадем в Перпетуум, там главная библиотека. Уайландер живет в берлоге на самом верху. Говорят, он покидает ее, только чтобы поругаться с Энкианом.

Перпетуум был огромный и устроен очень диковинно. Открытый вход, смотревший на заднюю сторону Континуума, был пятиугольный и с каймой из гранитных глыб. Правда, подумала Вивиан, если представить себе обычную дверь в виде заостренной кверху арки, там тоже будет пять углов, но две стороны, сходящиеся наверху, будут не такие длинные. А тут все пять сторон были одинаковой длины, но при этом вход был какой-то кособокий. А от входа вверх вправо и влево расходились такие же каменные пятиугольники, и получались будто бы огромные соты, которые все вместе составляли огромное покосившееся пятиугольное здание. Наверху над входом в камне были высечены полустертые от времени буквы со следами тусклой позолоты: «Памятники вечнее меди прочной».

– В смысле – книги, – пояснил Джонатан. – Нажимай кнопку антигравитации. Тут несколько тысяч ступенек.

Их и правда было несколько тысяч. Пологие, гранитные, они вели сначала влево, потом вправо, потом опять влево, мимо пятиугольных дверей с табличками «Дантиана», «Шекспириана», «Орфиана» и другими названиями, которые Вивиан ни о чем не говорили. У каждого входа лестница расходилась на четыре стороны. Это было как подниматься в лабиринте. Джонатан объяснил Вивиан, что острый электрический запах, витавший у каждой пятиугольной двери, – это запах миллионов книгокубиков, хранящихся в каждом отделе. Похоже, настоящих бумажных книг в Перпетууме было довольно мало. Но вскоре Вивиан и Джонатан так запыхались от всех этих подъемов, что уже не могли разговаривать и просто шли и шли – не помогла даже функция антигравитации. Когда они подошли к двери под названием «Конфуциана», Вивиан обнаружила, что Город Времени за окнами оттуда виден под какими-то неожиданными углами. Возле «Конфуцианы» она увидела Гномон, но тот торчал вдали куда-то вбок у нее под ногами, и она сочла за лучшее туда не смотреть. Когда они поднимались по лестницам, ощущение было такое, что лестницы все время ведут вертикально вверх, а

на самом деле они были обычные, пологие. Наконец у двери с табличкой «Геродотиана» Город Времени предстал перед ними более или менее правильно, только чуть-чуть наискосок, и был он далеко-далеко внизу.

Джонатан свернул в «Геродотиану», и Вивиан вздохнула с облегчением. Внутри было довольно темно и сильно пахло деревом. Пятигранный коридор был обшит резными панелями из такого же шелковистого дерева, что и стол папы Сэма. Джонатан стремительно тащил Вивиан за собой, но она успела различить среди узоров травы и людей.

– Говорят, Фабер Джон заказал их тому же резчику, который украшал Храм Соломона, – сообщил запыхавшийся Джонатан. Вивиан решила, что он вряд ли шутит. Слишком уж он запыхался. – Отключай антиграв. Ему надо подзарядиться.

В дальнем конце коридора был еще один лестничный пролет, деревянный, и он вел к последней пятиугольной двери. «Нечастый тупик», – прочитала Вивиан, когда Джонатан постучал в шелковистую деревянную дверь.

Дверь распахнулась, и оттуда хлынул свет, теплый и оранжевый из-за деревянных панелей.

– Вы опоздали почти на минуту! – прорычал доктор Уайландер.

Он сидел за деревянным столом под окном в наклонном потолке. Все прямые стены были зашиты полками с настоящими книгами. А под потолком на особых зажимах висели тысячи мелких кубиков – должно быть, это и были книгокубики. Пол почти целиком загромождали груды бумаг и стопки книг. Доктор Уайландер курил трубку, на нем был мешковатый коричневый пиджак, из-за которого он еще больше походил на медведя. И вид у него был довольный-предовольный, будто у медведя, который отдыхает в своей берлоге, до отвала наевшись меду.

– Сядь вон туда, – прорычал он Вивиан и махнул трубкой в сторону маленького столика из настоящего дерева. – Что ты видишь перед собой?

– Ну... – Вивиан не знала, чего он от нее ждет. – Вот какая-то то ли таблица, то ли диаграмма. Еще тут есть какой-то список, лист бумаги, покрытый чем-то блестящим, и листок, на котором писать. Ну и конечно, стол, на котором это все лежит. Вы хотите, чтобы я упомянула еще и стул?

Джонатан, усевшийся за столик перед столом доктора Уайландера, фыркнул и закусил кончик косы.

– Приемлемо, – прорычал доктор Уайландер. – Я намерен преподавать тебе интенсивный курс истории и универсальных символов, девочка моя. Ты Ли. Но твоя тетка и твой учитель говорят мне, что ты абсолютно

невежественна. Это неприемлемо. Таблица – это хронология всей истории от зарождения человека до Расселения Земли. Изучи ее. Список – это глоссарий универсальных символов, бумага – один из первых письменных документов на них. Вот почему она покрыта высокоэнергичным пластиком: она необычайно ценная. Переведи мне этот документ. Короче говоря, задействуй мозг хотя бы раз в жизни. Когда я закончу с Джонатаном, проверю, что у тебя получилось.

Очевидно, все считали, что настоящая Вивиан очень умная. Выхода не было – пришлось сесть и тоже постараться быть мозговитой. Она взяла хронологическую таблицу. Таблица была почти круглой, то есть в виде подковы, так что левый конец, помеченный «Каменный век», почти соприкасался с правым концом, помеченным «Расселение». Вдоль «подковы» тянулись шкалы, размеченные на тысячелетия. Незакрашенные белые участки, где были только эти тысячелетние шкалы, назывались «Фиксированные эпохи». Участки, закрашенные серым, были обозначены как «Нестабильные эпохи». На серых участках пометок почти не было, зато вдоль шкал на белых участках была масса дат и названий. Вивиан в ужасе пробежала их глазами. Четвертая мировая война... Покорение Австралии... Ментальные войны... Основание Исландской империи... Вайгонгские погромы... Окончание доминирования острова Пасхи... Канадское восстание... Фуэганский экономический союз... Гибель Священной армады... Распад Европы... И это были только некоторые названия крупными буквами! Вивиан еще раз в отчаянии посмотрела на таблицу и обратилась к ценному документу. Это, наверное, попроще.

Между тем доктор Уайландер рычал на Джонатана, забрасывая его вопросами, а Джонатан отвечал после долгих пауз, заполненных тихим похрустыванием. Похрустывал кончик косы, который грыз Джонатан: он всегда так делал, когда оказывался в тупике. «Наверное, к концу урока он себе всю косу обслюнявит!» – подумала Вивиан, взявшись за перевод. Оказалось совсем не так просто, как она надеялась. Универсальные символы не всегда обозначали отдельные буквы или даже отдельные слова. Надо было соображать, что могут означать сочетания символов, а потом догадываться, какой во всем этом смысл. Мозг у Вивиан начал ныть, что его никогда в жизни не заставляли так трудиться. И то и дело объявлял забастовку, и Вивиан приходилось дожидаться, когда он снова заработает, а тем временем она смотрела, как доктор Уайландер отцепляет с потолка книгокубики, сердито открывает настоящие книги и рычит на Джонатана.

– Не дури, мальчишка! – доносился до нее его рык. – Ты такой же, как все жители Города Времени. Считаешь, что настоящая история происходит

только во времени вне города. Никто не берет на себя труд фиксировать происходящее в городе, но и у него, несомненно, есть история, как и у всех остальных городов на свете! – Было ясно, что доктор Уайландер уже много раз это повторял.

Джонатан прикусил кончик косы, чтобы не зевнуть. Вивиан вернулась к символам.

Когда ее мозг забастовал в следующий раз, доктор Уайландер кряхтел:

– Владычица Времени, Владычица Времени! Вот это-то мне и не нравится. У нас в Городе вместо истории одни легенды! Безобразие! Невозможно разобраться, что тут творилось даже сто лет назад, не говоря уже о том, обитали ли в реальности существа вроде этой твоей Владычицы!

– Но ведь кто-то же прошел через весь двадцатый век и запустил волну хаоса, правда? – спросил Джонатан, крутя в пальцах мокрую косу.

Он так очевидно старался подвести доктора Уайландера к намеку о мальчишке на Торе, что Вивиан отключила ручку и заслонила таблицей, чтобы послушать.

– Несомненно, – пророкотал доктор Уайландер. – Не отклоняйся от темы. Итоги Второй нестабильной эпохи?

– Большой научный прогресс, – ответил Джонатан. – Как такой человек может перемещаться во времени?

– Откуда я знаю? – ощерился доктор Уайландер. – Теперь сопоставь это со всем, что тебе известно об Исландской империи, и посмотрим, сможешь ли ты объяснить, почему она распалась.

– Слишком полагались на науку, – ответил Джонатан. – А зачем человеку путешествовать во времени через весь двадцатый век?

– Я бы сказал, чтобы проскочить эту мерзкую эпоху как можно скорее, – отозвался доктор Уайландер. – Теперь расскажи мне, что это значит – слишком полагались на науку.

Зубы Джонатана опять сомкнулись на кончике косы. С доктором Уайландером у него ничего не получалось. Вивиан вздохнула и включила ручку. Прошло, казалось, совсем немного времени, и доктор Уайландер зарычал на нее:

– Ну? Выучила ты таблицу или нет?

– Э-э... нет, – ответила Вивиан.

– А почему?

– Тут слишком много! – жалобно произнесла Вивиан. – У нас... в смысле, в двадцатом веке история была гораздо короче!

– Да потому что тогда она была еще не завершена! – рявкнул доктор Уайландер. – Это не оправдание!

– И я ее не понимаю. Почему она круглая? – взмолилась Вивиан.

– Как знает каждый житель Города Времени, кроме, очевидно, тебя, потому, что историческое время замкнуто! – сообщил доктор Уайландер. – Начало – это конец. Время, которым пользуется человечество, циклично – здесь, в городе, этот цикл невелик, а в истории – огромен. Вероятно, так же устроена и Вселенная в целом. О чем только думали твои родители? Надо было сказать тебе хотя бы это! Итак, историю ты не знаешь. Перевод сделала?

– Ну, немного, – призналась Вивиан.

– Что ж, послушаем. – Доктор Уайландер откинулся в кресле, зажег трубку, стукнув толстым пальцем по чашечке, как будто приготовился слушать еще добрый час.

Вивиан уныло поглядела на свои несколько зеленых строчек, полные помарок и поправок.

– Один большой черный кузнец расшвырял четыре гроба, – прочитала она.

Джонатан поспешно затолкал в рот сложенный пополам мокрый кончик косы.

– Да неужели? – благодушно протянул доктор Уайландер. – Видимо, похвалялся силой. Продолжай.

– И они превратились в четырех очень старых женщин, – прочитала Вивиан. – Одна заржавела. Две побелели в довольно дешевых украшениях. Три пожелтели и подорожали, а еще четыре были тяжелые и оказались в нижних ячейках...

– Так что же, гробов было десять? – спросил доктор Уайландер. – Или, возможно, десять странных древних старушек. Одних, из нецветного металла, бросили мокнуть под дождем, другие скакали вокруг в дешевых бусах. Желтые, полагаю, заболели желтухой от этого зрелища, а те, что с трудным характером, забрались в комод, чтобы не смотреть. Есть ли продолжение у этого динамичного повествования?

– Немножко, – ответила Вивиан. – Еще четыре были наэлектризованные, но полицейские их заизолировали, чтобы город мог изучать философию по меньшей мере год.

– Еще четыре старушки и неустановленное количество полицейских, – заметил доктор Уайландер. – С кузнецом получается как минимум пятнадцать. Надеюсь, он заплатил полицейским за то, что те обернулись вокруг наэлектризованных старушек. Больно, наверное. Или ты предполагаешь, что полиция была казнена электрическим током, чтобы преподать горожанам важный нравственный урок?

– Не знаю, – в отчаянии ответила Вивиан.

– И все равно, как ты считаешь, чем занимались эти твои толпы старушек? – спросил доктор Уайландер.

– Понятия не имею, – призналась Вивиан.

– Обычно люди чепухи не пишут, – заметил доктор Уайландер, все так же благодушно попыхивая трубкой. – Передай бумагу Джонатану. Может, он поведает нам, что затеяли все эти люди.

Джонатан взял бумагу из рук Вивиан. Поглядел в нее и засунул в рот еще кусок косы. Из-под мерцающей полосы его зрительной функции потекли слезы.

– Джонатан полагает, что это трагедия, – печально проурчал доктор Уайландер. – Полицейские погибли от рук старых клуш высокого напряжения. Дай сюда. Я сам прочитаю. – Он выдернул бумагу из дрожащего кулака Джонатана и прочел: – «Великий Фабер Джон создал четыре вместилища, или ковчега, и спрятал по одному в каждом из Четырех веков мироздания». – Он повернулся к Вивиан. – Фабер и правда значит «кузнец», и символ такой же, но твои старушки возникли оттого, что ты не обратила внимания на двойной символ возраста, а это всегда означает либо «время», либо – если в мужском роде – «Век мироздания». Продолжаю. – Он прочитал: – «Ковчег из железа он поместил в Железный век. Второй ковчег, из серебра, он скрыл в Серебряном веке, а третий, из чистого золота, – в Золотом веке. Четвертый ковчег был из свинца, и спрятал он его точно так же. В эти четыре ковчега заключил он большую часть своей силы и приставил к каждому особого стража. Так он обеспечил, что Город Времени простоит целый платонический год...» Вот, – сказал он Вивиан. – Смысл этого документа полностью удовлетворяет меня, а Джонатану дает очередную легенду, которые он так любит.

Джонатан освободился от кончика косы во рту и серьезно спросил:

– Как вы считаете, то, что здесь сказано, – правда?

– Автор документа так считал, – прокрихтел доктор Уайландер. – Он – или она – был настолько в этом уверен, что поместил свой документ сюда на хранение много тысяч лет назад. Ну а вместилища силы, о которых он говорит, – это, конечно, то, что мы сегодня называем полюсами.

– А что такое платонический год? – спросил Джонатан.

– Время, за которое звезды возвращаются на круги своя – образуют тот порядок, с которого все началось, – ответил доктор Уайландер. – По некоторым подсчетам, это двести пятьдесят восемь столетий, и если Вивиан на миг сосредоточится на хронологической таблице, а не позволит

взгляду соскальзывать с нее, то обнаружит, что это практически в точности равно продолжительности истории человечества. Вивиан, к завтрашнему дню ты выучишь эту таблицу. Документ, где рассказано о ковчегах, очень ценный, выносить его отсюда нельзя, поэтому возьми вот эту копию и подготовь подобающий перевод, тоже к завтрашнему дню. А Джонатан напишет мне подробное сочинение об Исландской империи.

Вивиан вышла из теплой, пахнущей деревом комнаты, чувствуя себя такой же мокрой и изжеванной, как кончик косы Джонатана.

– По-моему, он чудовище! – сказала она, когда они двинулись вниз по тысяче ступенек.

Глава девятая

Страж

Они побрели обратно через площадь Эпох.

– А что, двадцатый век, по-твоему, входит в Железный? – задумчиво спросил Джонатан.

– Нет, конечно! – возмутилась Вивиан. – У нас есть алюминий, пластмасса и хром. В Железном веке жили в хижинах!

– Да я просто... – начал было Джонатан.

Но ему помешал пронзительный вой волынки, донесшийся с середины площади. Толпа туристов, скопившаяся вокруг камня Фабера Джона, заколыхалась и замахала руками. Вивиан и Джонатан мельком увидели, как среди них пляшет призрак.

– Надо бы студенту, который это затеял, быть поосторожнее, а то его поймут, – сказал Джонатан. – Для этого, наверное, нужен очень большой проектор.

– То есть голые граммы – это такое кино? – живо заинтересовалась

Вивиан.

Про кино она знала все.

– Голограммы. Да, – сказал Джонатан. – При помощи лазерных лучей создают изображение, на которое можно смотреть со всех сторон. Во времена Ментальных войн их научились делать просто здорово. Наверняка этот студент оттуда.

– Что такое лазерные лучи? – спросила Вивиан.

– Такие особые лучи, – самым своим царственным тоном отвечал Джонатан.

Из этого Вивиан заключила, что знает он о них немногим больше ее.

Когда они дошли до середины площади, призрак уже исчез. Они обошли толпу и двинулись на площадь Времени. Под аркой их дожидался Сэм.

– Ну что, догоним мальчишку, который украл полюса? – строго спросил он.

– Сначала я решу, как это лучше всего сделать, – отвечал Джонатан все тем же царственным тоном. Это подсказало Вивиан, что о том, как поймать мальчишку, Джонатан знает не больше, чем о лазерных лучах. – Я же говорил тебе, что нам ни к чему застревать в истории, – добавил он. – Сам знаешь, после того, как мы путешествовали во времени, яйцо забарахлило.

– Пойду посижу у тебя в комнате, пока ты думаешь, поем масляного парфе, – предложил Сэм.

– Ни за что, – отрезал Джонатан. – Мне еще сочинение Уайландеру писать.

Сэм обратил лицо, сияющее самой широкой двузубой улыбкой, к Вивиан.

– Тогда я пойду к тебе и покажу, как работает твой автомат! – сказал он.

– В другой раз, и вообще я знаю, как он работает, – ответила Вивиан. У нее вдруг возникло чувство, что с таким количеством заданий ей просто не справиться. – У меня таблица, универсальные символы и перевод – да я с ними, наверное, всю ночь просижу!

– Круглоглазая зануда и узкоглазый зубрила! – припечатал Сэм. – Ненавижу школу. Все сразу становятся такие скучные!

Он скривился от омерзения и затопал прочь, волоча по брусчатке четыре конца шнурков.

– Теперь обязательно сделает нам какую-нибудь гадость, чтобы поквитаться, – сказал Джонатан. – Он всегда так.

Вивиан было все равно. Ее гораздо больше пугало, что доктор

Уайландер снова будет над ней потешаться. Она бросилась к себе и попыталась заставить непослушный мозг работать. Тот отказывался. Вивиан битый час тарасилась на таблицу и символы, но усвоила только одно: функция письма – это совсем не то, что обычная ручка, у нее нет самого главного свойства ручки. Ее нельзя грызть. Пришлось Вивиан встать и попытаться вспомнить, как пользоваться аккуратненьким автоматиком на стене – Петула ей показывала, но Вивиан все забыла. Сэма этот автомат глубоко разочаровал бы. Он не делал масляных парфе. Автомат выдал Вивиан две жевательные резинки с водорослями и хрустящую вафельку с вишневой начинкой, которые наверняка были очень питательные и полезные для зубов, но ничем не помогли перегруженному мозгу Вивиан.

– Вот зараза! – сказала она. Настроила себе музыку, которая сама себя называла «Стиль антарктического бедлама», мрачно вгрызлась в жевательную резинку с водорослями и предприняла следующую попытку.

К ужину она перевела тот отрывок ценного документа, который прочитал доктор Уайландер, – что на самом деле было нечестно, ведь она все помнила. Потом пришлось прерваться и переодеться в крахмальную белоснежную пижаму, которую приготовила Петула. От этой пижамы в волосах и на плече у Вивиан появились призрачные алые розы.

Вивиан повертелась перед зеркалом и полюбовалась ими, а потом спустилась вниз посмотреть, кто сегодня придет в гости. Одним из гостей был мистер Энкиан. Остальные все были важные персоны из Континуума и Перпетуума, оскорбленные выходкой студента. С одного взгляда на их лица Вивиан стало ясно, что Вековечному Уокеру придется сегодня навевать скуку с особым усердием. И она угадала.

Едва все сели за стол, как мистер Энкиан завел свою шарманку:

– Вековечный, я не допущу глумления над нашими традиционными церемониями, особенно в это кризисное время, когда все должны сплотиться, отстаивая Город Времени. Это была злая шутка не только надо мной – и, разумеется, над вами, – но и над камнем Фабера Джона. И мало того, Книга Судного дня упала в лужу!

Вековечный Уокер устремил встревоженный взгляд в дальний угол и целых пять минут уныло говорил про «мятежный дух юношества» и «ни в коей мере не попустительствовать, но придерживаться умеренной, квазиотеческой линии».

Мистер Энкиан дождался, когда он договорит, и сказал:

– Я подниму этот вопрос в Хронологе. Мои коллеги поддержат меня при голосовании. В будущем мы не станем допускать студентов из

шестьдесят седьмого века или других эпох, когда создавались вредоносные технические устройства.

В результате Вековечный Уокер устремил взгляд в другой угол и снова занудил про «сбалансированный набор студентов из всех возможных эпох». Вивиан глядела, как он говорит, и пыталась силой мысли внушить ему, чтобы он вскочил из-за стола и забегал вокруг с воплями, как утром. Было бы гораздо интереснее. И мистер Энкиан мгновенно заткнулся бы, это уж точно.

– Мы не принимаем студентов из Нестабильных эпох! – рявкнул мистер Энкиан. – Если мы уже отказались брать студентов с пятьдесят восьмого по шестьдесят пятый век, вполне можно распространить запрет до пятьдесят шестого. Откуда и прибыл виновник, в чем я положительно убежден.

– Но если бы мы так поступили, то рискнули бы исключить некоторых студентов, которые должны обучаться здесь по требованию истории. – Вековечный Уокер ковырялся вилкой в тарелке с таким видом, будто у него разболелись зубы. – Это вызвало бы нестабильность в соответствующих эпохах.

Пока мистер Энкиан открывал рот, чтобы ответить, Вивиан спросила:

– Простите, пожалуйста! Простите, пожалуйста, а почему вы не принимаете студентов из Нестабильных эпох?

Тут-то она и поняла, как отважно поступил Джонатан, когда встрял вчера в разговор взрослых. Мистер Энкиан испепелил ее взглядом. Вековечный Уокер обратил на нее взор, полный зубной боли. Вивиан почувствовала, как у нее запылали щеки.

Однако Вековечный Уокер, похоже, счел ее вопрос совершенно разумным.

– По целому ряду причин, – ответил он. – Главным образом потому, что для того, чтобы Фиксированные эпохи сохраняли стабильность, нам необходимо следить, чтобы Нестабильные эпохи в целом не менялись. Нельзя же, чтобы человек, скажем, из шестидесятого века прибыл в Город Времени и узнал свое будущее. Мы рассчитываем, что в его эпоху – в Третью нестабильную эпоху – произойдут определенные войны и будут сделаны определенные изобретения, поскольку это должно привести к возникновению Исландской империи в следующую Фиксированную эпоху. Если человек из шестидесятого века будет это знать, то либо решит сидеть сложа руки, считая, что будущее уже известно и ничего не изменить, либо придет в смятение и совершит какой-нибудь опрометчивый поступок, что, вероятно, еще хуже. А главная беда с Нестабильными эпохами – то, что

ход истории в них способны изменить даже сущие пустяки. Я понятно объясняю?

Вивиан кивнула и постаралась соорудить такое же умное лицо, как у настоящей кузины Вивиан. Судя по тому, как завелся мистер Энкиан, Вековечный Уокер был только рад, что она их перебила.

– А что будет, если Нестабильная эпоха впадет в критический дисбаланс? – спросила Вивиан, не дав мистеру Энкиану вставить слово.

Оттенок зубной боли во взгляде Вековечного Уокера понемногу ослабел и сменился привычным, просто страдальческим.

– Это происходит, – ответил он, – когда в истории этой эпохи происходит так много изменений, что от этого меняются и Фиксированные эпохи до и после нее, как сейчас в двадцатом веке. Легко видеть, что сначала волна перемен катится в будущее. Теперь у нас осложнения в двадцать третьем веке, поскольку некоторые изобретения, которые должны были быть сделаны только тогда, уже сделаны в тысяча девятьсот сороковом году. Однако волна нестабильности идет не только вперед, но и назад. Временной Дозор трудится не покладая рук, чтобы в Римской империи...

Мистер Энкиан вскочил, его острое желтое лицо все перекосилось, и воскликнул:

– Это, знаете ли, слишком!

– Отчего же, мистер Энкиан, вовсе нет! – Вивиан еще не слышала, чтобы голос Дженни звучал так сердито.

– Нет, слишком! – выпалил мистер Энкиан. – Я не отступлюсь. Вот! – Он указал на закругленную стену в дальнем конце комнаты. – Бесконтрольная эскалация! – От злости он аж давился словами.

Все головы повернулись туда. Там был тот студенческий хронопризрак. Джонатан проглотил то, что ел, и поспешно закусил кончик косы. Вивиан закрыла лицо обеими руками, чтобы никто не заметил, что она смеется. Ну, студенты, ну, проказники! Этот долговязый псих в высокой мятой шляпе стоял в полукруге стены, куда его, очевидно, спроецировали, как кино, и ухмылялся, глядя на них, будто придворный шут, слегка боящийся сцены. Вивиан подумала, что теперь уже узнает его узкое безумное лицо где угодно.

– Вон! – приказал мистер Энкиан, все так же указывая на него пальцем.

В ответ шут с мольбой протянул к нему обе руки. Ухмылка превратилась в безумный оскал.

Родители Джонатана переглянулись. Вековечный Уокер кашлянул и поднялся.

– На сегодня достаточно, – сказал он. – Будьте любезны, отключите свой аппарат.

Шутовской оскал погас. Взгляд у психа стал почти такой же измученный, как у Вековечного. Рот приоткрылся, будто призрак хотел заговорить.

– Я сказал – будьте любезны немедленно отключить это изображение, – повторил Вековечный Уокер. – Либо предстанете перед Хронологом по обвинению в непочтении к властям.

Призрак закрыл рот. Вид у него сделался обреченный. Он поклонился Вековечному и попятился сквозь стену, оставив у всех перед глазами тусклый световой отпечаток своей странной долговязой фигуры, будто от яркого солнца.

– Какая реалистичная голография, – заметил кто-то.

– Хорошо хоть на сей раз без этих жутких волюнок, – сказал еще кто-то.

И все тут же пустились обсуждать лжепризрак и утешать мистера Энкиана, который, похоже, воспринял этот эпизод как личное оскорбление. Вивиан помалкивала до конца ужина. Теперь, когда ей удалось разглядеть призрак подробно и вблизи, она понимала, почему ей так знакомо его лицо. Она видела, как человек с этим самым лицом под этой самой мятой шляпой выходит из временного шлюза на реке Времени, не обращая внимания на встречный поток охваченных паникой хронопризраков. Но она видела его где-то еще раньше, вот только где?

– По-моему, это был не голый граф, – сказала она потом Джонатану.

– Не знаю, голограммы пятьдесят шестого века просто до ужаса реалистичные, – ответил он и отправился писать свое сочинение.

– И не голодный грамм, – бормотала Вивиан себе под нос, пока брела обратно доделывать свои уроки.

С переводом опять получилась полная чушь – два раза. На этом месте мозг у Вивиан сдался и начал с ней спорить. Нет никакого смысла так надрываться, сказал ей мозг. Она вот-вот вернется домой к маме, и лучше ей сейчас думать не про задания, а про то, как туда попасть. «Только не прямо сейчас!» – торопливо добавил мозг. Еще одно усилие его окончательно добьет. А пока ее долг – сидеть и празднично тосковать по дому, а не переходить к изучению этой жуткой таблицы.

Вивиан все же взяла таблицу, но не без угрызений совести. Ведь она и в самом деле ни разу за последние два дня ни на миг не затосковала по дому, это мозг верно подметил, – разве что немножко ночью. А все из-за тех двух хронопризраков в коридоре. Вивиан понимала, что домой ей не попасть, пока она не побывает вместе с Джонатаном где-то еще и не

вернется после этого в Город Времени. А как только она это поняла, ей стало ясно, что вряд ли ей удастся где-то побывать, вернуться и отправиться домой, не сходяв еще раз к доктору Уайландеру. А доктор Уайландер опять заставит Джонатана рыдать от смеха за ее счет, если она напоследок не постарается как следует.

Этого оказалось достаточно, чтобы Вивиан приступила к изучению хронологической таблицы с самыми серьезными намерениями. Вечером она уснула, бормоча: «Первая нестабильная эпоха – 300 г. до н. э. – 2199 г. Вторая нестабильная эпоха – 3800–3950. Третья нестабильная эпоха – 5700–6580. Четвертая нестабильная эпоха... Ой, какая она длинная, эта история!» А когда она проснулась утром, голова по-прежнему слегка кружилась от всего, что она теперь почти что знала.

Когда она спускалась завтракать, мимо пролетел Вековечный Уокер в шуршащем плаще сливового цвета.

– Элио! – кричал Вековечный. – Элио!

Вивиан бросилась за ним, уверенная, что намечается очередная церемония и очередная кутерьма. Но на это было не похоже. Элио с отцом Сэма поджидали Вековечного в вестибюле.

– А, вы привели его. Отлично! – Вековечный метнулся к ним. – Есть ли что-нибудь новое о голопроекторе?

– Временной Дозор над этим работает, сэр, – сказал Элио.

– Наряду с миллионом других задач. Скорее всего, проектор оснащен собственной энергетической установкой. У города он энергию не брал, – сказал мистер Донегал и кивнул Вивиан: – Привет-привет!

К вящему удивлению Вивиан, Вековечный Уокер тоже кивнул ей и сказал «доброе утро» и только после этого потащил мистера Донегала и Элио к себе в кабинет, и Вивиан прямо-таки огорчилась, что на сей раз никакой кутерьмы не будет. Она прислушивалась с надеждой до тех пор, пока им с Джонатаном не настала пора отправляться в Протяженность.

Сэм, как обычно, поджидал их у фонтана на площади Времени.

– Я с вами не разговариваю! – объявил он. – Вы ходили без меня!

– Вообще-то, доктор Уайландер много нам задал, – сказал Джонатан.

– Да я не это имел в виду, вот тупица! – сказал Сэм. – Я имел в виду, что вы ходили без меня туда, откуда возвращаются два хронопризрака. Мерзкие зеленые неприличности, вот вы кто!

– Никуда мы не ходили, – сказала Вивиан.

– Сам ты тупица! – огрызнулся Джонатан и зашагал к проходу на площадь Эпох. – Мы еще нигде не были.

– Значит, скоро пойдете! – Сэм заскакал за ним, кончики шнурков

стучали по брусчатке. – Какая разница? Я же знаю, что вы задумали!

– Я бы куда угодно отправился без тебя в тот самый миг, когда у меня появилось бы хотя бы малейшее представление, где мы побывали! – свирепо бросил Джонатан через плечо.

– И ты не имеешь права обвинять нас в том, чего мы еще не сделали! – добавила Вивиан тоже через плечо.

Под аркой, прислонясь к кирпичной стене, стояло привидение шута. Безумные глаза на узком лице проводили их взглядом. Джонатан чуть не налетел на Вивиан, потому что оба смотрели в другую сторону и заметили шута только в последний момент.

Они споткнулись, остановились и уставились на него. В полутьме под аркой призрак почему-то одновременно был и хуже различим, и словно бы гораздо плотнее. Он высился над ними. И кажется, внимательно рассматривал их.

– А я все равно обвиняю! – За ними под арку протопал Сэм. Увидел призрака и остановился. Голос упал до громкого шепота. – Ой, жуть, совсем как настоящий!

Джонатан переглотнул.

– На самом деле нет, – проговорил он. – Если попытаешься до него дотронуться, ударишься рукой о стену.

Рот шута расплылся в широченной улыбке.

– Коснитесь и узнайте, – сказал он.

Голос был далекий и неразборчивый, будто доносился из соседней комнаты. Шут протянул длинную сумрачную руку почти что в лицо Джонатану. Джонатан тут же отпрянул. В результате Вивиан осталась впереди одна. Втянула побольше воздуха.

– Сейчас.

Она двинулась навстречу вытянутой руке, напряженно выставив вперед ладонь, будто лунатик. И ладонь на что-то натолкнулась. От этого Вивиан вздрогнула – ее охватил ужас, какой чувствуешь, внезапно оказавшись нос к носу с огромным свирепым псом. Нет, призрак был не злой. Просто у нее возникло ощущение, что он терпеть не может, когда его трогают. Рука, на которую она натолкнулась, была не то чтобы плотная, но и не бестелесная. Она была прохладная, а ткань рукава – грубая. И хотя рука Вивиан не погрузилась в тело призрака, Вивиан понимала, что и плоть, и прикрывающая ее ткань состояли из чего-то более разреженного, чем обычное вещество.

– Я тебя чувствую, – выдавила она и поняла, что говорит шепотом. – Так, значит, ты не голый грамм?

– О нет, я существую в самом деле, – ответил призрак своим диковинным приглушенным голосом. – Коснитесь и убедитесь.

Улыбка его погасла, взгляд стал печальным, но он терпеливо стоял, вытянув руку, пока сначала Джонатан, а потом Сэм подходили и трогали пальцами грубую ткань рукава. Сэм потыкал несколько раз, и призрак это стерпел. Сэм попятился, глаза у него стали круглые от изумления.

Джонатан прокашлялся, но все равно получилось придушенно:

– Ой... вроде плотный.

Призрак убрал руку, и они несколько секунд смотрели друг на друга, будто всем, в том числе и призраку, надо было немного прийти в себя после пережитого.

– Что тебе нужно? – спросил наконец Джонатан.

– Поведать миру о своей беде, – сказал призрак. Цепочка слов словно бы взвилась под арку и вернулась к ним сразу с нескольких сторон. Вивиан подумала, что голос у него, наверное, такой же разреженный, как все остальное. – Я хотел, чтобы жители города вняли мне, – продолжил он, – но без ковчега моего стал почти невещественным, и меня сочли привидением.

– Вообще-то, людей можно понять. Ты же ворвался в толпу в разгар церемонии, скакал туда-сюда и играл на волынке, – заметил Джонатан.

Призрак с печальной растерянной улыбкой помотал головой:

– Неужели? Память подводит меня. До вчерашнего вечера я не помнил ничего, кроме того, что мне следует обратиться к вам. Я оказался здесь и нашел вас, но тот могучий кудесник отослал меня прочь именем Хронолога, и мне пришлось уйти.

– Ты хочешь сказать, что ищешь именно нас? – Джонатан не поверил своим ушам.

– А если ты не призрак, – встрял Сэм, – тогда кто?

– Я – это я, – ответил призрак. – Тот, кого приставили Стражем Железного ковчега, а я его не уберег. Вы видели, как это было. Вы видели, как ковчег извлекли из-под земли, где ему полагалось быть, и похитили.

– Ой! – сказали они все, а Вивиан подумала: «Точно!»

Это был тот самый длинноногий человек, который так легко взбежал на вершину Тора и крикнул, что надо спешить. Тогда он был гораздо вещественнее с виду. Вивиан посмотрела вниз, на почти плотную ногу, стоявшую на брусчатке. И узнала остроносые башмаки.

Судя по лицам Джонатана и Сэма, они тоже его вспомнили.

– А почему ты взял и исчез? – спросил Сэм. – И дал мальчишке добраться до верха и украсть ковчег!

Страж Железного ковчега беспомощно раскинул большие бледные руки:

– Я сделал все, что мог. Когда я увидел, что замышляется кража, я вернулся в первые дни Железного века, а оттуда – в последние его дни и по дороге тянул все нити истории. В первые эпохи существования Города Времени это побудило бы всех горожан броситься мне на помощь, но дни города сочтены, и потому почти никто не ответил мне. Только вы откликнулись на мой призыв.

Сэм с Джонатаном смущенно переглянулись.

– И потому, – невнятно продолжил разреженный голос Стража, – я опутал похитителя нитями истории и обвинил ими всех обитателей Железного века, кто был готов помочь мне, чтобы свести их вместе. Но на зов мой явилась только одна девица – и вы все же опоздали.

Узкое лицо потемнело от горькой печали.

– А зачем ты пришел сюда? – спросила Вивиан.

– Я не знал, куда еще пойти, – признался Страж. – Раз Железный ковчег исчез из тайника, значит Железному веку конец, а мне следует вернуться в город. Вот я и вернулся, уповая на то, что мой ковчег возвращен на подобающее место в Гномоне. Но его там нет. Его похитили.

– Мы знаем. У нас ничего не получилось, – сказал Джонатан. Он так огорчился, что стал очень похож на Вековечного Уокера. – А что, Городу Времени и правда скоро настанет конец? Мы можем что-то сделать?

Страж печально посмотрел на него:

– Он доживает последние дни. Да, Великий год подходит к концу. Но если удастся предупредить Стражей остальных трех ковчегів и они сумеют вернуть Серебряный, Золотой и Свинцовый ковчегі в Гномон и уберечь их от вора, тогда, возможно, снова настанут первые дни.

– Тогда нам надо... – начал было Джонатан, но Вивиан поспешно его перебила:

– Кто украл ковчег? – спросила она. – Владычица Времени?

Узкое бледное лицо Стража обратилось к ней с видом горчайшего упрека. Страж помотал головой, медленно и грустно, и при этом растаял в воздухе, будто впитался в стену арки. Перед Вивиан, Джонатаном и Сэмом остались только ряды узких красных кирпичей и светящееся пятно в виде унылой долговязой фигуры на их фоне. Вивиан готова была вклепить себе пощечину.

Ей стало одновременно жарко и холодно, а ноги подкосились, как бывает, когда ляпнешь ужасную глупость. Ну почему, почему она не догадалась вовремя, что это будет ужасная глупость? Тем временем

Джонатан жевал кончик косы, и взгляд у него стал такой же страдальческий, что и у его отца, а Сэм, кажется, давно позабыл дышать.

И теперь вместо выдоха у него получился рев:

– Чего стоите? Делайте что-нибудь!

– Только сначала надо придумать, что делать! – Джонатан хмуро двинулся в сторону площади Эпох, жуя кончик косы.

Вивиан последовала за ним. По шлепанью шнурков было ясно, что Сэм не отстает.

– Если это и правда был Страж Железного ковчега, а не очередной студенческий розыгрыш, – сказал Джонатан.

– Да нет, он был такой грустный, – сказала Вивиан. – И совсем настоящий.

– Тогда все не так, как мы думали, – проговорил Джонатан.

– И тот мальчишка не имеет никакого отношения к Владычице Времени! – сказал Сэм. – Думай давай! Нам сейчас как раз нужны твои дурацкие идеи!

Джонатан обернулся и рявкнул:

– А я что делаю? Мне просто надо перестроить голову. Кроме того, ты знаешь, где остальные ковчеги? У тебя есть хоть какие-то представления о том, какой именно промежуток в несколько тысяч лет – это Золотой век? А Свинцовый? Вот и я думал, что нет. Так что помалкивай!

Он стремительно зашагал через площадь вместе с Вивиан, а за ними следовало сопящее и очень выразительное шлепанье шнурков. Но в итоге всем пришлось собраться у камня Фабера Джона в середине. Джонатан посмотрел на совершенно новую паутину трещин, которые расползлись от вчерашних новых трещин.

– По-моему, дни Города Времени и вправду сочтены.

– Что же нам делать? Как разыскать остальных Стражей?

– У меня есть мысль, – нерешительно сказала Вивиан.

Джонатан волчком повернулся к ней, Сэм вскинул подбородок, чтобы поглядеть ей в лицо. Она почувствовал себя дурой.

– Просто если двадцатый век входит в Железный, а так, наверное, и есть, раз оттуда украли Железный ковчег, значит Железный век входит в Нестабильную эпоху, правда? Тогда, может быть, остальные четыре века тоже из Нестабильных эпох?

Она присела на корточки и развернула подковообразную таблицу доктора Уайландера на растрескавшемся камне. К этому времени она знала таблицу до омерзения хорошо – и длинные белые участки, и короткие серые. И насколько она помнила, серые участки были распределены по

хронологии на удивление равномерно, как будто нарочно. Вивиан впервые в жизни обнаружила, что вызубрила что-то хоть немного полезное.

– Смотрите, – сказала она.

Джонатан перестал жевать кончик косы и опустил на колени рядом.

– Только Нестабильных эпох еще семь... нет, восемь.

– Шесть очень маленьких, всего по веку, – сказала Вивиан.

– Только три длинных. – Сэм лег на живот, едва не уткнувшись носом в таблицу, и засопел так, что поднялся ветер.

– И расстояние между ними всеми примерно по тридцать веков, – сказал Джонатан. – Мне и в голову не приходило. – Он показал пальцем на Третью нестабильную эпоху – с пять тысяч семисотого по шесть тысяч пятисот восьмидесятый год. – Тогда это вполне может быть Серебряный век, если он идет после Железного. А... – Он передвинул палец на следующий длинный серый участок. – А это либо Свинцовый, либо Золотой. Но тогда четвертый такой век должен быть из коротких. В общем, имеет смысл поглядеть в Третьей и Девятой нестабильной эпохе – когда это? С девяносто второго века по сотый...

Им помешал оглушительный звонок, донесшийся из Протяженности. Последняя стайка школьников мчалась туда со всех ног по дальней стороне площади Эпох.

– О Великое Время! – ужаснулся Джонатан. – Я в жизни так не опаздывал!

Они поднялись на ноги. Вивиан подхватила таблицу и сложила ее, пока они бежали по брусчатке. Да, они опоздали. Звонок умолк задолго до того, как они очутились у дверей Протяженности.

– Соображаешь, В. С.! – пропыхтел Джонатан. – Только нам надо узнать у кого-нибудь, который век какой. Давай разговорим Уайландера.

В то утро Вивиан даже в школе понравилось, хотя она и опоздала. Наверное, дело в том, что теперь она знала, чего ожидать.

Довольно долго она при помощи функции письма рисовала длинноногих человечков в высоких мятых шляпах и думала про бедного грустного Стража Железного ковчега. Чем может заниматься в городе человек не до конца реальный? То появится, то растает, мечется в поисках помощи, думала она. Значит, никакая это не студенческая проделка...

Потом она задумалась о том, что говорил Страж. Видимо, одному ему с воров не справиться. Может, он для этого слишком призрачный, раз дни Города Времени сочтены. Поэтому он и вызвал волну хаоса по всему двадцатому веку и по предшествующей истории – искал помощь, а в результате папа Сэма и Временной Дозор только зря теряли время, пока

ловили его. «Надо все-таки сказать им про вора!» – с тревогой подумала Вивиан.

Похоже, Страж думает, что вор собирается украсть все ковчеги – или полюса, как угодно. Возможно, так и есть. Зачем красть только один, если умеешь путешествовать во времени, как тот мальчишка? Наверное, он в эту самую минуту движется в сторону Серебряного века. Но Джонатан верно заметил, что если они с Вивиан и Сэмом всем об этом расскажут, то попадут в беду. А намеков Джонатана никто не слушает. Остается одно: сделать то, что просит Страж, пойти и самим предупредить остальных Стражей. Это можно было бы сделать, если бы временное яйцо работало как следует. Но сначала нужно понять, куда им надо. Джонатан правильно придумал. Надо будет днем навести на эту тему доктора Уайландера, пусть он и скажет.

Вивиан считала, что Джонатан помчится к доктору Уайландеру заранее. И очень удивилась, когда он вообще не пришел обедать на большой перемене. По мнению ее пояса, было уже двенадцать тридцать пять, а Джонатан все не появлялся. Вивиан подождала еще несколько минут, а потом вырвалась из любопытствующей толпы, которой хотелось узнать побольше про войну. И двинулась в Перпетуум одна, дрожа как осиновый лист.

Джонатан нашелся на зеленой лужайке со статуями возле Континуума. Он опирался на большую статую женщины совсем без рук и о чем-то увлеченно беседовал с каким-то студентом. Это был тот самый юноша, который обещал отдать деньги на пиво за фильм о том, как Страж помешал церемонии. Вивиан запомнился короткий белый килт и мускулистые ноги юноши под ним. Одну из этих мускулистых ног юноша, болтая с Джонатаном, непринужденно перевесил черед великанскую ступню статуи, а в остальном растянулся на травке. Из этого положения он заметил Вивиан раньше Джонатана и дружески помахал ей.

– Ой, что, уже так поздно? – сказал Джонатан. – Леон, это моя кузина В. С. В. С., познакомься, это Леон Харди, он из сто второго века.

Леон Харди грациозно поднялся на ноги:

– Приятно познакомиться, Ви. – Он улыбнулся, и на бронзовом лице блеснули два ряда белых зубов.

От всего этого Вивиан несколько оторопела. Очень уж он был похож на кинозвезду.

– А разве сотый с чем-то – это не Нестабильная эпоха? – неуверенно спросила она.

– Начиная с конца сто девятого, – пояснил Леон. – Последняя

Фиксированная эпоха до Расселения, но до этого после моего времени еще несколько столетий. В мое время все занимаются последствиями распада Европы. Очень интересное время, много разных изобретений, и я здесь, чтобы изучить всю науку и технику, сколько получится.

– Нам пора, – сказал Джонатан.

– А то Уайландер спустит вас со всех лестниц в Перпетууме, – рассмеялся Леон. – Я слышал, он грозился, что спустит Энкиана. Иди, юный Джонатан. Награда за свидетельство очевидца потихоньку накапливается. Я с тобой свяжусь дня через два.

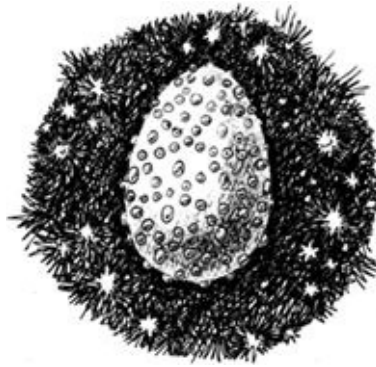
«Вот о чем они болтали!» – подумала Вивиан. Они с Джонатаном прошли по сводчатому коридору Континуума, и всю дорогу Вивиан думала, почему люди, которые тебе нравятся как кинозвезды, в настоящей жизни тебе не то чтобы нравятся.

– Что еще за награда? – спросила она.

– Потом расскажу, – ответил Джонатан.

Вивиан покосилась на него и увидела, что он шагает самой своей пружинистой и царственной походкой.

«Только не это! У него очередная дурацкая идея! – подумала Вивиан. – Надеюсь, на сей раз он никого не собирается похищать!»

Глава десятая

Церемонии

Чуть ли не всю дорогу вверх по лестницам Перпетуума они бежали. Похоже, это был такой день, когда везде опаздываешь. Несмотря на помощь антигравитационной функции в поясах, Вивиан и Джонатан ввалились в Нечастый тупик без малого на пять минут позже назначенного. Доктор Уайландер сидел и раскуривал трубку. И только посмотрел на них сквозь пелену дыма, но они не отважились ни шелохнуться, ни заговорить, пока он не прокряхтел:

– Вижу, вы хотя бы не собираетесь тратить время на никчемные оправдания. Сядьте. Вивиан, как твой перевод?

– Вторая часть вышла странная, – призналась Вивиан.

– Тогда потрудись найти в ней смысл, пока я откушу кусок-другой от твоего кузена, – прорычал доктор Уайландер.

Вивиан старалась изо всех сил, краем уха слушая, как щелкают книгокубики и грызут косу зубы Джонатана. В этой кособокой комнатухе, пахнувшей деревом, было тихо и спокойно – подозрительно тихо и спокойно. Когда Вивиан отдышалась, до нее мало-помалу дошло, что Джонатан почти не задает вопросов. А если задает, они не имеют отношения к Нестабильным эпохам. У Вивиан появилось препротивное ощущение, что что-то идет не так. Она не понимала, почему Джонатан решил не выуживать из Уайландера сведения о Четырех веках мироздания, и решила, что лучше попробует сама, если, конечно, отважится.

– Э-э... – сказала она.

Доктор Уайландер повернул огромную голову и посмотрел на нее:

– Да?

Наткнувшись на взгляд этих умных глазок, буравивший ее из-за завесы дыма, Вивиан окончательно струсила.

– Не понимаю, что значит этот символ, – «редкий» или «нелепый», – выдавила она.

– Попробуй «диговинный» – это значит и то и другое, – прорычал доктор Уайландер и повернулся обратно к Джонатану.

Вивиан вздохнула и попыталась пожевать свою письменную функцию. Зубы клацнули в пустоте. «Соберись! – сказала она себе. – Спрашивай! Перехитри его, а то никогда не вернешься к маме!» Без толку. Она до того боялась доктора Уайландера, что так ничего и не сказала, пока тот не развернулся массивным корпусом в ее сторону.

– А теперь послушаем продолжение удивительной истории о приключениях кузнеца и бешено размножающихся старушек, – сказал он.

– Но перед тем, как вы... – выдавила Вивиан. При этих словах ее точно так же потрянуло от страха, как когда она прикоснулась к не вполне вещественной руке Стража, но она заставила себя продолжать. – Перед тем, как я прочитаю перевод, если можно, расскажите мне о Нестабильных эпохах. То есть как их определять, вот что я хотела спросить. И все о них.

Ну вот, спросила. Вивиан всю колотило, а Джонатан уткнулся в свои записи, как будто не имел к ней отношения. Но она знала, что это важно.

– Хочешь оттянуть час расплаты, да? – прокряхтел доктор Уайландер. Но все же благодушно пыхнул трубкой и обдумал ответ. – Ты ведь и сама только что оттуда, естественно, что тебе это непонятно, – заметил он. – Нельзя понять, что эпоха нестабильна, если сам в ней живешь. Это видно только со стороны, отсюда, из Города Времени. И дело не только в том, что жители Нестабильной эпохи не знают своего будущего – его никто не знает. Оно меняется день ото дня. – Он положил трубку на стол и сцепил

толстые волосатые пальцы на огромном колене. – Не будем брать в качестве примера эпоху, откуда ты прибыла. Там невообразимая путаница, особенно сейчас. Возьмем пример поближе. Рассмотрим Город Времени.

– Город Времени?! – воскликнула Вивиан.

Джонатан так поразился, что бросил делать вид, будто не имеет отношения к Вивиан, и развернул стул, чтобы тоже участвовать в разговоре:

– Разве Город Времени нестабилен?!

– Вот доказательство первого пункта, – прорычал доктор Уайландер. – Ты этого не знаешь, потому что здесь живешь. Конечно нестабилен, мальчик мой! Если бы мы могли взглянуть на него со стороны, с точки зрения не только вне истории, но и вне времени, то увидели бы, что прошлое и будущее города так же изменчиво, как двадцатый век. Как вы думаете, почему у нас есть хроники каждого года в истории и практически нет хроник самого города? Только потому, что хроники с течением местного времени становились бы неточными! И вы знаете, что станется с городом завтра? Нет. И я не знаю.

– Нет, мы знаем! – возразил Джонатан. – Мы знаем, какая будет погода, какие проведут церемонии...

– Церемонии! – ощерился доктор Уайландер. – Скорее всего, их для того и изобрели, чтобы у горожан было ощущение, будто они знают, что будет завтра. Другой пользы от них я не вижу. А может быть, когда-то в них был смысл. О, уверяю вас, Город Времени и вправду самая скучная, самая стабильная на вид из Нестабильных эпох, но более ничего. Рассчитывать на какой-то кризис можно, пожалуй, лишь когда его существование подойдет к концу, а поскольку он уже вернулся практически к собственному началу, долго ждать не придется, но я полагаю, что он просто мирно угаснет в ходе той или иной церемонии. Причем этот болван Энкиан будет жаловаться, что ему отвели место не по рангу. Пф!

– Вы говорите – вернулся к собственному началу? – спросила Вивиан.

– Да, говорю. Дай таблицу, – велел доктор Уайландер. А когда Вивиан вручила ему таблицу, он показал, что имел в виду, – провел толстым пальцем по подкове слева, где значилось «Каменный век», направо до самого конца, где стояла пометка «Расселение Земли».

– Город существовал на протяжении всей истории, до нынешнего времени, – сказал доктор Уайландер. Толстый палец остановился в просвете между началом и концом истории. – Вот. В настоящий момент он движется в зазор, в котором, несомненно, и зародился. Когда он окажется в

середине зазора, – палец постучал по самому верху таблицы, – то, скорее всего, рухнет. Разумеется, многие размышляют над тем, как это предотвратить. Сложность в том, что мы не знаем, что именно произойдет. Возможно, и ничего. А возможно, начнется кризис, как в двадцатом веке, откуда ты прибыла.

Джонатан бросил на Вивиан испуганный взгляд.

– Ой, – сказала она. Не совсем то, что она хотела выяснить, но все равно полезно. – А если начнется кризис, разве Город Времени не потащит за собой всю остальную историю?

– Мы очень многого не знаем, и этого тоже, – сказал доктор Уайландер. – Мальчик мой, не пугайся, это ни к чему. Ты все равно ничего не можешь сделать. И хватит на этом. Теперь перевод. Первую часть опустим, ты ее запомнила с прошлого занятия, читай остальное.

Вивиан вздохнула, потому что только в первой части ей удалось найти смысл, и начала:

– Первый офицер из Временного Дозора...

– Страж, – сказал доктор Уайландер. – Что ж, все лучше, чем старушки. Надо говорить «Страж».

– Страж, – послушно повторила Вивиан, – из Железного века находится на горе, это длинный человек с нелепой переменчивой погодой – разве так? – и в скучных рубашках...

– Диковинного нрава и в грубой одежде, – подсказал доктор Уайландер.

– Которая ему, прежде всего, очень подходит, – сказала Вивиан.

Ее вдруг осенило, что она читает описание того самого Стража, которого они видели утром. Жаль, что она не смогла докопаться до смысла документа. Правда, если получится совсем бессмыслица, доктор Уайландер, может быть, вырвет бумагу у нее из рук и переведет все сам. Но этому не суждено было случиться.

– Нет-нет, – сказал доктор Уайландер. – Как и подобает стражу из самого раннего века. Продолжай.

Пришлось Вивиан читать дальше – рывками, с запинками, а доктор Уайландер поправлял ее через слово, и смысл приходилось нащупывать на ходу. Джонатан даже не стал притворяться, будто выполняет задание, которое ему дал доктор Уайландер. Она видела, как глаза у него за дымкой становятся все круглее – он глядел на нее поверх закушенной косы и ждал каждого слова.

К радости Вивиан, у Джонатана хватило ума записать перевод на чистом листе не-бумаги, пока она читала и запинаясь. Он прочитал ей все потом, когда они медленно спускались по ступенькам, а Город Времени

кособоко виднелся то там, то сям и вокруг, и даже, кажется, над головой.

– Ну вот, – сказал Джонатан. – «А второй Страж обитает в море, где нет воды, и с ног до головы в серебре, под стать своему веку, когда люди творят и убивают чудесными способами» (интересно – почему). «Третий Страж молод и силен и во всем подобен человеку Золотого века. Он облачен в зеленое, ибо живет в лесах, что укрывают город, некогда великий. А четвертый Страж таится, чтобы никто не узнал, где скрыт Свинцовый ковчег, ибо это самый драгоценный ковчег из четырех». Великое Время, В. С.! Ну и дура же ты! Почему ты мне не сказала, про что это все?

Вивиан не сводила глаз со сверкающего Миллениума, который лежал перед ними наискосок на фоне зеленого горизонта.

– Я там ничего не могла разобрать, – сказала она. – Я не знала, что это про то, как найти ковчег.

– Именно про это, только все равно почти ничего не сказано, – недовольно отозвался Джонатан. – Знать, что Железный ковчег спрятан на горе, бессмысленно, если не знаешь всего остального. И на свете есть с десяток морей, которые в то или иное время пересыхали. А что касается некогда великих городов, я с ходу могу назвать штук сорок, начиная с Трои и кончая Миннеаполисом. Но если я дам это Леону Харди, он, может, что-то и придумает.

– Что?! Что ты ему рассказал? – оторопела Вивиан.

– Да ничего особенного. Я действовал очень хитро, – заверил ее Джонатан. – Но он пообещал мне что угодно за то, что я расскажу, как Страж плясал на церемонии, вот я и попросил его поискать в хрониках легенды о ковчехах. Студенты могут искать что хотят в любом отделе Перпетуума, и никто не спросит, что они там делают, и я решил, может, он случайно наткнется на то, где и когда спрятаны полюса.

Вивиан очень испугалась. Конечно, Леон Харди довольно симпатичный, но он же совсем взрослый – такой взрослый, что все то, что важно людям их с Джонатаном возраста, его не волнует.

– Надеюсь, ты сказал ему, чтобы он никому не говорил.

– Он сам понимает, – небрежно отозвался Джонатан, сбегая с очередного пролета, отчего мимо снизу вверх прокатился Купол Лет. Вид на Миллениум заслонили купола Институтов стародавней и грядущей науки. – И вообще я велел ему заняться в основном Девятой нестабильной эпохой, поскольку он сам примерно из того же времени и много о нем знает, есть с чего начать. Видишь ли, сегодня утром в Протяженности меня осенила прямо блестящая мысль. Я считаю, что первым мы должны

предупредить Стража последнего ковчега, чтобы он был готов задолго до того, как вор туда доберется, а может быть, и убедить его помочь нам найти остальные два. Но для этого надо сначала выяснить, где он. Ты же понимаешь, о чем я?

Вивиан согласилась, что в этом есть толк. Но ей все равно было тревожно. Ей пришлось напомнить себе, что, судя по двум хронопризракам в коридоре, они с Джонатаном и правда сделали что-то подобное и вроде бы вернулись целые, невредимые и довольные. Потом она напомнила себе, что Джонатан сумел очень ловко похитить ее со станции в 1939 году, и его не застукали. Эта мысль так ее успокоила, что Вивиан совсем забыла, что само похищение было ошибкой с начала и до конца.

Они с Джонатаном вернулись в Годиный дворец и обнаружили, что намечается очередная церемония. Вестибюль был усеян золотыми шляпами и туфлями в самоцветах. Где-то над головами топали шаги и кричали голоса. Джонатан поглядел на все это и тихонько испарился. Вивиан даже не заметила, как он исчез, потому что с лестницы вниз хлынула целая толпа с Вековечным Уокером во главе.

– Да не та золотая шляпа! – орал Вековечный Уокер. – Мне нужна Амפורическая митра, идиот! И куда, черт возьми, засунули мою Амפורийскую мантию?!

Он повернул и ринулся через вестибюль к рассветной, а все остальные бросились за ним. За толпой бежал Элио, размахивая чем-то вроде жилета из тонкой золотой ткани. Самой последней по лестнице семенила Дженни. Она, очевидно, тоже принимала участие в церемонии, поскольку на ходу застегивала на себе голубое с сиреневым платье, которое стягивало колени и расширялось книзу, и вид у нее был чрезвычайно обеспокоенный.

– О, Вивиан! – сказала она. – Будь добра, помоги нам, разыщи ему Амפורическую митру. Где-то должна быть! Мне тоже надо одеваться. Это церемония из крупных, и мы очень боимся опоздать.

– А как она выглядит? – спросила Вивиан.

– Такой золотой сливной сифон, – бросила Дженни черед плечо и засеменила вверх по лестнице.

Вивиан прилежно принялась за поиски. Это было гораздо веселее, чем волноваться из-за ковчегов и их Стражей, и к тому же давало восхитительную возможность заглянуть в те уголки дворца, где она еще не бывала. Во время поисков мимо нее то и дело проносилась толпа, во главе которой мчалась Петула с чем-то меховым в руках, а в хвосте – Элио с золотой жилеткой. Иногда толпа неслась по пятам Вековечного. Иногда Вековечный пролетал мимо в одиночку и орал, чтобы ему принесли

Митру, Эземпластический посох и горностаевые котурны. Каждый раз при виде его у Вивиан начинало щекотать в горле от смеха, и ей приходилось юркать за ближайшую дверь, чтобы похихикать. Так она и отыскивала Ампорическую митру. За последней дверью, куда она юркнула, оказалась ванная. По крайней мере, Вивиан заключила, что это ванная, по мокрым следам Вековечного на пробковом полу, но в своем двадцатом веке она и представить себе не могла ничего похожего на огромную стеклянную ванну высотой в полстены, полную зеленой воды, бурлившей, словно в ведьминском котле. Краем глаза Вивиан заметила по ту сторону стеклянной ванны что-то вроде золотого сливного сифона и поначалу решила, что это и есть золотой сливной сифон. К счастью, ванна так ее заворожила, что Вивиан обошла ее по кругу. И там на влажном полу и лежала митра.

Вивиан подняла ее, нагнала толпу и побежала вместе со всеми, размахивая митрой и крича Вековечному Уокеру, что она ее нашла. Но тот все скакал впереди и не обращал на нее никакого внимания. Когда все добежали сначала до мансарды, а потом обратно и вроде бы снова направились наверх, Вивиан так разобрало от смеха, что она совсем не могла дышать. Поэтому она поступила очевидным образом и осталась подождать в вестибюле, пока толпа не низринулась обратно.

Первым показался Вековечный Уокер – он помчался вниз по лестнице к Вивиан, шлепая по ступенькам одним горностаевым котурном, а второй держал в руке.

– Где моя Ампорическая митра?! – орал Вековечный.

Вивиан глубоко вздохнула, чтобы перестать смеяться.

– Держите! – выкрикнула она, а потом задержала оставшийся воздух, чтобы смех не вырвался наружу.

Не помогло. Когда Вивиан сунула митру в свободную руку Вековечного, хохот все-таки вырвался. И Вивиан прямо-таки прыснула Вековечному в лицо. Потом пришлось согнуться пополам, по щекам у нее текли слезы.

– Ой-ой-ой! – воскликнула она. – Вы просто умора!

Вековечный Уокер застыл и направил на Вивиан самый свой страдальческий взгляд. Пока он стоял и смотрел, по лестнице сбежала Петула и вручила ему Эземпластический посох. Элио пробился сквозь толпу, которая беспорядочно мчалась вниз следом за ней, и набросил золотую жилетку Вековечному на плечи.

– Ампорийский плащ, сэр. – Он единственный не запыхался.

Вековечный Уокер обратил страдальческий взгляд на Элио. Потом

обвел толпу глубоко обиженным взглядом и заковылял в кабинет, шлепая котурном. Все сделали суровые лица и двинулись за ним с разнообразными регалиями в руках. У Вивиан возникло в точности такое же чувство, как утром, когда она ляпнула глупость Стражу.

– Напрасно вы смеялись, мисс, – серьезно сообщил ей Элио, прежде чем последовать за всеми. – То есть прямо ему в лицо. Вековечный, как и все биологические люди, нуждается в сильных эмоциях, а его работа очень скучна. Поэтому я стараюсь перед каждой церемонией спрятать хотя бы один предмет одежды.

Вивиан хотелось уже не смеяться, а плакать.

– Он меня не простит?

– Не знаю, – ответил Элио. – До сих пор никто не осмеливался смеяться над ним.

Вивиан пошла в рассветную и сидела там, сгорая со стыда, пока во дворце все не стихло. Потом она вышла в вестибюль. Как она и думала, по лестнице бесечно спускался Джонатан с таким видом, будто лишь по чистой случайности объявился именно в тот момент, когда скандал затих.

– Пошли посмотрим церемонию, – сказала ему Вивиан. Она чувствовала, что в долгу перед Вековечным Уокером.

– Ты правда хочешь? – Джонатан очень удивился. – Это же скука смертная.

Однако покорно пошел с ней на площадь Эпох, где они нашли себе местечко среди туристов у стеклянной аркады. Подоспели они вовремя: щеголеватый строй Временного Дозора как раз выходил из штаб-квартиры Дозора и выстраивался у камня Фабера Джона. Из других домов и из-под арок выходили отряды в красных, белых и синих плащах и тоже выстраивались на площади. Потом появились процессии. Вивиан увидела Дженни, которая теперь куталась в просторную розовато-лиловую мантию, в окружении целой толпы, передвигавшейся мелкими шажками, потому что под мантиями у них были узкие платья. Потом Вивиан увидела мистера Энкиана, который важно вышагивал во главе колонны библиотекарей в синих плащах. Была здесь и компания студентов в пыльно-серых мантиях. Похоже, в церемонии участвовали все. Пришел даже доктор Уайландер в огромном поношенном фиолетовом балахоне. Вивиан поняла, почему он почти безвылазно сидит в своем Нечастом тупике. Уайландер сильно хромал.

Она увидела, как мимо медленно идет отец Джонатана, царственный, золотой, и на голове у него висится золотая шляпа, очень похожая на сифон.

– А по какому поводу церемония? – спросила Вивиан.

– Понятия не имею, – ответил Джонатан.

– Ну так прочитайте, – сказал суровый мужчина рядом с ними. Турист – в тоге в солидную синюю с желтым клетку. Он сложил информационный буклет и поднес его к лицу Джонатана. – Это первая из Четырех церемоний основания города. Очень древняя, восходит к самому зарождению города и, как считается, знаменует первые мгновения, когда Город Времени обособился от истории. Вам следует гордиться, что вы ее наблюдаете, юноша. Мы прибыли сюда только для того, чтобы посмотреть ее. – Он убрал буклет и озабоченно добавил: – Пишут, что предсказанный по прогнозу дождь задержат до окончания церемонии. Надеюсь, не обманывают.

«Значит, город и правда возвращается к моменту основания», – подумала Вивиан. И неожиданно занервничала. С Вековой площади зигзагом двинулась еще одна процессия. Она на вид состояла из обычных горожан в скромных светлых пижамах, но у каждого на шее висела какая-то цепь. Солнце искрилось на цепях и сверкало на пряжках и начищенных ботинках дозорных. Отец Джонатана сиял золотом среди разноцветных плащей. На дождь, о котором говорил турист, пока не было ни намека, но он наверняка пойдет – над церемонией словно нависла невидимая туча, как и над всем Городом Времени – тень конца света. Что же будет со всеми этими людьми, подумала Вивиан, если город возьмет и рухнет?

Джонатан, видимо, думал о том же.

– Не хочу, чтобы все это пропало! – сказал он.

– Не пропадет. Мы что-нибудь придумаем, – сказала Вивиан. – Не зря же Страж попросил нас помочь.

Но пока что церемония шла себе своим чередом. Их отыскал Сэм и минут пять постоял рядом и посмотрел, а потом громко зевнул и побрел прочь. Вивиан считала, что уйти вслед за ним было бы невежливо, особенно после того, что сказал турист. Поэтому она развлекалась тем, что нажимала кнопки на ремне. Функция времени – они смотрели церемонию уже больше часа, – функция письма, прогноз погоды – дождь через две минуты, – функция снижения веса – на что суровый турист смерил ее крайне неодобрительным взглядом, – и, наконец, функция кредита. На ладони загорелись цифры. 00.00. Вивиан уставилась на них. Нажала на кнопку еще раз, потом еще, чтобы снова увидеть цифры. По-прежнему 00.00.

– Джонатан! Что случилось? Вчера было целых сто, и я ничего не тратила!

– Спроси Элио. Сбой, наверное, – сказал Джонатан. – О, смотри, смотри!

Вивиан поглядела туда, куда кивал Джонатан. Все высокопоставленные лица выстроились в новую процессию, во главе которой величаво выступал мистер Энкиан. Доктор Леонов, главный ученый, шел сразу за мистером Энкианом бок о бок с огромной фиолетовой тушей доктора Уайландера. А еще к процессии примкнул несчастный спятивший Железный Страж. Его мятая шляпа колыхалась, лицо было очень серьезно, и он в точности подражал державной поступи мистера Энкиана. Наверное, считал, что так и нужно ходить. Доктор Леонов покосился на него с сомнением, а потом, похоже, решил, что это хронопризрак или очередной студенческий розыгрыш. Доктор Уайландер, похоже, тоже так решил, потому что не обратил на Стража вообще никакого внимания, а просто мрачно хромал, не сводя глаз с плывущей впереди спины мистера Энкиана. Стража видели очень многие. По ближней стороне площади прокатилась волна веселого ропота. Но мистер Энкиан был так поглощен собственной важностью, что не заметил.

Потом белой пеленой хлынул дождь. Вивиан обрадовалась, что появился предлог убежать. Суровый турист и его жена подняли над головой небольшой сине-желтый тент и остались досматривать, а Вивиан и Джонатан помчались на площадь Времени под раскрывающимися вокруг зонтиками всевозможных форм и размеров. Элио тоже смотрел церемонию. Они встретили его под аркой, когда проталкивались сквозь толпу промокших зрителей, которые там прятались. К этому времени дождь уже лупил по брусчатке площади Времени и бурлил во всех желобах на домах. Вивиан и Джонатан вместе с Элио побежали в Годи́чный дворец.

Там, пока они стояли и капали водой на узорчатый мраморный пол, Вивиан воспользовалась случаем и сказала Элио про кредит на поясе.

Элио попросил взглянуть. Вивиан сняла тяжелый мокрый кожаный пояс и отдала ему. Элио пропустил пояс сквозь пальцы, с прямых блеклых волос капало на кнопки. Вид у Элио был такой, словно он очень недоволен собой.

– Я взвесил все за и против и решил, что на наших поясах не будет функции защиты от дождя. По моим подсчетам, мы находимся на открытом воздухе лишь при двух процентах осадков за год. Но я упустил из виду, что эти два процента такие же мокрые, как любой дождь. Нет, этот пояс совершенно исправен. Должно быть, сбой в городском компьютере. – Он вернул пояс Вивиан. – Я проверю компьютер завтра, – сказал он. – А сегодня у меня много дел. Вековечный наверняка промок и вернется в

дурном расположении духа.

Однако Вивиан сама разобралась, что случилось с поясом, на следующее утро, задолго до Элио. Утро было сырое и голубое, как всегда после дождя. Они с Джонатаном отправились в школу и обнаружили, что Сэм на этот раз не поджидает их у фонтана. Вивиан померещилось, что она видела, как он прячется в арке.

Но Джонатан тут же сказал:

– Нет, это, наверное, Леон. Я попросил его перехватить меня здесь, если он что-то найдет. Я с ним поговорю, а ты пока сходи спроси про Сэма, он живет вон в том доме.

И он бросился под арку – коса так и прыгала на спине, так он разволновался.

«Хм, – думала Вивиан по пути к розовому кирпичному домику, на который показал Джонатан. – Похоже, Джонатан не хочет, чтобы я слышала их разговор с Леоном Харди. Интересно – почему?»

Она остановилась и посмотрела на входную дверь в дом Донегалов. Ни звонка, ни дверного молотка. Но должно же быть какое-то похожее устройство! Пока Вивиан стояла на пороге, не зная, что делать, дверь открылась сама, и оттуда вышел папа Сэма, заправляя под ремень верх своей форменной пижамы – как видно, собирался на работу.

– Утречко доброе, – сказал он. – Так и думал, что ты зайдешь. Сэма можешь не ждать. Он сегодня в Протяженность не идет. Устроил очередную самоубийственную оргию с масляным парфе и, к сожалению, теперь ему очень скверно.

Едва папа Сэма это сказал, как Вивиан поняла, что стряслось с ее поясом.

– А, – сказала она. – Спасибо.

И хотела вернуться под арку. Но мистер Донегал закрыл входную дверь и зашагал рядом с Вивиан с самым что ни на есть дружелюбным видом. Вивиан очень смутилась. Во-первых, она страшно разозлилась на Сэма. Во-вторых, хотела узнать, что говорит Джонатану Леон Харди. В довершение всего оказалось, что она побаивается папы Сэма. От него веяло бешеной деятельной энергией – за остальными жителями Города Времени она такого не замечала. Вивиан думала, что именно такое ощущение вызывают люди, обладающие огромной властью, люди, которые отдают приказы, и этим приказам все подчиняются, и это само по себе пугало.

Но Вивиан напомнила себе, что мистер Донегал вроде как ее дядя, и выдавила из себя улыбку, подобающую племяннице:

– А я думала, у Сэма нет кредита.

– И правда нет. Он вчера вечером во время церемонии пробрался в штаб Дозора и взломал мой компьютер, – сказал мистер Донегал. – И перевел на себя чужой кредит, вот хитрый дьяволенок! – Он старался говорить сурово, но Вивиан почувствовала, что в глубине души он гордится Сэмом. – А чей – не говорит. Не могу из него выудить.

«Зато я знаю! – подумала Вивиан. – Он обиделся, что мы с Джонатаном куда-то собираемся без него, а мы еще даже нигде и не были!»

Она разозлилась на Сэма пуще прежнего. Но мистеру Донегалу ничего не сказала: она хотела сама отомстить Сэму.

– Сколько он съел? – спросила она.

– Не поверишь – на целую сотню, – ответил мистер Донегал.

Вивиан охотно поверила. Вот и окончательное доказательство. Ей бы очень хотелось рассказать об этом Джонатану, который стоял под аркой и беседовал с Леоном Харди. Но – вот досада! – они разом обернулись, увидели Вивиан и мистера Донегала, которые шли через площадь Времени, и двинулись на площадь Эпох, продолжая оживленно разговаривать.

– Я хотел поговорить с тобой о двадцатом веке, – сказал мистер Донегал.

– А что? – испугалась Вивиан.

– Там критический дисбаланс, да еще какой, – сказал мистер Донегал. – Уже распространился на Первую мировую. Дошел до самой Англо-бурской – знаешь такую? Вторая мировая начинается уже в тридцать седьмом. Там совсем нехорошо. Не хочу тебе врать, но также не хочу, чтобы ты волновалась.

«Но я еще как волнуюсь!» – думала Вивиан, когда они ступили под тень арки. Она забыла и про Сэма, и про Джонатана с Леоном Харди. И могла думать только об одном: как там мама с папой?

Они вышли на залитую солнцем площадь Эпох – Джонатан и Леон еле виднелись вдали за камнем Фабера Джона.

– Твои родители в относительной безопасности, – заверил ее мистер Донегал. Как будто прочитал мысли Вивиан, только говорил он не о ее отце и матери. – Наблюдатели находятся под надежной защитой, и Временной Дозор постоянно их проверяет. Не стану отрицать, что несколько рассердился на твоего отца за то, что он так затянул с отчетом об ухудшении, но это не значит, что мне безразлична его судьба и судьба Инги. Я направил в Хронолог запрос на «час Нуль», чтобы отозвать всех Наблюдателей из этой эпохи. Мне кажется, тебе стоит это знать. Хронолог одобрит мое решение, просто не сразу – там заняты всеми этими

Церемониями Основания. Как все это некстати! Но не волнуйся. Твои родители вернутся в Город Времени целыми и невредимыми дня через три-четыре, а может быть, и раньше.

– С-спасибо, – выдавила Вивиан.

Они двинулись дальше к камню Фабера Джона. Мистер Донегал все говорил и говорил. Вивиан смутно слышала, как он рассказывает, что Временной Дозор до сих пор не выявил причину всех бед, а потом, кажется, добавляет, что из-за этого настал полный хаос во Второй и Третьей нестабильной эпохе, но Вивиан пропустила все мимо ушей. Когда он наконец бодро похлопал ее по плечу и вперевалочку, точь-в-точь как Сэм, двинулся в штаб-квартиру Дозора, у Вивиан прямо-таки подкосились ноги.

Джонатан уже был на пороге Протяженности. Вивиан увидела, как Леон помахал ему и зашагал по дальнему краю площади мимо цепочки детей, спешивших в Протяженность. Вивиан сделала над собой титаническое усилие и перебежала через площадь на ватных ногах. Она так перепугалась, что в голове была каша. Через три-четыре дня Ли вернутся, а с ними и настоящая кузина Вивиан. Почему-то раньше она не задумывалась, что такое вполне может случиться. Ну и дура! Дженни уже несколько дней назад упомянула, что Наблюдателей должны отозвать!

«Как там мама говорит? – пропыхтела про себя Вивиан. – Про тех, кто в розовых очках. Точно. Я и есть дура набитая в розовых очках. Вот тупица!»

Хорошо, что хоть в школе появился повод отвлечься, – правда, без Сэма утренние уроки прошли не так оживленно: некому было поднимать шум каждые пять минут. Но по крайней мере можно было подумать об универсальных символах, а не о семействе Ли. Вивиан поймала себя на том, что с удовольствием предвкушает послеобеденное занятие с доктором Уайландером: там уж точно больше ни о чем нельзя будет думать.

А потом, ближе к полудню, на поясе у Вивиан зажглось сообщение. Она даже похвалила себя, что заметила, поскольку думала совсем о другом. Нажала кнопку, и на пустом месте на столе перед ней загорелись слова: «Хэкон Уайландер – В. Ли. Извини, совсем забыл про эту треклятую церемонию, которая назначена днем. Жду тебя завтра».

«Ну вот! – подумала Вивиан. – Теперь целый день будет нечего делать, только волноваться!»

Но стоило ей войти в столовую, как ее схватил за локоть Джонатан.

– Хватай еду и пошли домой, во дворец, – шепнул он. – Леон ждет нас в сто первом веке.

Вивиан посмотрела на него и обнаружила, что на нем тот самый костюм в ромбах. Посмотрела на себя. На ней был коричневато-оранжевый комбинезон в мелкую белую полоску – такую в темноте того коридора и не заметишь. Но теперь она вспомнила, что именно этот наряд был на ее призраке. А что Сэм заболел, так это он сам виноват.

«Значит, сегодня! – в восторге подумала она. – Да, надо отправиться туда и вернуться. А потом, если повезет, окажусь дома еще до того, как здесь появится настоящая Вивиан Ли!»

Глава одиннадцатая

Золотой век

Джонатан сразу умчался, но Вивиан решила на дорожку побаловать себя четырьмя масляными парфе. Она жалела только об одном: некогда будет отомстить Сэму. А в остальном, когда она шла по площади Эпох, доедая четвертое парфе, ее переполняли только самые приятные мысли.

Вечером она будет дома. Она прямо видела, как расскажет маме, какая кузина Марти ужасная, и видела, как мама поймет ее и простит и разрешит остаться в Луишеме, несмотря на бомбежки. Видела, как вернется на выходные папа и какой это будет для него приятный сюрприз. От этих чудесных мечтаний Вивиан даже пустилась через площадь вприпрыжку. А когда прошла на площадь Времени, где никого не было и никто ее не видел, сплясала вокруг фонтана, размахивая палочкой от масляного парфе.

– Где тебя носило? – спросил Джонатан.

Он дожидался ее у двери с цепью, карманы комбинезона в ромбах оттопыривались. Вивиан поняла, что его всего трясет от нетерпения.

– Извини, – не очень искренне ответила она. Что ей особенно нравилось в путешествиях во времени – так это то, что можно потратить по пути хоть несколько часов и все равно прибыть на место точно в назначенное время. Об этом она догадалась практически сразу. – Зачем нам встречаться с Леоном Харди в сто первом веке?

Джонатан поволок ее по коридору:

– Он знает все о мрачных девяностых. Говорит, нам там понадобится защитное снаряжение, и собирается раздобыть его для нас в ближайшем Фиксированном столетии. Но ему, само собой, пришлось пройти через официальный временной шлюз на реке, поэтому сам он в Нестабильную эпоху попасть не может. Вот он и постарался оказаться как можно ближе. Жутко любезно с его стороны.

Джонатан остановился и отработанным движением пнул потайную дверь. Она плавно отворилась. Они протиснулись внутрь и нажали кнопки света на своих поясах. Винтовая лестница уже не казалась ни бесконечной, ни страшной.

– А зачем нам в мрачные девяностые? – спросила Вивиан, пока они слезали вниз.

– Это одна из длинных Нестабильных эпох, – крикнул ей снизу Джонатан. – Значит, это либо Золотой век, либо Свинцовый. Я считаю, нам надо найти Стража и сказать ему, чтобы отнес свой полюс обратно в Город Времени, пока до него не добрался вор, как говорил Железный Страж.

Вивиан решила, что это отличная мысль. Более того, думала она, сползая с последней ступеньки в комнатуху, где мерцала сланцевая плита и валялась их одежда двадцатого века – там же, где они ее бросили, – более того, думала Вивиан, она сама давным-давно говорила Джонатану, что надо так и сделать.

Джонатан вынул яйцевидный пульт из выемки в камне и бережно опустил в карман. В карманах забрякало.

– Что ты еще взял? – спросила Вивиан.

– Металлоискатель, карту, компас, фонарик, сухие пайки, – сказал Джонатан. – Я решил все сделать как положено. А теперь помолчи, я сосредоточусь на Леоне.

Он напрягся. Ничего не произошло.

– Леон Харди, – сказал Джонатан вслух. Все равно ничего не произошло. – Да что же это такое! – Джонатан сорвался на визг. – Сел он, этот пульт, что ли?

– Не может быть, – сказала Вивиан. – Мы же вернулись... то есть наши хронопризраки.

Джонатан достал яйцо из кармана и поднес к лицу.

– Леон Харди! – проговорил он громко и медленно. – Десять тысяч первый год!

Получилось. Плита растаяла, оттуда хлынул свет, такой тусклый, что они не сразу сообразили, что яйцо сработало. Подул холодный ветер, сильно запахло мокрой травой и опилками.

Джонатан отключил свет пояса и осторожно шагнул вперед.

Вивиан выключила свой пояс и шагнула за ним – и услышала где-то совсем близко песню дрозда, громкую, чистую. «Надо же! Тут еще есть дрозды! – подумала она и огляделась в поисках Леона Харди. – Если это, конечно, и вправду на дальнем конце истории. На вид так просто обычное пасмурное утро, такое может быть где угодно».

Леон Харди был здесь – он сидел на поваленном дереве прямо у них за спиной.

Когда глаза у Вивиан привыкли к полутьме, она увидела, как он поднялся, ежась и потирая плечи. В коротеньком килте ему, должно быть, было не очень-то тепло.

– Добрались наконец! – Голос его звучал приглушенно и опасно. – Я уже боялся, что вы не успеете до прихода работников. Я все раздобыл. Просидел тут полночи. Дайте помогу надеть.

У его ног лежала груда чего-то вроде коры. Леон взял кусок, и оказалось, что это верхняя часть каких-то доспехов. Было темно, и Вивиан разглядела только, что доспехи тускловатые с гармошками на локтях и плечах, где должны гнуться.

– А что, без них совсем никак? – спросил Джонатан.

– Скажешь тоже! – ответил Леон. – Там банды диких людей и диких собак и Время знает что творится, и так все девяностые. Нам даже в нашу эпоху приходится бороться с последствиями.

Он помог Джонатану и Вивиан застегнуться в доспехи – торопливо, будто время было на исходе. Защитные костюмы были из какого-то плотного гибкого материала, какого Вивиан раньше не видела, и оказались неожиданно тяжелыми. Ноги они закрывали только спереди. Это обрадовало Вивиан – иначе она, наверное, не смогла бы ходить. Быстро светало, и ей стало интересно, какого же цвета эти доспехи. В полумраке казалось, что красные.

Чем светлее становилось, тем больше нервничал Джонатан. Вивиан понимала, что это его одолевает страх перед открытыми пространствами

истории. Но Леон был родом из истории, а он тоже все больше нервничал.

Вивиан почувствовала его тревогу, когда он попытался пошутить:

– Джонатан говорит, что в Годичном дворце бродит парочка ваших хронопризраков, так что, похоже, вы и без доспехов вернулись бы. Он говорит, ты знаешь Лондон.

– Да, знаю, – подтвердила Вивиан.

Тревога передалась и ей, и она вглядывалась в окружающий сумрак. Похоже, они были на огромной лесопилке. Повсюду лежали поваленные деревья. Закуток, где прятались Вивиан, Джонатан и Леон, был отгорожен от основной части лесопилки штабелем пиленных досок.

– Так вот, ковчег в Лондоне, – сказал Леон, и Вивиан переключилась обратно на него. – Это совершенно точно, а еще я уверен, что вы найдете Золотой ковчег. Но в хрониках, которые я читал, упомянуты три места, и где именно он будет, я понятия не имею. Тебе что-нибудь говорит название Бук-хаус?

– Букингемский дворец? – догадалась Вивиан.

– Второе называется Спавли, – торопливо добавил Леон. – Это что-нибудь значит?

– Собор Святого Павла?.. – неуверенно предположила Вивиан.

– И еще Канунсон – это третье место, – сказал Леон.

Уже совсем рассвело. Леон склонился над Вивиан и посмотрел ей прямо в лицо. На нее еще сильнее пахнуло тревогой. Как-то ему слишком интересно знать, где это.

– Канунсон... Канунсон... – повторила она, отвернувшись от Леона и постаралась сосредоточиться.

В траве виднелись глубокие борозды там, где волокли деревья. Темное пятно у штабеля из досок постепенно превращалось в терпеливую лошадь, которая, видимо, их и приволокла.

– Канунсон... – проговорила Вивиан. – А, поняла, это же Колонна Нельсона! Колонна Нельсона на Трафальгарской площади.

Леон ослепил ее улыбкой, которая тут же погасла, и повернулся, чтобы помочь Джонатану застегнуть пряжки на ногах.

– Итак, вы знаете, что это за три места, – сказал он ему. – А у тебя появились мысли, где может быть Свинцовый ковчег? Мои исследования не дали ровным счетом ничего.

«А Джонатан очень много ему рассказал!» – подумала Вивиан и занервничала сильнее прежнего. Ей стало видно, что у Джонатана доспехи и правда красные. А когда она опустила глаза посмотреть на свои, то услышала, как где-то за досками кто-то напевает песенку.

Леон вскочил и воровато огляделся. Потом бросился к лошади, которая так терпеливо стояла у досок, отвязал ее от доски и подвел к ним – огромные круглые копыта мерно цокали.

– Забирайтесь, – велел Леон. – Быстро.

Вивиан и Джонатан испуганно задрали головы. Лошадь была золотисто-гнедая и к тому же великанская – больше самого крупного тяжеловоза, какого только доводилось видеть Вивиан. Наверное, новая порода.

– Надевайте шлемы и забирайтесь! – нервно поторопил их Леон. – Работники идут!

Джонатан взял у него тяжелый шипастый шлем. В розовом свете восходящего солнца шлем был прямо-таки кровавого цвета.

– Этот зверь не пролезет в наш временной шлюз, – сказал Джонатан. – Там крошечная каморка.

– Ты говорил, у вас старинный пульт, – сказал Леон. – Он перенесет вас отсюда прямо в девяностые. Вы что, хотите, чтобы пришел бригадир и увидел, что мы крадем лошадь? Кража лошади в эту эпоху – тяжкое преступление.

Из-за штабеля доносилось уже несколько голосов. Кто-то перекликался, приветствуя друг друга, но один вдруг разразился бранью.

– Где наш гнедой тяжеловоз? – разобрала Вивиан в гуще бранных слов. – Кто-нибудь видел моего тяжеловоза, так его разэтак?

Вивиан и Джонатан натянули шлемы. Леон подвел лошадь к поваленному стволу, и Вивиан и Джонатан – во многом благодаря тому, что человек за штабелем ругался все пуще и пуще, – не без труда забрались сначала на ствол, а потом на широкую скользкую спину лошади. Седла на ней не было, а лошадь была такая огромная, что Вивиан нечего было и думать держаться за бока ногами. Пришлось ей вцепиться в броню Джонатана, похожую на ракушку, а Джонатан одной рукой схватился за гриву, а другой нашарил яйцо-пульт. К счастью, лошадь оказалась смирной, как стол – очень высокий стол, думала Вивиан, глядя в лицо Леона где-то внизу. По нему было видно, что Леон и правда вздохнул с облегчением.

– Бук-хаус, Лондон, девять тысяч пятисотый год, – скомандовал Джонатан.

И они там очутились. То есть Вивиан решила, что, наверное, там. Яркое солнце пронзало косыми лучами густой летний лес.

Вместо Леона вокруг стояли деревья, окутанные розовым светом, – исполинские древние деревья, все замшелые, и на стволах у них, будто

уши, топорщились ряды трутовиков. Густо, как в глубокой чащобе, пахло грибами, и звуки – шелест и скрип, далекий писк и хлопанье крыльев – тоже были самые что ни на есть лесные, и чувствовалось, что все это раскинулось на много-много миль вокруг. Джонатан ощутил все эти мили и испуганно поежился. Вивиан на миг задумалась, что сейчас говорит Леон человеку, ищущему лошадь, но тут Джонатан заерзал, и она отвлеклась на облако мошкары, которое обволокло их с лошадью. И да, доспехи у них были красные. На фоне обступившей их зелени броня светилась, будто кровь.

– Это что же, выходит, Лондон весь зарос лесом? – проговорила Вивиан.

– Так и есть. Его-то и вырубали в следующую эпоху, где мы только что были. – Голос Джонатана из-под шлема звучал слегка придушенно.

Лошадь, обнаружив, что внезапно очутилась в чаще, испуганно прядала ушами. А услышав человеческие голоса, она, видимо, решила, что ей нужно куда-то идти. И двинулась вперед по ухабистой почве. Спина ее качалась под ними, будто теплая шерстяная лодка в море. Вивиан почувствовала, что сползает на сторону, и схватилась за алые плечи Джонатана. Отчего они оба начали медленно съезжать по обширному правому боку лошади.

– На помощь! – завопила Вивиан.

– Отпусти меня! Нажми антиграв на поясе! – в ужасе закричал Джонатан.

Вивиан сунула руку под тугие доспехи и чудом нашла кнопку. И сразу же стала весить примерно столько же, сколько без доспехов. Обхватила лошадь левой рукой и кое-как выпрямилась, и Джонатан тоже. Однако оттого, что пояса слегка приподняли их над лошадиной спиной, они начали съезжать к хвосту. Пришлось Джонатану вцепиться в гриву, а Вивиан – в его плечи. Теперь им удалось как-то закрепиться. А лошадь шагала себе не спеша вперед через деревья, будто и не замечала всей этой возни у себя на спине.

– Надо остановиться, посмотреть карту и взять металлоискатель, – сказал Джонатан. – Как останавливают лошадей?

– Тянут за поводья, – ответила Вивиан.

– Нет тут никаких поводьев. Только какие-то ремешки у нее на морде.

– Стой! – крикнула Вивиан. – Тпру!

На лошадь это не произвело ни малейшего впечатления. Тогда Вивиан покопалась в памяти и закричала: «Arrêtez-vous!» на случай, если лошадь говорит по-французски. Судя по результату, лошадь была глухая. Мимо

все так же проплывали деревья, под великанскими копытами все так же хрустели сухие листья и лишайник. Джонатан попытался применить прием, которого слушался его автомат. Он ударил лошадь по широченному правому плечу и замолотил по ее бокам пятками. От этого лошадь только зашагала капельку быстрее.

– Гляди! – в отчаянии закричал Джонатан.

До этого Вивиан все-таки не могла поверить, что этот лес и есть Лондон или что они едут по руинам Букингемского дворца. Но Джонатан показал ей на завалившееся набок дерево, вывернувшее корнями огромный круг земли. В яме под этим кругом Вивиан увидела древнюю зеленоватую каменную кладку.

– А вдруг прямо здесь? Стой, ты, тупое увязшее во времени животное! – заорал Джонатан.

Но лошадь упорно топала вперед, а деревья упорно проплывали мимо, пока они не очутились на прогалине, где копыта принялись крушить ежевику и ломать шиповник. Вскоре после этого Вивиан заметила, что они поднимаются на невысокий округлый холм. Если это и есть Букингемский дворец, подумала она, то холм, наверное, та нарядная круглая площадь прямо перед входом.

На полпути к вершине лошадь ступила чуть в сторону. Джонатан и Вивиан заметили в траве, прямо под копытами, какого-то зверя – тот подпрыгнул и метнулся прочь, рыкнув через плечо. Зверь был светло-рыжий. От этого Вивиан так же вздрогнула, как в тот раз, когда потрогала Железного Стража.

– Дикая собака, наверное. – Судя по голосу, Джонатан испугался ничуть не меньше.

Лошадь преспокойно топала и топала вперед, перевалила через вершину и стала спускаться с другой стороны. Вивиан увидела, что впереди тянется Мэлл. Почему-то она точно знала, что это именно Мэлл, хотя теперь от улицы осталась просто длинная полоса мокрой зеленой травы, которую тесно обступили по краям могучие старые деревья. Очень уж она была прямая – ну точно Мэлл, а не что-нибудь. Лошадь спустилась туда более или менее быстро, а когда очутилась на траве, остановилась и принялась за еду. Джонатан едва не скатился у нее по шее.

– А теперь что? – спросил он.

– Можем слезть, – предложила Вивиан.

– Но тогда она уйдет, и мы больше никогда на нее не заберемся!

И правда, особого выбора у них не было: оставалось только сидеть и ждать, когда лошадь наестся. Они сидели, а облако мошкары,

сопровождавшее их с самого прибытия, пролезло под доспехи и там кусалось. Вивиан начала подумывать о том, что лучше бы слезть с лошади. И только собиралась об этом сказать, как Джонатан впереди весь напрягся.

– Смотри, – сказал он. – Слева.

Вивиан посмотрела и тоже вся напряглась. Среди деревьев виднелись люди. Они почти не двигались, а одеты были в тускло-зеленые лохмотья, так что Вивиан различала их только мельком, когда кто-то шевелился. Один из них, когда пошевелился, перехватил тощей рукой самодельное копьё скверного вида. Другой поправил блестящий клинок в зубах и смерил Вивиан взглядом – лицо у него было дикарское, заросшее.

– Им, наверное, лошадь нужна. – Голос у Джонатана слегка дрожал. – Чтобы съесть.

Так они и сидели на высоченной лошади, зная, что бросаются в глаза в своих сияющих красных доспехах, и понимали, что ничего не могут поделать. Оставалось только надеяться, что лошадь решит закончить трапезу до того, как эти люди наберутся храбрости на них напасть. Но лошадь все так же мирно щипала и жевала траву.

– Лошадь, ну пожалуйста, пойдем! – шепнула Вивиан.

Лошадь неожиданно послушалась. Подняла голову. Уши у нее дрогнули, потом нацелились вперед, будто переключатели передач у машины. Потом лошадь заржала – кругом все содрогнулось – и двинулась по зеленой Мэлл рысью, от которой все косточки перетряхивало. Джонатан и Вивиан подсакивали, съезжали, цеплялись за что попало. Вивиан больно прикусила язык. Мимо летели деревья. Одно во всем этом было хорошо – расстояние до людей в чаще стремительно увеличивалось.

Лошадь пустилась во что-то вроде легкого галопа.

– Что это она делает? – выдохнул Джонатан.

Ответ стал очевиден, когда среди деревьев впереди показались серые руины арки Адмиралтейства. Из-за арки на Мэлл выскочила другая лошадь и помчалась галопом им навстречу – она пряталась за развалинами левой части. Всадник на этой лошади был в таких же доспехах, как и у них, только в черных, заляпанных зеленым для маскировки. Под правым локтем у него было длинное, тяжелое на вид копьё, и копьё это было нацелено прямо на них.

– Стоп, стоп! – закричали они разом. – Мир!

Всадник обратил на их крики не больше внимания, чем лошадь. Он мчался прямо на них, из-под топочущих копыт его лошади летели комья земли, а их лошадь между тем доверчиво скакала навстречу. Джонатан развернулся и со всей силы пихнул Вивиан. Они съехали с лошадиных

боков, плюхнулись наземь и покатались. Благодаря антигравитации это было совсем не больно. Потом все было будто в замедленной съемке. Вивиан увидела, как их лошадь неуклюже притормозила и остановилась с удивленным видом, а всадник прогрохотал себе мимо. «Ну почему Джонатан вечно все портит!» – успела подумать Вивиан, пока падала и с трудом поднималась на ноги. За спиной у нее Джонатан стаскивал шлем, который налез на глаза. Доспехи на правой ноге Вивиан сползли на коленку и сковали ногу, будто лубок. Она опять упала – и увидела, как всадник придерживает лошадь и та поднимается на дыбы, оставив за собой длинную борозду бурой земли. Пока Вивиан дергала доспехи, чтобы поправить, всадник развернулся и галопом помчался на них. Копье у него было нацелено вниз, прямо в Джонатана. Потом всадник оказался между ней и Джонатаном. Она услышала хрусткий удар. Мимо проколошматили копыта, копье над ними описало зловещий полукруг и нацелилось в нее. Вивиан отпрянула. Она мельком увидела лицо всадника – бесстрастное, неприятное, бледное лицо с серыми глазами-щелочками, в которых не было ни капли жалости. Нет, это точно не Страж, подумала Вивиан. Потом копье ударило ее по шлему, и после этого она некоторое время ни в чем не была уверена.

Прошло, наверное, немногим больше минуты. Когда Вивиан села, всадника уже не было и их лошади тоже. Джонатан полусидел в кустах на обочине Мэлл, раскинув руки, будто подбитая птица – крылья, и смотрел на нее глазами, круглыми и непривычно мутными под мерцанием зрительной функции. На груди на доспехах была глубокая вмятина. Доспехи сами по себе были кровавого цвета, поэтому Вивиан не понимала, есть ли там кровь. Но точно знала, что струйка крови потекла у Джонатана из уголка рта, когда он заговорил.

– Кажется, он меня убил, – произнес Джонатан спокойно, как ни в чем не бывало. – Проломил мне грудь.

Кровь, стекавшая из уголка рта, была гораздо темнее доспехов.

Вивиан сорвала доспехи с ноги и поползла к Джонатану, не веря своим глазам.

«Не может такого быть! – думала она. – Два хронопризрака означают, что мы вернулись!» А потом она подумала: «Это же Нестабильная эпоха. Может случиться все что угодно». И тут до нее дошло, что и сама она считала все это увлекательными приключениями – в точности как Сэм с Джонатаном, когда похитили ее. А теперь все оказалось донельзя серьезно.

С деревьев спланировали два крупных черных ворона, уселись на куст

над головой Джонатана и выжидательно на него уставились. «Сначала выключают глаза!» – подумала Вивиан. Прикасаюсь к Джонатану ей было страшно. Она не знала, что делать. И, не дав себе времени придумать что-нибудь получше, запрокинула голову и завизжала:

– Помогите, помогите, помогите!

– Тихо. Иду, иду, – раздраженно отозвался кто-то, пробиравшийся через подлесок за спиной у Джонатана. От этого вороны взмыли с куста и, описав круг, пересели на сук наверху. – И не кричи, – резко добавила женщина. – Тут в лесу полно разбойников. – Она выпуталась из шиповника, оставив на колючих ветках клочок зеленоватой домотканой юбки, и опустилась на колени перед Джонатаном. – Я и так спешила, как могла, – сказала она. – Просто не хотела, чтобы он меня видел. Мама дорогая, ну и досталось тебе!

– На самом деле не так уж больно, – заметил Джонатан по-прежнему спокойно и как ни в чем не бывало.

– Все равно, – сказала женщина.

Волосы у нее были закручены в узел, и Вивиан подумала, что она, наверное, была бы даже красивой, если бы не тревога и привычная усталость на лице. Лицо было бронзовое и морщинистое, но его выражение напомнило Вивиан Дженни и маму, – и это выражение стало еще тревожнее, когда женщина положила ладонь на вмятину в доспехах Джонатана.

– Он и вправду хотел тебя убить... – пробормотала она. – Попробуем исправить.

Она втянула побольше воздуха. Вмятина вздулась и выправилась – раздалось громкое «Клац-баумм!».

Джонатан вздохнул с огромным облегчением и поднял руку, чтобы вытереть кровь у рта.

– Не шевелись, – велела женщина. – Это были ребра и грудина, но надо починить еще ключицу, не говоря уже о порванных мускулах.

Она не отнимала ладони от его груди. Джонатан так и застыл с поднятой рукой. Через некоторое время лицо у него стало обычного цвета и словно собралось, но глаза были по-прежнему мутные.

– Теперь все вроде бы нормально, не болит, – сказал он.

– Так и есть, – ответила женщина и убрала руку. – Все равно некоторое время придется побережиться. Кости и мышцы зажили, но тебе надо оправиться от потрясения. – Она взяла Джонатана под локоть и помогла встать.

Вороны с оскорбленным видом улетели прочь по Мэлл.

– Как это вы? – спросила Вивиан. Ее слегка мутило.

Женщина обернулась к ней с обеспокоенной улыбкой. Сняла шлем Вивиан и приложила руку к синяку на виске.

– Гм. По-моему, ничего страшного, – пробормотала она. – Я боялась, что будет трещина, но вроде бы нет.

Вивиан обнаружила, что у нее болела голова, только она этого не замечала, а теперь все прошло.

– Как вы это делаете? – повторила она.

– Как?.. – рассеянно отозвалась женщина. – Наверное, дело в том, что история далеко продвинулась. С течением времени многому учишься. Куда вы хотели попасть?

– К колонне... к Канунсону, – ответила Вивиан.

– Тогда снимайте свои дурацкие доспехи, я с вами, – сказала женщина.

– Но... – начал было Джонатан.

– Никаких «но», – отрезала женщина все так же раздраженно. – Их заметно за милую. Все, кто их увидит, решат, что вы собираетесь их убить и лучше убить вас первыми. Такая тут жизнь. Тот, кто дал вам эти доспехи, совершил большую ошибку.

Вивиан и Джонатан отстегнули доспехи и зашвырнули в кусты. Им было стыдно. Вивиан на миг почувствовала себя легкой, как перышко, а потом снова очень тяжелой.

– Кажется, пояс сел, – сказала она.

– Только антигравитация, – сказал Джонатан. – У меня тоже. Отключи, пусть подзарядится.

– Да что вы там возитесь? – нетерпеливо окликнула их женщина.

Она вслушивалась и всматривалась в кусты, будто слышала, что кто-то идет.

Они торопливо прошагали следом за ней остаток Мэлл и пробрались за деревья, росшие на руинах арки Адмиралтейства. Дальше лес расступался, и начинался большой более или менее квадратный луг чуть меньше Трафальгарской площади, насколько помнила Вивиан. Никаких строений вокруг не осталось, и ничего не напоминало, что это Трафальгарская площадь. Луг окружали высокие деревья. Он слегка поднимался вверх, и на нем колыхалась трава с серыми метелками и кое-какие цветы.

Женщина вздохнула, и вид у нее стал не такой озабоченный.

– Здесь безопаснее, – сказала она. – Обычно разбойники на открытые места не выходят. Но все равно ступайте осторожно. И сильнее топайте. Здесь водятся змеи.

Земля под травой была очень неровная. То и дело под ноги

подворачивались древние квадратные камни. Вивиан и Джонатан старались идти за женщиной след в след, топая на ходу, а кругом то и дело по-всякому шуршало – то ли змеи, то ли просто ветер в траве. Вивиан было от этого очень страшно. Но по тому, как Джонатан озирался туда-сюда, она понимала, что он боится еще и открытого пространства, а может быть, и разбойников вдобавок. И поймала себя на том, что восхищается его отвагой. Да, поначалу для него все это и правда были увлекательные приключения, подумала Вивиан, но теперь он изо всех сил старается держаться достойно и довести дело до конца.

Ближе к середине луга женщина остановилась и показала на высокие кусты – в основном дикие розы и боярышник.

– Вот, – сказала она. – Подойти прямо к Канунсону нельзя. Хранитель смотрит в оба и никого не подпускает.

Она села на обтесанную глыбу, которая когда-то, возможно, была частью поваленной колонны, и повернулась к кустам спиной.

– Вы не с нами? – спросил Джонатан.

Женщина кисло мотнула головой и поплотнее завернулась в домотканый плащ.

– Он меня не замечает. Сама не знаю, зачем я сюда пришла. – Она вздохнула. – Наверное, потому, что здесь спокойно. Идите. Вас он, возможно, примет в расчет.

Джонатан и Вивиан протопали к кустам. Кусты нависали над ними – они росли на каком-то возвышении. На пеньке от Колонны Нельсона, сообразила Вивиан. Они споткнулись на крутых каменных ступенях, которых не было видно под травой, и Джонатан едва не упал, но успел схватиться за бугор, который даже под слоем земли и травы сохранил очертания огромного каменного льва. Потом они встали на ноги. Снова споткнулись. Почему-то преодолеть последние каменные ступени никак не получалось. После еще двух попыток они поняли, что подойти к самым кустам так и не удастся.

– Есть тут кто-нибудь? – крикнула Вивиан.

Перепутанные шипастые кусты наверху пошевелились. Упало несколько розовых лепестков. Вивиан снова вздрогнула от ужаса, который уже начала узнавать. Подняла голову и обнаружила, что на каменном карнизе перед кустами стоит, сложив руки на груди, молодой человек исполинского роста и испытующе смотрит на них сверху вниз. Он напомнил Вивиан подручного с фермы. Лицо у него было грубоватое, обветренное. Светлые волосы под лихо заломленной зеленой шляпой давно не знали расчески. Он жевал травинку. И был на вид очень сильный и

очень вещественный. Ничего похожего на нереальный вид бедного грустного Железного Стража – а еще на нем была просторная зеленая рубаха и тугие зеленые штаны.

– «Он облачен в зеленое, ибо живет в лесах, что укрывают город, некогда великий», – процитировал Джонатан. – Ты Страж Золотого ковчега?

Молодой человек переложил травинку в другой уголок губ.

– Меня называют Хранителем Золота. – Голос у него был дикарский, гулкий. – Если вы его ищете, то да, это я и есть. А вы кто такие?

– Мы из Города Времени, – начал Джонатан.

– Тогда вы рано, – перебил его молодой человек. – Я свое дело знаю. Я должен принести свой Золотой ковчег в город, когда он остановится в промежутке между концом и началом, и не раньше. Не волнуйтесь. Я прибуду в срок.

– Но город уже у самого промежутка, – сказала Вивиан.

– И кто-то хочет украсть все ковчеги, мы точно знаем, – подхватил Джонатан. – Он уже заполучил Железный. Мы сами видели, как он его украл. И пришли предупредить тебя...

– Очень мило с вашей стороны. – Молодой человек переложил соломинку обратно в левый уголок рта. – Но я о нем знаю, спасибо. Он уже две недели шастает то здесь, то возле Спавли, то у Бук-хауса. Знает, что Золотой ковчег спрятан где-то тут, но не знает, где именно. Поэтому я и сижу в этом отрезке времени вместе с ним. К Золотому ковчегу ему не подобраться.

– Но Железный уже у него – разве это не делает его сильнее? – спросила Вивиан.

Хранитель пожал плечами:

– Разве что немного. Железо никогда не могло тягаться с Золотом.

– Судя по тому, что говорил сегодня утром мистер Донегал, вор, кажется, уже подобрался к Серебряному ковчегу, – сказала Вивиан. – Я не очень внимательно слушала, но не станет ли он сильнее тебя, если украдет и Серебряный ковчег?

– Ну, может быть, – согласился Хранитель, и его простоватое крестьянское лицо собралось в морщины. – Но он слишком долго с этим тянул. Вы же сами говорите, что город уже у самого промежутка. А когда он там окажется, я принесу Золотой ковчег, и он объединится со Свинцовым, а Свинец и Золото вместе втрое сильнее остальных двух. Нет, тревожиться тут не о чем. Все будет хорошо.

– Послушай, – сказал Джонатан. – В городе сейчас все плохо. Он того и

гляди рухнет. С тех пор, как похитили Железный ковчег, камень Фабера Джона весь пошел трещинами. По-моему, тебе на всякий случай стоит доставить Золото в город прямо сейчас. Если хочешь, мы сами его отнесем.

Хранитель выплюнул травинку и рассмеялся:

– И окончательно разбалансируете всю историю? Нет уж, спасибо. Золото останется при мне, и мы побудем здесь, пока не настанет нужный момент. Когда часы на башне пробьют последний полдень, я буду в городе. Но спасибо, что предупредили.

Он повернулся, будто собирался скрыться в кустах.

Джонатан поспешно окликнул его:

– Только скажите... скажите, пожалуйста, в какой Нестабильной эпохе спрятан Свинцовый ковчег. И скажите, где Серебряный. Нам же надо предупредить и их Стражей тоже.

Хранитель настороженно обернулся через плечо.

– Хм-хм, – сказал он. – Меня так просто не проведешь. Если сумели найти меня, сумеете найти и Серебряного. Что касается Сокровенного Свинцового, то если вы не врете и правда прибыли из Города Времени, то сами поймете, что к чему. А если нет, от меня вы ничего не добьетесь!

Он поднял руки и потянулся – лениво, как человек, прекрасно сознающий свою немалую силу. И ушел. Кусты слегка всколыхнулись, но это можно было принять за рябь от нагретого воздуха. Не то чтобы Хранитель в них спрятался. Вивиан решила, что он просто исчез из этого момента времени. У нее появилось чувство, что ушел он недалеко, может, вернулся на неделю-другую назад стеречь свой ковчег от затаившегося вора, но здесь, с ними, его точно больше не было.

– Какой он, однако, самоуверенный, – сказала Вивиан.

Джонатан оперся о бугор в виде льва. Глаза под мерцающей зрительной функцией были обведены темными кругами, у лица появился неприятный синюшный оттенок.

– По-моему, мозгов у него маловато. Если вор умный, то обдурит его в два счета. Нам срочно надо разыскать Свинцовый ковчег. Надо его уберечь, раз он самый сильный!

Вивиан не понравилось, как Джонатан выглядит. Та женщина предупреждала, что ему надо беречься.

– Давай сначала вернемся к ней, а потом, наверное, стоит поесть, – предложила она.

Джонатан согласился – довольно вяло. Они вернулись туда, где оставили женщину сидеть на камне, но ее там уже не было. Сначала они решили, что она совсем ушла. Потом увидели в дальнем углу квадратного

луга массивные очертания лошади, которую украл для них Леон, – она там паслась. А женщина, подобрав подол с одной стороны, медленно шла к ней и подзывала, притопывая ногами.

Вивиан и Джонатан сели на что-то вроде поваленной колонны и стали смотреть. Раз женщина ведет себя так спокойно, наверное, тут безопасно, решили они. Между тем лошадь подпустила было женщину совсем близко, но ловко увернулась, когда Вивиан и Джонатан уже решили, что женщина сейчас возьмет ее под уздцы. Так повторилось несколько раз. Глядя на это все, они достали квадратные питательные плитки, которые прихватил Джонатан, и поели. Сначала они заботливо приберегли одну плитку для женщины. Но потом лошадь скрылась в лесу, а женщина последовала за ней.

– Эта лошадь точь-в-точь как Хранитель, – заметил Джонатан. – Упрямая, как... как Сэм, и никого не желает слушать, и при этом, наверное, думает, что она умная, как Уайландер. Но эта тетенька рано или поздно ее поймает – точно поймает. Как ты думаешь, в Золотом веке все такие одаренные, как она?

Голос у него звучал уже не так уныло. Еда пошла ему на пользу.

Они посидели еще немного, пока не стало ясно, что женщина не вернется. Тогда они поделили на двоих припасы, которые оставили для нее.

– Мы ее даже не поблагодарили, – виновато проговорила Вивиан. – А она ведь спасла тебе жизнь. Давай, может, вернемся в Город Времени?

Через луг уже пролегли длинные тени деревьев.

– Да, пожалуй. – Джонатан выпрямился и достал из кармана яйцопульт. – Только бы сработало отсюда. Ни за что не пойду на просеку, не хочу больше встречаться с тем разбойником, ни за какие коврижки! Ну вот. Город Времени, сразу после того, как мы отправились в сто первый век.

Яйцо сработало, но еще медленнее и неувереннее, чем в прошлый раз. Их то тянуло, то подвешивало, то тянуло, то подвешивало. Перед глазами мелькали диковинные пейзажи: ряды глинобитных хижин, горящий город за густой пеленой дыма, замерзшая река, толпы народу, пляшущие и размахивающие флагами. В какой-то момент Вивиан заметила большой красный лондонский автобус, но какого-то непривычного вида. Наконец, когда Джонатан и Вивиан уже совсем перепугались, они очутились в пахнувшей сырým камнем темноте, чуть разбавленной светом от плиты.

– Слава богу! – воскликнула Вивиан.

– Ты же знала, что мы вернемся, – сказал Джонатан. По голосу было слышно, что он окончательно пал духом. Он взял фонарик и двинулся

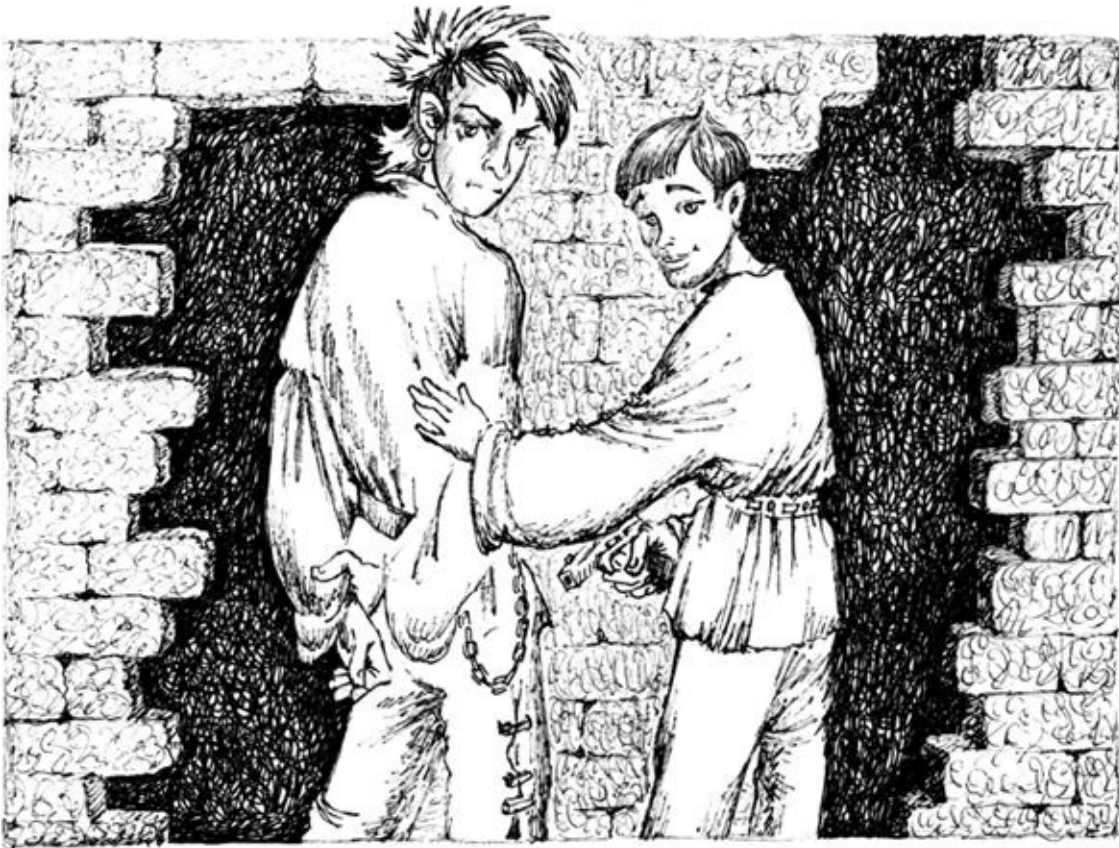
вверх по лестнице. – Все наперекосяк, – сказал он по пути. – У наших хронопризраков совсем не такой вид, как у нас сейчас. По ним ясно видно, что мы заняты делом, но у меня сейчас совсем руки опустились, а у тебя? Ничего хорошего у нас не вышло. Он нам даже не сказал, где Свинцовый ковчег. Впору подумать, что Город Времени вошел в критический дисбаланс, как двадцатый век!

– Учти, что дисбаланс в двадцатом веке начался из-за того, что кто-то украл Железный ковчег! – крикнула ему снизу Вивиан.

Тут их разом осенило – как по щелчку.

Глава двенадцатая

Андроид

– Город Времени – Нестабильная эпоха! – воскликнула Вивиан.

– Самая долгая! – ответил Джонатан.

– Значит, Свинцовый ковчег где-то здесь! – одновременно выпалили они.

Они и не заметили, как преодолели остаток лестницы. Наверху оказалось, что потайная дверь закрылась. Они распахнули ее и протиснулись в лазы по обе стороны. Джонатан выключил фонарь, и они торопливо зашагали по коридору, взволнованно переговариваясь.

– Вот что он имел в виду, когда говорил, что Золотой ковчег объединится со Свинцовым! – вспомнила Вивиан.

– Спорим, он где-то в Гномоне! – догадался Джонатан. – Потому что часы должны пробить полдень. Гора с плеч! Хотя бы его убереем!

– Можно намекнуть кому-то из здешних так, чтобы не выдать себя, – предложила Вивиан.

– Да, и пусть поставят надежную охрану, – согласился Джонатан. – А не каких-нибудь бабушек-старушек из Годичной стражи. Надо поставить настоящих дозорных, которые знают свое дело.

– Давай расскажем папе Сэма, – сказала Вивиан.

– Давай. Он отнесется к этому серьезно, не то что ученые с их болтовней про полюса, – кивнул Джонатан.

– Это же одно и то же, – сказала Вивиан. – Как ты думаешь, где Свинцовый Страж? Наверное, где-то в городе. Надо и его предупредить.

– Наверняка его трудно найти. В той древней бумаге сказано, что он прячется, – сказал Джонатан.

Тут, посреди коридора, он посмотрел вниз и обнаружил, что по-прежнему держит в руке пульт-яйцо.

– Да чтоб его! Забыл положить на место!

– Разведчики их все время теряют, – заметила Вивиан. – Теперь понятно почему.

Они посмеялись.

– Оставлю его у себя, – решил Джонатан. – Нам надо первым делом в Гномон, а потом уже все остальное.

– Судя по всему, когда город дойдет до конца времен, все ковчегі должны вернуться в Гномон. Но выходит, что без Железного, – сказала Вивиан.

– Это понятно, – отозвался Джонатан. – Как только мы точно узнаем, что со Свинцовым ковчегом, отправимся за Серебряным и попросим яйцо доставить нас туда раньше вора. – Он распахнул дверь с цепью. – Будем надеяться, что его Страж поумнее Золотого.

Снаружи их ждал Леон Харди. В руках у него была какая-то штукovina с блестящим дулом и синей резиновой грушей ближе к рукояти. Он целился в них так же безжалостно, как всадник своим копьем. Вивиан, как и Джонатан, сразу поняла, что это пистолет. Они застыли как вкопанные и уставились на Леона. Леон рассмеялся им в лицо, неприятно оскалив красивые белые зубы.

– Я понимал, что он вас не убьет, – сообщил он. – Ты же сам рассказал про эти хронопризраки. А как хорошо мне удалось загнать вас на лесную дорогу в красных доспехах! Правда? А как вам моя голограмма Железного Стража? Совсем как настоящий, правда, Джонатан? Отдавайте Золотой ковчег, и я вас не застрелю.

– У нас его нет, – сказала Вивиан. – Хранитель нас и близко не

подпустил.

– Не ври. – Леон грозно дернул дулом с Джонатана на Вивиан.

– Мы правду говорим. – Лицо у Джонатана снова стало синеватое, он был как ходячий мертвец. – Честное слово! Зачем он тебе?

– Это самая мощная штука на свете после Свинцового ковчега, вот зачем, – сказал Леон. – А Свинцовый никто никогда не найдет, это очевидно. Те, кто послал меня сюда проследить, чтобы в Городе Времени настал конец света, слишком много болтали, совсем как ты, Джонатан, дружок! Наверное, дело в моем честном открытом взгляде! – Он засмеялся, опять блеснув белыми зубами. Потом лицо у него сделалось каменное и безжалостное. – Где Золотой ковчег?

– У нас его нет! – разом ответили они.

А Вивиан добавила:

– Честное скаутское!

Под ложечкой у нее тошнотворно ныло: она понимала, что Леон все равно их застрелит, что бы они ни говорили. Он уже себя накрутил, ведь они слишком много о нем знают. Как странно, что это произойдет прямо здесь, в залитой солнцем мраморной галерее, по обе стороны которой выстроились музейные витрины Элио. «Сколько стекла перебьет!» – подумала Вивиан.

– Ладно. – Леон им не поверил. – Выворачивайте карманы. А сначала отдайте яйцо. Мне пригодится.

Вивиан ловко вывернула карманы и протянула ему жевательную резинку из водорослей. Джонатан посмотрел на яйцо у себя в руке и тоже протянул Леону с потрясенным видом. Все равно ничего не поделаешь.

Из дальнего конца галереи послышалось шлепанье шнурков по мрамору. А потом раздался оглушительный вопль Сэма:

– Ах вы крысы! Все-таки ходили без меня!

Леон подскочил – они все подскочили – и развернулся. И тут же, одновременно с ним, двинулось что-то еще, да так быстро, что только размытое пятно мелькнуло в воздухе из-за музейных витрин за спиной у Леона. Кто-то сидел там, а теперь выпрыгнул на Леона и схватил его. Миг – и левая рука Элио уже надавила Леону на горло, не давая дышать, а правая рука Элио сжала руку с пистолетом. Спокойное лицо андроида смотрело на них из-за плеча Леона – рядом с испуганным и разъяренным лицом Леона.

– Будьте добры, заберите у него оружие, – вежливо попросил Элио.

У Джонатана был такой вид, будто он вот-вот упадет в обморок, поэтому пистолет забрала Вивиан. Пока она осторожно выкручивала

оружие из его белых сведенных пальцев, подоспел Сэм и вытаращился на них.

– Что тут делается? – спросил он.

Последствия масляных парфе еще сказывались. Он был весь желтый.

Да, Сэм и Джонатан сейчас два сапога пара, подумала Вивиан, – и, как ни смешно, в тот самый миг, когда ей удалось отобрать у Леона пистолет, она придумала, как проучить Сэма. Но это потом.

– Куда его?.. – Она неуверенно направила пистолет на Леона, отчего тот поперхнулся и зажмурился.

Элио развернул Леона вбок, чтобы высвободить руку, которой держал его за горло, и взял пистолет у Вивиан. Приставил его к спине Леона.

– Не шевелитесь, – велел он. – Кто этот человек? – спросил он у Вивиан. – Почему он это делает?

– Леон Харди. Студент, – проговорил Джонатан слабым сломленным голосом. – Я... я слишком много ему рассказал.

Леон еле заметно улыбнулся. От Элио это не скрылось.

– Тогда, пожалуй, лучше поскорее избавиться от него, – сказал он. – Полагаю, никто из вас не стремится поставить в известность Вековечного или командира дозора Донегала?

– Нет! – дружно сказали все, причем Сэм даже с большим чувством, чем Леон.

Как ни удивительно, вид у Леона стал довольный. Он, наверное, решил, что Элио его отпустит. Но выражение его лица сразу изменилось, как только Элио вежливо попросил Вивиан открыть дверь с цепью. Когда Элио протолкнул Леона в коридор, тот уперся:

– Это еще что?

И попытался вернуться. Но Элио крепко держал его за запястье и ткнул стволом ему в спину и повел дальше по коридору, словно и не заметил, что Леон упирался. Остановился перед замурованной аркой.

– Будьте добры, откройте дверь, – попросил он Вивиан. – Нужно пнуть третий камень слева в третьем ряду снизу.

Вивиан пнула камень, потайная дверь повернулась. При виде двух черных лазов у Леона сдали нервы.

– Что вы задумали? – завопил он. – Отвести меня вниз и пристрелить? – А когда Элио подтолкнул его к ближайшему лазу, заверещал: – Нет-нет-нет! – и снова уперся ногами.

Элио будто и не слышал. Он просто пропихнул Леона в лаз, как тот ни орал и ни отбивался, и последовал за ним. Вивиан и не думала, что Элио такой сильный. Леон был выше Элио, весь в бугристых мышцах, но Элио

обращался с ним так, словно он был не крупнее Сэма. В разгар схватки он умудрился даже включить у себя на ремне очень яркий свет. После чего скрутил вопящего Леона и потащил его вниз по винтовой лестнице, будто тюк.

Вивиан смотрела вниз, вслед световому пятну, Джонатан глядел поверх ее головы, а Сэм – из-за плеча у Джонатана, и они видели, как Леон упирается ногами в стены, хватается за потолок, но световое пятно беспощадно движется вниз.

– Отпустите! Не убивайте меня! Я сделаю все, что хотите! – заходился криком Леон.

– Тогда скажите мне, кто те люди, которые послали вас в Город Времени, – спокойно произнес голос Элио.

Последовала короткая пауза.

– Не могу! – жалобно протянул Леон. – Он умеет всякое... после Ментальных войн. Мозг мне не разрешит! – Секунду спустя он завизжал: – Так и есть! Не могу! Клянусь вам!

– Но у вас есть тайный временной шлюз, – раздался голос Элио. – Где?

– Этого я тоже не могу сказать! – провизжал Леон. – Отпустите!

– Может быть, я вам и верю, – донесся голос Элио. – Но я не верю, что вы из сто второго века, как бы вы ни одевались.

– Нет-нет, я из шестьдесят шестого! – пролепетал Леон. Было ясно, что он только рад рассказать все, что может. – Я учился в Хельсинки, изучал историю и голографию. Ну вот видите, я вам все о себе рассказал. Не надо вести меня вниз и убивать... Ух ты! Это же их тайный временной шлюз!

Очевидно, они дошли до самого низа. Вивиан торопливо съехала вниз по массивным старинным ступеням и села на последней, а Сэм и Джонатан смотрели у нее из-за спины. Элио выпустил Леона, и тот прислонился спиной к стене. Мертвенный свет отблескивал на стволе и высвечивал гладкое яйцо-пульт, которое Элио держал в другой руке. Точно такое же, как то, которое так и осталось у Джонатана, только немного меньше и вроде бы красноватое.

– Это и в самом деле временной шлюз, – подтвердил Элио.

Мерцающая плита исчезла, в лицо им ударило крепким запахом навоза. За плитой расстился какой-то деревенский пейзаж. Они увидели несколько старых деревянных бочонков, составленных у как попало оштукатуренной стены, белье на веревке, трепыхавшееся на ветру, и красивые ухоженные виноградные лозы на решетке над головой, откуда свисали незрелые гроздья винограда. Показалась коза и с любопытством уставилась в проем на Элио.

– Выбирайте, – сказал Элио Леону. – Либо я вас застрелю, либо вы отправитесь вот туда, в проем. Что выберете?

Леон в отчаянии махнул рукой в сторону козы.

– Где это? – выговорил он. – Когда?

– Пятнадцатый век, – ответил Элио. – Место – крестьянский дом возле итальянского городка под названием Винчи.

– Но это же первобытная древность! – запротестовал Леон. – И Нестабильная эпоха! И я терпеть не могу коз! Неужели вы собираетесь меня туда сослать?

– Значит, предпочитаете, чтобы я вас застрелил, – сообщил Элио и очень точно прицелился прямо Леону в сердце.

– Нет-нет! Все, ухожу! – Леон поспешно прыгнул во двор и с хлоппаньем приземлился.

Они успели увидеть, как коза поворачивается поглядеть на Леона, после чего Элио снова включил яйцо-пульт – и мерцающая плита вернулась на место.

Элио повернулся, очень довольный.

– Итак, мы избавились от него, – сказал он, – самым аккуратным образом. Простите, что я позволил ему так долго угрожать вам. Когда он шел к двери, то прятал оружие под одеждой, и когда я увидел, что он вооружен, то не сразу понял, как напасть на него, не дав ему выстрелить в вас. Большая удача, что вмешался мастер Сэмюэль.

На лице у Сэма расцвела гордая улыбка.

– А почему вы отправили его на ту ферму? – спросил он.

– Потому что, как только вы сказали, как его зовут, у меня появилась забавная мысль, – ответил Элио.

Он заткнул пистолет за пояс и учтиво показал на лестницу. Все тут же встали, как паиньки, и полезли вверх. Элио последовал за ними.

– Мне сразу вспомнился один итальянец из пятнадцатого века по имени Леонардо да Винчи. Считается, что он далеко опережал свое время, и мне пришло в голову, что я знаю причину. Мастер Леон будет чувствовать себя там несколько чужим, но я вас уверяю, свой след в истории он оставит. Как только я увидел голограмму, которую он назвал Железным Стражем, то сразу понял, что он гений.

– О чем еще ты знаешь? – спросил сверху Джонатан, усталый и подавленный.

Элио словно не услышал. Он ничего не говорил, пока они все не протолкались в потайную дверь в коридор.

А там, закрыв дверь, он заметил:

– Полагаю, нам следует поговорить. Не будете ли вы так любезны пройти в мою комнату?

Они послушно двинулись за ним из коридора в галерею. Там Элио открыл дверь между двумя витринами и повел их в заднюю часть дворца, где Вивиан еще не бывала. Она чувствовала себя совсем как в школе, когда тебя в наказание отправляют к директору. Джонатан и Сэм трусили следом и, похоже, чувствовали примерно то же самое. Элио открыл дверь и жестом пригласил их войти.

Это была большая комната на первом этаже, выходившая на узкую полоску сада за Хронологом. Должно быть, Элио занимал ее все сто лет, которые пробыл в Городе Времени. Обстановка была всевозможных стилей и цветов, совсем не сочетавшихся друг с другом, и вдобавок все было сплошь в безделушках. Вивиан уставилась на розовый пустой каркас столика, на котором красовалась статуэтка чудовища Франкенштейна. Потом посмотрела на что-то вроде подставки для торта, загроможденное всякой всячиной. На верхней полочке лежала перевернутая золотая шляпа, полная всяких замков и стеклянных шариков. Ниже стояла банка с этикеткой «Лунная пыль (Титан)». Затем взгляд Вивиан упал на модель звездолета, подвешенную к потолку, а оттуда – на экран на стене, где шел мультфильм без звука. Она присмотрелась. Это была «Белоснежка».

– Ой! Вы и фильмы можете достать? – вырвалось у Вивиан.

– Разумеется, мисс. – Элио подошел к своему автомату. Это был огромный шкаф, на котором всяких трубочек и позолоты было в три раза больше, чем у Джонатана. – В Городе Времени хранятся копии всех фильмов за всю историю человечества. Надо просто обратиться в башню Былого, и вам транслируют все, что пожелаете.

У Вивиан появилось такое же сладкое чувство, как у Сэма в предвкушении оргии с масляными парфе.

– Ой, обожаю кино! – воскликнула она.

– И я, – сказал Элио. – Предпочитаю мультипликационные фильмы и фильмы ужасов, но, с вашего позволения, познакомлю вас и со сценой гонок на колесницах из фильма под названием «Бен-Гур». Я ставлю его очень высоко.

Он отошел от автомата и учтиво вручил Вивиан пенистый фруктовый напиток. И Джонатану тоже.

– Это укрепляющее. Полагаю, вы в нем нуждаетесь. Прошу, садитесь. – Он повернулся к Сэму. – Что прописать вам, я не знаю.

– Спасибо, ничего, – тут же сказал Сэм. Лицо у него было по-прежнему болезненно-желтое.

Они нашли где сесть – пришлось расчистить несколько пустых каркасов и мягких диванчиков от кукол, автомобильных покрышек и картин. Джонатан едва не сел на вставную челюсть. И долго смотрел на нее с сомнением, после чего плюхнулся на противоположный конец дивана.

– Ты давно знаешь про этот временной шлюз? – спросил он.

– Уже четыре дня, – ответил Элио. – Точнее, с того момента, когда мисс Вивиан вышла из двери, которую я считал надежно запертой на цепь, и попыталась отвлечь мое внимание от своих спутников.

– Ой! – Вивиан смущенно уткнулась носом в стакан с питьем. – Вы меня дурачили!

– Мне было совестно, – признался Элио. – Но я хотел знать факты. Поэтому я дождался возможности днем освежить свою память и посмотреть на хронопризраки, так огорчившие супругу Вековечного несколько лет назад. Я узнал в них мастера Джонатана и мисс Вивиан и заметил, что мисс Вивиан одета иначе, чем в тот момент, когда она выходила из-за двери и я увидел ее. Из этого я сделал вывод, что в будущем вам предстоит совершить нечто очень важное, и помешать вам невозможно, поскольку очевидно, что я этого не сделал. Тогда я прошел по коридору, обнаружил потайную дверь и временной шлюз в подzemелье. И я не уверен, мастер Джонатан, что пульт, которым снабжен этот шлюз, вполне исправен.

Джонатан посмотрел на яйцо, которое по-прежнему держал в руке.

– Да, он не очень хорошо возвращает обратно. Но откуда ты это знаешь?

Элио достал из кармана собственный пульт и протянул ему. Яйцо было немного меньше, с красноватым блеском, который Вивиан уже заметила, и на поверхности у него были разные выемки, куда можно было нажать пальцем.

– Полагаю, у вас гораздо более старая модель, – сказал Элио. – Естественно, я предпринял несколько пробных путешествий через шлюз при помощи вашего пульта. В первый раз произошел небольшой сбой. Я попал в двадцатый век, где, к своему ужасу, обнаружил, что уже в одна тысяча девятьсот тридцать девятом году используется напалм и ракетная техника. Так не должно быть. Это доказывало, что та эпоха впала в критический дисбаланс, и я поспешил оттуда выбраться. Но оказалось, что я просто продвинулся вперед во времени. Крайне неловкая ситуация. Я очутился в двадцать четвертом веке в разгар вечеринки на дамском нудистском пляже.

Вивиан не сдержалась и прыснула. Даже встревоженное лицо

Джонатана немного расслабилось, и он улыбнулся:

– И что случилось?

Вивиан с интересом отметила про себя, что андроиды умеют краснеть, совсем как обычные люди.

– Дамы были недовольны, а потом пульт вернул меня домой, – чопорно ответил Элио. – С учетом всего этого с моей стороны, возможно, было неразумно предпринимать очередное путешествие на следующий день. Но мне хотелось узнать, не наступил ли критический дисбаланс и во Второй нестабильной эпохе. Нет, не наступил, поскольку она очень короткая, хотя нравы в ней по-прежнему варварские. Тогда я снова попытался вернуться в Город Времени, но вместо этого пульт перенес меня в Третью нестабильную эпоху...

– Теперь уже никаких сомнений, что это Серебряный век, – шепнул Джонатан на ухо Вивиан.

– ...где сейчас сильнейшие волнения, – продолжал тем временем Элио, – и дисбаланс близок к критическому. И вернуться оттуда мне оказалось так трудно, что я уже был готов встревожиться. Я бы, конечно, мог позвать на помощь Временной Дозор, но после этого меня должны были бы наказать за недозволенный переход в запретную эпоху. Поэтому я повторил команду пульта и был очень рад, когда он наконец ответил и вернул меня обратно в шлюз. – Андроид обвел их дружелюбным взглядом. – Затем я произвел некоторые изыскания в Городе Времени.

– Что ты имеешь в виду? – забеспокоился Джонатан.

– Я имею в виду, что я изучил отчеты Наблюдателей из эпохи, которую вы только что назвали Серебряным веком, – сказал Элио.

Джонатан старательно кивнул с умным видом, чтобы не показать, как он рад, что Элио имеет в виду только это и больше ничего.

– Сам я практически не нашел в протоколах признаков беспорядка, – сказал Элио. – Либо беспорядок возник совсем недавно, либо отчеты неверны. Так или иначе, происходит нечто странное.

Он не спеша подошел к окну, перебрасывая из руки в руку красный пульт, и вот оттуда-то – как раз тогда, когда Джонатан с Сэмом ухмыльнулись друг другу, уверенные, что никто не догадался про их приключения в 1939 году, – вот оттуда-то он и швырнул свою бомбу.

– А еще я проверил регистрационные записи с временных шлюзов, – сказал он. – Нигде не осталось отметки о прибытии в город мисс Вивиан Ли. Весьма беспечно с вашей стороны.

Они вытаращились на него. Сэм еще сильнее пожелтел, а Джонатан – побледнел. Вивиан подумала, что у нее на лице, наверное, проступила

смесь и того, и другого.

– Что вы теперь сделаете? – беспомощно спросила она.

– Я уже все сделал, – ответил Элио. – Внес соответствующие данные в записи за то утро, когда вы прибыли.

Они все так же таращились на него. На настенном экране злая королева превратилась в ведьму – то ли подходящая иллюстрация к моменту, то ли наоборот.

– А по... почему ты так сделал? – спросил наконец Джонатан.

Элио тоже бросил взгляд на экран:

– Я и сам нарушил закон, когда тайком от всех отправился путешествовать во времени. Еще одно нарушение ни на что не повлияет. И после этого, признаться, я совершил еще один проступок. Я подделал официальный запрос от Вековечного Уокера в Институт стародавней науки, чтобы во дворец доставили оттуда пульт более новой модели. – Он снова перебросил красное яйцо из руки в руку.

– Видите ли, я не знал, что и думать, – сказал он. – Разумеется, едва я увидел мисс Вивиан, как сразу узнал в ней одного из хронопризраков. А когда я сопоставил ее внешность с моими воспоминаниями о мисс Вивиан Ли, то пришел к убеждению, что это не племянница Вековечного. Но ее появление здесь привело к таким важным последствиям, что уже много сотен лет назад породило хронопризрак, и я стремился выяснить почему. – Он сурово поглядел на них. – Я говорил вам, что не люблю узнавать то, о чем раньше не подозревал. Так что теперь я твердо намерен узнать, как так вышло.

– Ну вот и узнал, – уныло ответил Джонатан. – Что ты сделал? Стоял на часах каждый день, пока мы не отправились в историю?

– Это я стоял там на часах, – сказал Сэм. – И видел, как она скакала вокруг фонтана, но потом пришлось уйти домой болеть, поэтому я с вами не пошел и все пропустил.

– А... То есть у вас не было случая увидеть, откуда появился Леон Харди? – уточнил Элио.

– Не-а, – мотнул головой Сэм.

– Жаль, – заметил Элио. – Поскольку я полагаю, что на площади Времени не один тайный временной шлюз. Мне известно лишь, что мастер Харди не проходил сюда с площади Эпох, что было бы логично, если бы он воспользовался шлюзом на реке либо в штабе Дозора. Руководство Института стародавней науки требовало, чтобы я сам пришел за этим пультом сегодня днем, а иначе отказывалось его выдавать. Поэтому я знаю. Я возвращался с ним, когда увидел впереди, под аркой, мастера Джонатана

и мисс Вивиан. Тогда я прибавил шаг. Я прошел в арку сразу вслед за ними, но, когда я вышел на площадь Времени, мистер Харди был уже там, впереди меня, и шел по направлению к дворцу с другой стороны площади. Тогда я решил, что он сидел у фонтана и ждал...

– Нет, его там не было, – вставил Сэм. – Я в первый раз увидел его у двери в коридор, где призраки.

– Он пришел туда до меня, – сказал Элио, – и я заключил, что он намеревается встретить мистера Джонатана и мисс Вивиан, когда они вернутся. Должен признаться, я спрятался, чтобы подслушать ваш разговор. Если бы я знал, что он при оружии...

– Спасибо тебе, – смущенно выговорил Джонатан. – Он собирался убить нас.

Настала тишина. Элио перебрасывал яйцо из руки в руку. Белоснежка на экране надкусила ведьмино яблоко. Тишина стала неловкой, потом многозначительной, потом невыносимой.

– Я еще многого не знаю, – подчеркнул наконец Элио. – Мне стало бы значительно легче, если бы вы были откровенны со мной, хотя, если вы ничего мне не расскажете, я все равно найду способ все выяснить.

– Рассказывайте, – сказал Сэм. – Мне тоже интересно.

Вивиан посмотрела на Джонатана. Джонатан сделал над собой усилие, чтобы принять царственный вид, но получилось так себе. Он кивнул. И они все рассказали Элио.

Элио перестал перебрасывать красное яйцо и стоял неподвижно, его лицо абсолютно ничего не выражало. Он впитывал все так внимательно, что Вивиан стало страшно. Она не понимала, как ей могло прийти в голову, будто она способна его обмануть, особенно когда он начал задавать вопросы. Каждый вопрос Элио был нацелен на что-то, о чем они умолчали, и вытаскивал эту недоговорку на свет, и поэтому им приходилось говорить дальше и выкладывать ему все больше и больше. Тем временем Белоснежка и Принц уже ускакали вместе на белом коне. Экран немного помигал, а потом начался другой мультфильм, про кроликов, который Вивиан не знала.

Последний вопрос Элио был про то, на что они сами внимания не обратили.

– Как мастер Харди выяснил, где именно находится Золотой ковчег?

– Из хроник, – ответил Джонатан. – А что?

– Он солгал вам, – сказал Элио. – Этого не знаю даже я. Я изучал все хроники и в Перпетууме, и в Континууме, и в Институте стародавней науки, а потом еще и в Миллениуме, и в башне Былого, и в других местах,

езде, где только мог, и занимался этим много лет. Я нашел много записей о полюсах, старые отчеты, где говорится о ковчегах, но нигде не упоминается, где они спрятаны. А мастер Харди выяснил это за полдня. Очевидно, у него был другой источник информации, при помощи которого он хотел заставить вас добыть для него Золотой ковчег, а если не получится, то хотя бы заставить мисс Вивиан сказать ему, что такое Канунсон.

– И сделал голограмму, чтобы заинтересовать меня, – скорбно проронил Джонатан. – Совсем как настоящая! Выходит, она не сказала нам ни слова правды.

– Нет-нет, существо, с которым вы беседовали, было настоящее, – сказал Элио. Он слегка хмурился – его могучий ум был сосредоточен на чем-то другом. – Когда голограмма появилась во второй раз, я преднамеренно вышел и прошел сквозь нее, и она была совсем не плотная. Даже в шестьдесят шестом веке не научились делать изображения осязаемыми. Это лишь доказывает, что наниматели мастера Харди отправляли его в Первую нестабильную эпоху, вероятно, чтобы опросить настоящего Стража. Но это второстепенный вопрос. Главное, что меня беспокоит, – как я не догадался, что Свинцовый ковчег находится в Городе Времени, хотя теперь, когда вы все рассказали, я, естественно, понимаю, как действуют ковчеги. Жаль, что раньше не сообразил. От этого я прихожу к убеждению, что у меня весьма сниженный интеллект.

– Ну а я – что я просто тупой, – сказал Сэм. – Как они действуют?

– Как магниты на циферблате, естественно, – сказал Элио. – Сейчас найду хронологическую таблицу и покажу.

Он заметался по комнате в поисках таблицы – бросился переворачивать диваны, открывать ящики, ворошить огромные груды барахла. Наконец лег ничком и заглянул под всю мебель. Таблица оказалась свернута в рулон и засунута под автомат. Элио вытащил ее и расстелил на полу.

Вивиан увидела подкову известного времени, которую уже выучила наизусть, – Каменный век слева, в начале, Расселение Земли справа, в конце. Элио прижал палец к промежутку вверху, в самой середине.

– Город Времени начинается здесь, – сказал он. – Как часовая стрелка в полдень. И, как часовая стрелка, движется справа налево – в направлении, противоположном истории. Это делается для того, чтобы не путаться с нормальным временем. Но надо, чтобы что-то двигало его по кругу. Поэтому он снабжен мощным мотором. Это Свинцовый ковчег. Однако Свинцовый ковчег, как любой мотор, нуждается в топливе, на котором он работает, поскольку двигаться против течения времени крайне

неестественно. Для этого на протяжении истории через равные промежутки размещены остальные ковчеги, чтобы ловить Город при приближении и подтягивать его вперед. Сначала Золотой, так сказать, незадолго до трех часов, и он самый мощный, поскольку до него Город успевает пройти не очень много и нужно преодолеть сильную темпоральную инерцию. Он притягивает Свинцовый и запускает его дальше, к Серебряному, – примерно на уровне половины седьмого – а тот, в свою очередь – к Железному. Железный – самый слабый, поскольку, как мне теперь очевидно, Город должен замедлиться и остановиться, когда приблизится к концу времен – опять же в полдень.

– Почему это так? – возмутился Джонатан. – Я думал, Город движется вечно!

– Я предполагаю, что ковчеги необходимо заряжать, а потом снова расставлять по истории, – ответил Элио. – А может быть, крошечный участок времени, содержащий Город, нужно заменить другим, свежим участком. По глупости своей я этого до сих пор не знаю. Однако мне очевидно, что теперь, когда украден Железный ковчег, весь этот механизм в опасности. Нам надо подумать, что предпринять.

Они сидели и смотрели на него – было очень трудно представить себе, что Город Времени остановится, будто сломанные часы, а завестись не сможет. «Все люди, все дворцы!» – думала Вивиан. А что будет с Джонатаном, с Сэмом, с Элио и Дженни? Тут она вспомнила, как охваченные паникой хронопризраки ломились в шлюзы на реке. Они хотели спастись! А было поздно, потому что городу пришел конец! Теперь она не сомневалась, что городу и правда конец. И они ничего не могут поделать.

– Город – Нестабильная эпоха, – с нажимом проговорил Элио, увидев их лица. – Наше будущее не зафиксировано. Следовательно, мы все же можем что-то предпринять. Прежде всего, нам необходимо разыскать Свинцовый ковчег и обеспечить его неприкосновенность. Кроме того, надо выяснить, как он устроен. Здесь есть историки и физики, которые способны это сделать, либо я сам этим займусь. Но для того, чтобы уяснить механизм взаимодействия, мне нужно исследовать один из оставшихся ковчег. Судя по всему, сейчас в пределах нашей досягаемости только Серебряный.

Джонатан поднялся на ноги:

– Пошли. Если мы доберемся до него раньше вора...

Элио покачал головой:

– Мастер Джонатан, вы нездоровы. Вы побывали на пороге смерти, и

лучше бы я отослал вас отдохнуть сразу. Мы можем отправиться туда в любой момент и все равно прибудем раньше вора. А город достигнет начала только через два дня. За два дня многое можно сделать. Вам нужно лечь в постель.

Теперь, когда Элио об этом сказал, Джонатан явно стал еще ближе к обмороку. Он вцепился в спинку дивана.

– Но...

– Да какое там «но», – сказала Вивиан. – Вид у тебя хуже некуда.

– Но у меня осталось вот это. – Джонатан показал пульт. – Надо положить его на место.

– Это было бы донельзя неразумно, – заметил Элио. – Если кто-то еще найдет шлюз и воспользуется им, пульт может дать еще более серьезный сбой, и этот человек застрянет в истории. Давайте поместим его туда, где он никому не причинит вреда. – Он взял яйцо с ладони Джонатана и сунул в золотую шляпу на подставке для торта, под шарики и замки. – Ну вот, оставим его здесь на случай чрезвычайной ситуации. – Потом Элио взял Джонатана под руку и вывел из комнаты – гораздо бережнее, чем конвоировал Леона к шлюзу, но так же неумолимо. – Мы уложим вас в постель, а я сообщу супруге Вековечного, что у вас легкий жар.

Всю дорогу до своей комнаты Джонатан протестовал. Сэм тащился следом и тоже протестовал.

– Когда пойдете за Серебряным, я тоже с вами, ясно? Вы не имеете права бросать меня здесь!

– Мы возьмем вас, – пообещал Элио. – Но сначала дайте мне время подготовиться. Серебряный век опасен не меньше Золотого, а может быть, и больше.

Если Элио рассчитывал отпугнуть этим Сэма, то ошибался. Сэм завопил, что не боится, и вопил все время, пока Вивиан помогала Элио уложить Джонатана в постель. Как только Джонатан воспарил над пустым каркасом и укрылся одеялом, на лице его проступило колоссальное облегчение.

– Великое Время! Как хорошо! Такое чувство, будто я неделю не ложился!

– Выспитесь – и утром будете как новенький. – И Элио ушел сказать Дженни, что у Джонатана температура.

Сэм, к тайной радости Вивиан, скукожился в пустом каркасе кресла.

– Мне тоже хуже некуда, – пожаловался он. – У меня в животе сплошные зеленые неприличности.

– Так тебе и надо, – сказал Джонатан и повернулся к ним спиной. – Иди

ляг и оставь меня в покое.

Сэм вздохнул и поднялся. «Ну, вперед!» – подумала Вивиан.

– Ой, Сэм, пока ты не ушел, – ласково пропела она, – ты бы не мог включить автомат Джонатана? Мне хочется масляного парфе, а я не знаю, как его попросить.

Сэм не заподозрил подвоха. Подбежал к автомату, постучал по трубам, попинал золоченые завитушки, и наконец шторка откинулась, и за ней показался привычный цветочный горшочек с палочкой.

– На, – сказал Сэм.

– А сам-то не хочешь? – спросила Вивиан и взяла горшочек.

К ее великому удовольствию, Сэм прямо вздрогнул:

– До завтра – нет.

– Тогда, – отчеканила Вивиан, – съешь вот это. Сейчас же. В наказание за то, что украл все мои деньги.

Она схватила Сэма за загривок, не дав пошелохнуться, и сунула масляное парфе ему в рот. Сэм вопил, брыкался и отбивался. Но он был меньше Вивиан, и удержать его ей было так же просто, как андроиду – Леона. Каждый раз, когда Сэм вопил, она совала ему в рот парфе. Если он сжимал зубы, она заставляла его глотать. Джонатан перевернулся на бок под одеялом и хохотал до слез.

– Мне от этого сразу стало лучше! – сказал он, когда Вивиан решила, что Сэм уже отработал сотню кредитов, и отпустила его.

– А мне – хуже! – пробурчал Сэм. – Ты меня на всю жизнь от масляных парфе отвадила!

Вивиан обрадовалась: выходит, она правильно догадалась, какой у Сэма характер. Сэм понимал, когда его наказывают за дело. И не собирался мстить.

Глава тринадцатая

Гномон

Вивиан побрела в свою комнату, чувствуя себя обессиленной почти как Джонатан. Вот она, неприятная сторона путешествий во времени. Они с Джонатаном вернулись минут через пять после того, как покинули Город Времени, но в промежутке провели полдня в Золотом веке и натерпелись там страху. А в Городе до вечера было еще ждать и ждать. Вивиан затворила за собой дверь, от всей души благодаря судьбу, что доктор Уайландер сегодня не имел возможности задать ей очередное головоломное задание.

Из деки у кровати раздался голос Элио:

– Мисс Вивиан, я заказал несколько моих любимых фильмов и распорядился доставить их к вам. Чтобы начать просмотр, нажмите белую кнопку на деке.

– Спасибо, Элио. Вы ангел, – сказала Вивиан.

– Рад служить, – отозвался голос Элио.

Вивиан села на парящее над кроватью одеяло. Теперь, когда у них появился такой умелый помощник, как Элио, все стало совсем иначе. И все равно Вивиан подозревала, что для Элио это просто увлекательные приключения – как для нее до недавних пор. Но она-то теперь понимала, что все всерьез. Стоило закрыть глаза, и она прямо видела, как Джонатан полусидит в кустах. Была у нее и другая серьезная мысль: если Город Времени рухнет, это страшно навредит всей остальной истории. А тогда что будет с мамой и папой? «Придется остаться в Городе, – подумала Вивиан, – и из всех сил постараться все исправить. До истории здесь никому нет дела, кроме меня».

Потом она нажала белую кнопку и забыла все свои горести. Устроила себе киношную оргию. Посмотрела фильмы, которые сняли еще до ее рождения, и фильмы, которые будут сняты через много лет после ее смерти. Она забыла бы даже спуститься к ужину, если бы Петула не зашла ей напомнить. И совершенно точно забыла, что там не будет Джонатана. Спустилась, витая в облаках, и с грохотом рухнула с небес на землю, обнаружив, что за столом нет никого, кроме Дженни и Вековечного Уокера. Они тоже сильно устали после дневной Церемонии Основания Города.

– Я заходила проведать Джонатана, но он спал. – Дженни явно беспокоилась. – Как тебе показалось, он очень плохо себя чувствует?

Вивиан подумала, что стала настоящим мастером тонкого искусства врать, говоря только правду.

– Сначала ему было совсем нехорошо, но потом быстро стало легче, – успокоила она Дженни. – А когда он лег, ему стало гораздо лучше. Он даже смеялся.

– Ой, вот и хорошо. Значит, ему не очень скверно, – обрадовалась Дженни.

Вековечный Уокер не разговаривал с Вивиан, но то и дело бросал на нее свои удивительные страдальческие взгляды. «Мамочки! – подумала Вивиан. – Он не простил меня за то, что я вчера над ним посмеялась». Она сидела и слушала их разговоры. Видимо, Железный Страж снова поучаствовал в процессии. «Бедняга! – думала Вивиан. – Не понимает, куда деваться без ковчега!» Однако на этот раз его видел мистер Энкиан. И так рассвирепел, что отказался даже от приглашения к ужину, и умиловить его не удалось.

– Вообще-то, надо сказать спасибо этому студенту, – заметила Дженни. – Когда Энкиан в таком настроении, то становится просто

невыносим.

«Студенты тут ни при чем!» – подумала Вивиан. Леон Харди задолго до окончания церемонии оказался в Италии пятнадцатого века, так что не смог бы запустить свой голый граммофон. А значит, Элио говорил правду. Это настоящий Страж.

– Я все надеюсь, что Уайландер когда-нибудь свернет Энкиану шею, – с чувством сказал Вековечный Уокер. – Шея у него тонкая, длинная – в самый раз чтобы свернуть. Я бы и сам, но сил не хватит.

И он бросил на Вивиан очередной страдальческий взгляд. Вивиан поспешно уставилась в тарелку, чтобы не расхохотаться.

К концу ужина Дженни спросила:

– Кстати, Вивиан, Джонатан не говорил тебе, что завтра и послезавтра уроки в школе отменяются?

– Забыл, – ответила Вивиан. – А почему?

– Чтобы дети могли посмотреть церемонии, – сказала Дженни. – На последние приходят все. На эти два дня Город Времени просто вымирает.

Это выражение неприятно резануло Вивиан. И ей совсем не стало лучше, когда Дженни добавила:

– Но доктор Уайландер просил передать тебе, что ждет тебя завтра и послезавтра на занятиях, как обычно.

Вивиан сообразила, что все равно у них будет целое утро, чтобы поискать Свинцовый ковчег в Гномоне. Назавтра она встала пораньше и побежала к Джонатану узнать, как он себя чувствует и сможет ли пойти с ней. Джонатана в комнате не было. Не оказалось его и в рассветной – его не было вообще нигде, куда бы ни заглядывала Вивиан. Сначала она не понимала, куда он подевался. Потом дворец наполнился топотом и криками.

– Ну вот! – воскликнула Вивиан. – Как он сегодня рано начал!..

Мимо пробежал Элио с тяжелым складчатым сюртуком в руках:

– Совершенно верно, мисс. Церемония начнется только в половине одиннадцатого.

«Ну и интуиция у Джонатана!» – подумала Вивиан, глядя вслед Элио, рысившему через вестибюль. Вивиан прекрасно понимала, что Элио бежит в лучшем случае вполсилы. Он подыгрывал Вековечному. Она не сомневалась, что если бы Вековечный и правда опаздывал, Элио превратился бы в размытое пятно и сделал бы все, чтобы Вековечный успел вовремя.

Вивиан побрела обратно в рассветную и едва не врезалась в Вековечного Уокера, который мчался в противоположную сторону. На

нем не было ничего, кроме бледно-зеленого белья и алого шарфа. Волосы выбились из узла на макушке и свешивались на ухо. Вивиан почувствовала, что сейчас опять захочет. И хотела обогнуть его, чтобы поскорее унести ноги, но Вековечный отпрянул, как будто она чуть не сбила его с ног, и грозно показал на нее пальцем, будто застал на месте преступления.

– Ты! – сказал он. – Разыщи мои Семиотические шлепанцы, живо!

– Как... как они выглядят? – еле выговорила Вивиан, кусая себя изнутри за щеки.

– Черные, с загнутыми носами, расшитые платиной, – ответил Вековечный. – Они где-то наверху. Внизу их точно нет. Давай скорее!

Он промчался мимо и бросился наверх – длинные голые ноги выбили на ступеньках мелкую дробь.

Вивиан протоптала по лестнице следом за ним, зажимая рот ладонью и стараясь не глядеть на развевающийся алый шарф и мелькающие волосатые ноги.

«Это он мне мстит за то, что я смеялась! – подумала она. – Умру, но не захихикаю!»

На площадке Вековечный развернулся.

– Не надо бежать за мной! – завопил он безо всякой логики. – Иди вон туда! А здесь я сам посмотрю! – И он ускакал по галерее. На полпути он снова развернулся и увидел, что Вивиан так и стоит на месте и только и может, что зажимать рот руками.

– Да что ты там делаешь? – взвыл он. – Бестолковщина, бестолковщина! Я опоздаю! – И он заплясал от ярости и досады.

При виде того, как Вековечный скачет, мечется и машет руками, Вивиан поняла, что больше не может сдерживаться. Она схватилась за перила, согнулась пополам и захохотала в голос.

– Тебя что, укачало? Некстати! – заорал Вековечный.

Вивиан заставила себя поднять голову. На вопли Вековечного сбежались помощники. С одной стороны площадки к нему на цыпочках кралась Петула с расшитой мантией в охапке, с другой приближались остальные – они рассчитывали взять Вековечного в клещи и заставить надеть все то, что они ему принесли. Но Вековечный отплясывал в галерее, и махал руками, и орал на Вивиан, и волосы у него на макушке скакали, как коса Джонатана:

– А ну ищи шлепанцы!

Вивиан все хохотала, но теперь еще и от удивления.

«Ну и дела! – думала она. – Он же понимает, какой он смешной, и

хочет, чтобы я над ним смеялась!»

– А вы, случайно, сами их не спрятали? – закричала она ему в ответ.

– Я никогда ничего не прячу! Все само получается! – завопил Вековечный. Ускользнул от Петулы балетным прыжком – а та уже думала, что изловила его, – и помчался прочь по галерее.

– Шлепанцы! – донеслось из дальней дали. – И куда этот болван Элио подевал мой Индоевропейский сюртук?

Вивиан вытерла слезы, шмыгнула носом и шатко засеменила следом за толпой, которая рванулась за Вековечным. Шлепанцы нашлись посередине следующего пролета, и Вековечный наверняка знал, что они там. Вивиан схватила их и присоединилась к погоне. «Наверное, до сих пор все относились к нему чересчур серьезно, – думала она, пока мчалась вверх по лестнице. – Может, он и сам относился к себе серьезно, пока меня не разобрал хохот, а тут вдруг понял, что ему это нравится!»

Так или иначе, в то утро Вековечный Уокер превзошел сам себя. Он носился по коридорам, скакал по лестницам через две ступеньки, швырял золотые шляпы в ванны и бросался туфлями в людей. Вopil. Плясал. А когда его удавалось загнать в угол, уворачивался ото всех рук, которые тянулись к нему со штанами и накидками, как будто от хронопризраков, и мчался в другую сторону, громогласно требуя других одеяний. Вивиан ослабела от хохота. Дженни, которой и самой надо было облачиться в церемониальные одежды, то и дело выскакивала откуда-то на очередной стадии неoдетости и присоединялась к погоне – и вскоре заразилась хохотом от Вивиан. Ей пришлось отойти в сторонку, хватаясь за стену, и закрыть лицо руками. Кого-то из младших помощников Петулы вскоре скрутило не хуже Вивиан, и он сел на черной лестнице, чтобы прохохотаться. К концу уже почти все заходились от смеха. Даже в уголках губ Элио появились морщинки, когда он перехватил Вековечного Уокера в вестибюле и твердой рукой надел на него складчатый сюртук.

К этому времени до церемонии оставались уже считанные минуты. Снаружи на площади выстроилась Годичная стража, вся в алом с золотом, а на ступенях дворца вертелся Сэм – он заглядывал в стеклянные двери и улыбался от уха до уха, опять совершенно здоровый и розовый. Вековечный Уокер замер и позволил Элио подколоть алый шарф к его головному убору. Кротко влез в складчатые штаны, которые передала ему Дженни, а потом принял у всех всевозможные цепи и посохи, полагавшиеся к облачению. И напоследок по очереди поднял ноги, чтобы Вивиан надела на них Семиотические шлепанцы. Когда она выпрямилась, он наградил ее особо страдальческим взглядом. Вивиан теперь не

сомневалась, что это Вековечный так подмигивает.

Элио пригладил жесткие складки сюртука и отправил Вековечного Уокера рука об руку с Дженни навстречу Годичной страже. После чего обратился к Вивиан:

– Нам всем выпало на долю много веселья. Если не возражаете, мисс, исследуйте Гномон, а я пока изучу остальные варианты.

– Да, я так и собиралась, – ответила Вивиан. – Но не могу найти Джонатана.

Элио кивнул на лестницу. Джонатан спускался к ним с видом хладнокровным и царственным – такой же здоровый, как Сэм.

– Ну что, пошли, – сказал он.

Вивиан пришло в голову, что Джонатан неправильно относится к отцу. Более того, она поняла, что ни разу не видела, чтобы они разговаривали. И когда они с Сэмом и Джонатаном двинулись через площадь следом за строем стражников, попыталась все расставить по местам:

– Почему ты всегда исчезаешь, когда твой отец готовится к церемонии? Зря. Это так весело! Я чуть живот не надорвала со смеху!

– Не желаю стоять и смотреть, как отец выставляет себя ослом, – надменно отвечал Джонатан. – Как-никак я из рода Ли.

– Осел из него хоть куда! – возразила Вивиан.

Но по лицу Джонатана она поняла, что он не простит ее, если она скажет еще что-нибудь. Поэтому решила отступить.

Они двинулись в Гномон через толпу, которая становилась все гуще. Похоже, все было именно так, как говорила Дженни. Туристов здесь были тысячи, но все равно больше половины толпы составляли люди в пижамах Города Времени. Когда они подошли к проспекту Четырех Веков, толпа стала еще гуще, а сам проспект оказался огорожен веревками, и вдоль веревок стояли дозорные. Такими же веревками отгородили и зигзагообразную лестницу на Бесконечный холм, и на ней до самого верха выстроились стражники в разноцветной форме.

– Да провались оно все! – сказал Джонатан. – Я и забыл, что сегодня здесь церемония. Обойдем сзади.

Пришлось им снова пробиваться сквозь толпу – все шли в противоположную сторону. Вивиан с сожалением оглянулась. Играл оркестр. А на арках трепетали световые вымпелы, окрашенные в чудесные сочетания цветов, и от этого проспект смотрелся очень нарядно.

Дети в толпе размахивали флажками и длинными палочками, из которых доносилась музыка. Кажется, церемония будет веселой.

– Так и есть, – сказал Сэм. – Ничего страшного. Посмотрим на будущий

год.

«Но меня-то здесь не будет!» – подумала Вивиан, а Джонатан сказал:

– Возможно, никакого будущего года не случится, если мы не найдем ковчег.

Это натолкнуло Вивиан на мысль, что Джонатан единственный человек в Городе, не похожий на Сэма. Сэм считает, что на самом деле все в порядке. Конечно, Сэм еще маленький, но даже Элио думает, что все будет хорошо. А все остальные ведут себя как обычно, хотя, конечно, знают, что сейчас кризис, – как будто уверены, что Город Времени вечен. Наверное, большинство из них и не могут ничего сделать. Но вообще-то, кое-кто мог бы и забеспокоиться!

Чтобы попасть на заднюю сторону Бесконечного холма, им пришлось некоторое время толкаться и протискиваться. Но там, с обратной стороны, все подходы были пусты, и Джонатан быстро провел Вивиан и Сэма к высоким золоченым железным воротам, за которыми тянулась длинная лестница. Он сказал, что ворота всегда держат закрытыми, чтобы никому не приходило в голову, что в Гномон можно попасть и другим путем, но ходить сюда не запрещено.

Лестница вела прямо вверх через декоративные кусты, посаженные по всему Бесконечному холму. Джонатан побежал по ней бегом. Вивиан включила антигравитацию, но все равно, когда они добрались до башни, совсем запыхалась. За утро она и так уже набегалась по лестницам гораздо больше, чем хотелось бы.

– Сегодня входа нет, – заявила Годичная стражница у дверцы наверху лестницы. – Скоро здесь пройдет процессия.

У башни было двенадцать дверей, и перед каждой дверью, насколько видела Вивиан, стояло по стражнику. Ей подумалось, что если Свинцовый ковчег и правда в Гномоне, он, пожалуй, под надежной охраной.

Джонатан с усилием изобразил жалобную гримасу:

– Но нам так нужно туда попасть! Доктор Уайландер даст нам сегодня контрольную по Гномону. Он велел нам сюда сходить.

– О, доктор Уайландер? – с уважением сказала стражница. – Не хотела бы впасть к нему в немилость. Сейчас посмотрим, может, удастся сделать для вас исключение. – Она приоткрыла дверь и сунула голову внутрь, чтобы поговорить с кем-то. Через некоторое время из-за соседней двери высунулись две головы и уставились на них. Это были два дозорных, которые хорошо знали Сэма. И в итоге их всех пропустили.

Круглая комната у основания башни была пустая, только в середине высилась витая колонна. Промежутки между двенадцатью дверями были

расписаны цветущими деревьями, которые будто бы полускрывали виды на Город Времени. Вивиан и Джонатан сразу поняли, что здесь ничего не спрячешь. Пол был из цельной круглой каменной плиты. «Если ковчег под ней, мы его в жизни не найдем!» – подумала Вивиан.

В гулкой комнате прогремел голос Сэма:

– Он хочет, чтобы мы осмотрели всю башню.

– Хорошо, сынок, – сказал один из дозорных. – Это можно устроить.

Им провели экскурсию. На верхушку башни можно было попасть по винтовой колонне в середине. Дозорный поставил ногу в борозду, которая вилась вокруг колонны, и поплыл вверх по спирали. Когда его голова была уже у самого расписного потолка, Сэм тоже смог поставить ногу в борозду и тоже двинулся вверх. Следом поплыла Вивиан, за ней Джонатан. Их кружило и поднимало наверх будто по волшебству, сквозь потолок, хотя на первый взгляд там было негде пролезть, и еще выше, туда, где все было пронизано светом. Вивиан пришлось зажмуриться. Потом она открыла глаза и увидела, что их по спирали поднимает внутри чего-то вроде стеклянной колонны. Все выше и выше – и вот они очутились там, где свет так путано преломлялся и отражался, что Вивиан даже не понимала, отчего это, а через некоторое время выплыли по спирали в Пагоду Времени на самом верху Гномона. Вивиан глядела в кружевные арки на раскинувшийся вокруг Город Времени, и голова у нее слегка кружилась. Она видела и мощные фонтаны Маятниковых садов, вздымавшиеся и опадавшие за Куполом Лет, и изящный пальчик башни Былого перед диковинным кособоким Перпетуумом. Можно было различить вдали даже отблеск покато́й золотой крыши Хронолога и серую крышу перед ним – должно быть, Годичный дворец. А дальше тянулись зеленые поля – до самого внезапного обрыва прямо в синем небе.

В соседнюю арку открывался великолепный вид на проспект Четырех Веков, до самого Миллениума, и на церемониальную процессию, которая уже дошла до его середины. А за спиной у Вивиан почти всю пагоду занимал исполинский колокол Полуденных часов. С первого взгляда было понятно, что в колоколе никаких ковчегов не спрятано. Он был из чего-то прозрачного – весь, даже гигантский язык, и солнце, видневшееся в южной арке, ослепительно отражалось от него.

– Здесь лучше не задерживаться, – предупредил дозорный. – А то он зазвонит, и вы оглохнете. Лопнут барабанные перепонки.

Джонатан проверил и кружевную каменную резьбу вокруг пагоды, но она была слишком открытая, вся на виду. В одном из отверстий покрупнее какой-то турист попробовал спрятать палочку от масляного парфе, и

дозорный сразу ее заметил. И убрал, сурово нахмурясь, а потом повел их вниз по винтовой лестнице, которая обвивала башню снаружи. Это была очень хитрая лестница, с глухими высокими перилами, так что над ними виднелось только небо. И нельзя было понять, далеко ли еще до низу. Спускаться пришлось долго, потому что следующий этаж занимал половину высоты башни.

– Часовой механизм, – гордо объявил дозорный, свернул с лестницы и провел их в высокую узкую дверь.

Механизм был весь стеклянный и весь двигался.

Вивиан в восторге глядела, как сверкающие шестерни медленно поворачиваются, цепляются за прозрачные маховики, хрустальные стержни, пружины – их были целые сотни, и каждая деталь двигалась, умно и плавно, и каждая была как-то связана с гигантской стеклянной колонной в центре, которая тоже поворачивалась – медленно-медленно. «По этой колонне мы и поднимались!» – думала Вивиан, ослепленная радужными искрами и ошеломленная прозрачными зеленоватыми глубинами стекла. Но и здесь негде было что-то спрятать, потому что все было насквозь прозрачное.

Даже стены между высокими узкими окнами были сделаны из чего-то полупрозрачного. Свет, отражавшийся от них, был почти что цвета масляного парфе. Все свинцовое бросалось бы здесь в глаза, будто клякса.

Мерцающая дымка перед глазами Джонатана сгустилась, защищая его от яркого света, но Вивиан заметила, как он разочарованно сморщился, когда они снова двинулись за дозорным. Дозорный опять не разрешил задерживаться: оглохнуть от Полуденных часов можно было и в этой части башни.

– Фабер Джон хотел показать всем, что здесь ничего не спрятано! – прошептал Сэм и засопел.

– Тихо! – шикнула на него Вивиан, хотя пространство и так было заполнено легким певучим перезвоном от движущегося стекла и дозорный, скорее всего, ничего не слышал.

Наружная лестница шла до самой земли, но и внутри тоже были лестницы, по которым можно было спуститься этажом ниже, потому что башня книзу расширялась. Когда-то, наверное, она была сторожевой, поскольку в комнате под механизмом были большие окна по всему периметру, но теперь из нее сделали небольшой музей – правда, довольно скучный. Необычного в нем была только стеклянная колонна посередине, которая все поворачивалась и поворачивалась, плавно-плавно. Но вот здесь вполне можно было бы спрятать Свинцовый ковчег – выставить его как

экспонат. Они тут же метнулись к ближайшей витрине.

– Это один из первых автоматов. – Дозорный остановился у машины возле двери. – До сих пор работает, между прочим! Хотите масляного парфе?

Сэм содрогнулся.

– Э-э... нет, спасибо, – ответил Джонатан. – Мы... э-э... пришли учиться...

Он включил функцию письма. Когда они двинулись мимо витрин, он притворился, будто деятельно записывает что-то на помятом листе для заметок, который выудил из кармана. Вивиан обошла музей первой и быстро поняла, что и здесь нет ничего похожего на Ковчег. В основном в музее хранились вещи, когда-то принадлежавшие Фаберу Джону. Шляпа, напоминавшая Амפורическую митру Вековечного Уокера, только предназначенная для гораздо более крупной головы, и лежала она на боку, так что Вивиан видела, что ничего в ней не спрятано, очень большая потрепанная перчатка, золотая медаль в виде звезды, страничка, исписанная универсальными символами, какие-то документы – словом, ничего интересного. Вивиан побрела к стеклянной колонне и стала там ждать, когда Джонатан сдастся.

В колонне примерно на уровне глаз Вивиан было четыре ниши. Она рассмотрела каждую по очереди, пока колонна медленно вращалась, а мальчики медленно изучали каждую витрину. Вивиан обошла колонну и еще раз рассмотрела ниши. Они все были разные. Она видела, что их сделали для каких-то четырех предметов, которые были разной формы и размера. Одна ниша была плоская, квадратная и довольно большая. «Железный ковчег!» – подумала Вивиан. Две ниши по обе стороны от нее были овальные, одна большая, другая маленькая. «Спорим, это для Серебряного и Свинцового ковчега!» – подумала Вивиан. Но какая для какого, понять было невозможно. Четвертая выемка, на противоположной стороне колонны от квадратной, была для чего-то высокого и граненого. «Золотой!» – подумала Вивиан. По узеньким бороздкам в этой нише и в большой овальной она видела, что два ковчега были еще и красиво отделаны.

– А зачем эти выемки? – спросила она дозорного, чтобы подтвердить свои догадки.

Дозорный слегка смутился.

– Видишь ли, – сказал он, – легенда гласит, что это для полюсов Фабера Джона. Говорят, они вернутся в колонну в конце времен. Это, разумеется, только легенда, но мы сюда на всякий случай ничего не ставим.

– Странно, что ты этого не знал, – сказала Вивиан Джонатану.

Тот весь порозовел и принял самый что ни на есть царственный вид.

– Когда здесь живешь, Гномон оставляешь туристам. Пойдем. Процессия уже почти дошла.

– Из этого окна открывается самый красивый вид на город. – Дозорный решил, что Джонатан торопится, потому что хочет увидеть церемонию. – Можете посмотреть отсюда, со мной.

– Ой, здорово! – Сэм проскользнул между витриной со шляпой и витриной с перчаткой и прижался носом к окну за ними.

Вивиан протиснулась следом. Джонатан вздохнул и прислонился к витрине со шляпой.

Они смотрели прямо на склон с зигзагообразной лестницей. Процессия как раз подошла к нижней ступени, и пожилой Годичный стражник, который шествовал впереди с массивным золотым копьём, начал подниматься. За ним шел отец Джонатана, статный и прямой в складчатом сюртуке и высоком головном уборе, а дальше – масса народу в мантиях всевозможных цветов, с флагами, знаменами, горшками, из которых валил алый дым, и большими опахалами из перьев. Как только Вековечный ступил на лестницу, раздался оглушительный гром. Гремело во всей комнате и прямо у них в голове. Витрины задрезжали.

– А вот и часы! – сказал дозорный, стоявший у витрины рядом с Джонатаном. – Должен заметить, Вековечный умеет рассчитывать время церемонии. Идеально!

Вековечный начал подниматься. Рядом с ним вдруг возникла фигура в зеленом, которая тоже полезла вверх, к башне.

– Это всего-навсего Бесконечный призрак, – успокоил их дозорный.

От вибраций колокола Вивиан стало нехорошо. Она кивнула и потрясла головой, чтобы избавиться от звона в ушах. Но только в мыслях прояснилось, как гром раздался снова. Вековечный Уокер внизу прошагал мимо Бесконечного призрака, не повернув головы. За ним последовала остальная процессия, величественная, многоцветная, и все они не обращали внимания на отчаявшегося человека в зеленом и шли себе – кто вокруг, кто мимо, а кто и прямо сквозь него. Часы пробили снова. И тут один человек из процессии заметил несчастный зеленый призрак. Он мелькнул у Вивиан перед глазами – серая фигура среди многоцветных мантий, наклонившаяся, чтобы подать руку призраку. Когда его рука прошла сквозь человека в зеленом, он явно удивился и попробовал еще раз, и еще, и еще, с каждым разом все отчаяннее. А Бесконечный призрак все карабкался по ступеням, а процессия не обращала на них ни малейшего

внимания. Часы пробили четыре, пять, шесть – величественные люди в мантиях все текли и текли вверх по лестнице.

– Железный Страж! – прошептал Сэм, и стекло от его дыхания затуманилось.

– Вот бедняга, – пробормотала Вивиан.

Ей еще никогда не было так жалко Железного Стража. Он все никак не мог понять, что пытается схватить за руку бестелесный призрак. Тут она сообразила, почему он не оставляет стараний. Человек на ступенях был призраком Хранителя Золота. «Значит, он все-таки понесет Золотой ковчег на башню, но что-то ему помешает!» – подумала Вивиан. Посмотрела на Джонатана. Он тоже узнал Хранителя. И весь побелел от ужаса.

А часы все били, а процессия все поднималась. Бесконечный призрак и Железный Страж пропали из виду, когда Вековечный Уокер с его прекрасным умением рассчитать время очутился на последней ступени с двенадцатым ударом и лестницу целиком заполнили живые люди в разноцветных церемониальных одеждах.

– Извините, нам, к сожалению, пора идти, – вежливо сказал Джонатан.

– Я остаюсь, – объявил Сэм.

– Пожалуйста. Но нам с В. С. нужно перекусить, прежде чем идти к доктору Уайландеру, – сказал Джонатан.

Они с Вивиан поблагодарили дозорного и вышли из музея на наружную лестницу. Так можно было спуститься с заднего склона холма, не встретившись с процессией.

Вивиан все еще было не по себе от вибраций колокола. Ноги у нее дрожали. Когда они вышли из башни, ей показалось, что весь Бесконечный холм дрожит мелкой дрожью.

– С некоторыми от звона такое бывает, – заметил Джонатан. – Пройдет. Ну, что скажешь? Там настолько явно нет ковчега, что он, подозреваю, там и спрятан!

– Это ты мудришь. – Вивиан едва сдержалась, чтобы не добавить «Как всегда!». И терпеливо продолжила: – Тот, кто придумал эту башню, явно хотел показать, что ковчег спрятан где-то в другом месте. Вот и Сэм так говорит. А он в таких случаях обычно не ошибается.

– Тогда это он мудрит, и ты тоже. Мы представления не имеем, где еще искать. Придется тебе сегодня спросить доктора Уайландера.

– Сам спроси.

– Нет, ты! В прошлый раз тебе прекрасно удалось его разговорить, да и естественнее будет, если ты спросишь. Я-то, по идее, должен знать город.

– Зато ты лучше умеешь его дурить, – возразила Вивиан.

Они спорили все время, пока ели пломбир с креветками и водорослями на площади Эпох, и все это время Вивиан не покидало ощущение, что земля под ногами дрожит. «От часов? До сих пор? Не может быть!» – подумала она.

– Джонатан, только честно: ты что, не чувствуешь, что земля трясется?

Ответный взгляд Джонатана был красноречивее всяких слов.

– Я надеялся, это колокол, – проговорил Джонатан.

– Значит, город приближается к концу времен. Вот что это такое, – сказала Вивиан.

– К какому именно концу? – уточнил Джонатан. – Почему земля дрожит – потому что город замедляется или потому что он рушится?

Они встали и перешли площадь, по которой не спеша текла толпа, расходившаяся после церемонии.

– Обязательно спроси Уайландера, – сказал Джонатан. – Хитроумно. Это срочно.

– Почему я? – сердито спросила Вивиан.

От этого спор разгорелся с новой силой, и они спорили всю дорогу по лестницам Перпетуума, где ступени чем выше, тем сильнее тряслись.

– Спрашивать должна ты, потому что ты ему нравишься! – заявил Джонатан, когда они свернули в «Геродотиану».

– Да он только и делает, что смотрит, рычит и потешается надо мной!

– Он потешается только над теми, кто ему нравится! – отрезал Джонатан, и это решило исход спора.

Когда они стучали в дверь Нечастого тупика, Вивиан уже была согласна спросить Уайландера.

Но как только они очутились внутри, решимость у нее как ветром сдуло. Доктор Уайландер сидел в комнате, напоенной теплым ароматом дерева и книг, кутаясь в мохнатую куртку, курил трубку и смотрел на них маленькими умными глазками, как будто и не двигался с места с тех пор, как они видели его в последний раз. Только поношенный фиолетовый балахон, наброшенный на штабель книгокубиков, показывал, что доктор Уайландер все-таки покидал комнату, чтобы поучаствовать в церемонии.

– Сегодня мы с вами отправимся во времена Ментальных войн, – прорычал доктор Уайландер сквозь клубы дыма. – Сосредоточьтесь, пожалуйста. Это самый неприятный эпизод за всю историю всех Фиксированных эпох. Его последствия ощущаются на протяжении всей следующей Нестабильной эпохи и приводят к созданию Исландской империи. Сверься с таблицей, Вивиан, и перечисли мне основные факты, касающиеся Ментальных войн.

Вивиан посмотрела в таблицу. Ей подумалось, что стоит начать с невинного вопроса: «Доктор Уайландер, а почему это земля дрожит?» Но здесь, похоже, этого не ощущалось. И было невозможно думать ни о чем, кроме того, что доктор Уайландер никакой симпатии ни к кому из них не выражает. Свиный взгляд, нацеленный на нее, куда как проще было описать словами «ненависть» и «презрение».

– Погодите, – сказал Джонатан, заметивший, как Вивиан трудно. – Сначала она хочет кое-что у вас спросить.

«Скотина!» – подумала Вивиан.

– Тогда пусть лучше говорит сама за себя, – пророкотал доктор Уайландер. – Спрашивай, Вивиан. Если тебе так удобнее, можешь прибегнуть к языку глухонемых.

«Потешается надо мной, – подумала Вивиан. – Неужели это и вправду означает, что я ему нравлюсь?»

Она сглотнула и выдавила:

– Это... это про документ, который вы мне задали перевести. Почему там говорится, где искать три ковчега, а про Свинцовый ничего не сказано?

– Полагаю, потому, что меньшие ковчеги притягиваются к Свинцовому и сами его найдут, – прокричал доктор Уайландер. – Искать Ментальные войны в Каменном веке бессмысленно. Ты обнаружишь их в пятьдесят седьмом столетии.

– А вдруг что-то пойдет не так и кому-то понадобится разыскать Свинцовый ковчег? – не сдавалась Вивиан. – Как вы думаете, где Фабер Джон его спрятал?

– Мы не будем впустую тратить день на то, чтобы играть в «горячо-холодно» с мифическими объектами, – отчеканил доктор Уайландер. – Но раз уж об этом зашла речь, скажи мне, что означает имя Фабера Джона.

Вивиан вздохнула. Каждый раз, когда они о чем-то спрашивали доктора Уайландера, он быстро переводил разговор на другую тему. Похоже, это бессмысленная затея. От досады Вивиан даже забыла, что ее здесь зовут Вивиан Ли.

– Кузнец, – сказала она. – По-английски его звали бы просто Джон Смит, старо и скучно.

Это вдохновило доктора Уайландера на целую лекцию:

– Скучно? У нашего основателя скучное имя?! Да это же одно из самых почетных имен на свете! В те дни, когда раздавали прозвания, фамилию Смит еще надо было заслужить, а чтобы заслужить ее, нужно было быть самым одаренным в округе! Первый Смит был настоящий гений, придумавший, как обрабатывать металл. К нему приходили и за наукой, и

за магией. Он был не просто физически силен, если ты это имеешь в виду. Он творил. И знал, как усовершенствовать свои творения, чтобы они как следует выполняли свою задачу. У него хватало смелости исследовать подобные материи и пользоваться полученными знаниями. Но если ты просто говоришь, что Смит – распространенная фамилия, то подразумеваешь, что род человеческий удивительно богат на таланты, а это тоже вовсе не скучно. А теперь, прошу вас, обратимся к Ментальным войнам.

Они и обратились. Вивиан от них буквально замутило. Она и не подозревала, что можно творить такие зверства с человеческим сознанием. Под натиском всевозможного ментального оружия все известные ей страны и народы исчезли навсегда, и это огорчило ее так же, как само оружие. Она еще ни разу так не радовалась возможности уйти наконец из жаркой, пахнувшей деревом берлоги в Нечастом тупике.

А Джонатан, как видно, все это время думал о чем-то другом. Когда они спускались по дрожащим лестницам, он заметил:

– Если он говорит дело и остальные ковчеги притягивают Свинцовый, значит, чтобы найти его, нам надо заполучить Серебряный.

Вивиан по-прежнему мутило, и она слабым голосом выговорила:

– Но ведь Серебряный век – это сразу после Ментальных войн...

– Сам знаю. – Джонатан отмахнулся с самым величественным видом. – Все равно мы без ковчега ничего не добьемся, если, конечно, Элио не удалось выяснить больше нашего.

Глава четырнадцатая

Серебряный век

Элио и Сэм ждали их у фонтана на площади Времени, где по воде от подземной дрожи бежала сетчатая рябь. Вид у Элио был недовольный. На гладком лбу собрались морщины, но к подземной дрожи это отношения не имело.

— Я пересмотрел все хроники, и там нет ничего похожего на то, что знал Леон Харди. Жаль, что я поспешил сослать его в Италию. Более того, существо, охраняющее Золотой ковчег, напрочь лишено мозгов!

— Ты хочешь сказать, что побывал в Золотом веке? Сегодня? — спросил Джонатан.

— Жаль, что мы не видели вас до этого, — сказала Вивиан. — Тот хронопризрак, который карабкается по лестнице в Гномон, — это Хранитель Золота.

– Очередной неизвестный мне факт. – Элио еще сильнее нахмурился. – Значит, он все равно сюда попадет, что бы я ни говорил.

Он так расстроился, что Вивиан отважно похлопала его по руке. Оказалось, это совсем не то что прикасаться к Железному Стражу – рука у Элио на ощупь была обычная, человеческая.

– По-моему, нам надо как можно скорее отыскать Серебряный ковчег! – разволновался Джонатан.

– Да, – согласился Элио. – Отправляемся прямо сейчас.

Они двинулись во дворец мимо хронопризрака в церемониальном одеянии, должно быть, предыдущего Вековечного.

– Визит в Золотой век обернулся для меня колоссальной растратой энергии, – сказал Элио. – Какие-то первобытные личности на деревьях прилагали значительные усилия, чтобы убить меня, а потом еще вооруженная личность на коне, видимо, считающая своей задачей убить всех нас. А когда я сумел оторваться от них и подошел к Канунсону, Хранитель стоял там и жевал стебель травы и отказывался принимать в расчет любые мои доводы. Так или иначе, мне пришлось поспешно ретироваться, поскольку вернулась личность на коне. – Он вздохнул. И уже в вестибюле дворца добавил: – Надеюсь, в Серебряном веке нам повезет больше.

Никто ничего не ответил. По ощущениям Вивиан, Джонатан и Сэм от всей души надеялись, что им что-то помешает и они вообще никуда не попадут.

– Мастер Джонатан, вы еще не открыли нам точное расположение того периода Третьей нестабильной эпохи, где мастер Харди рекомендовал вам искать Серебряный ковчег.

На Джонатана тут же напала царственность.

– Неужели? – беспечно отозвался он.

Они свернули за угол в галерею, где при ярком свете стало очевидно, что Джонатан сделался весь пунцовый.

– Ах ты крыса! – заорал Сэм. – Опять без меня ходил!

– Так вот где ты пропадал все утро! – догадалась Вивиан.

– Мастер Джонатан, вы подвергли себя сильнейшей опасности! – укорил его Элио. – В ту эпоху велись непрекращающиеся войны. Более того, вы наверняка воспользовались неисправным пультом, поскольку исправный весь день был у меня.

– Да, но я вернул его в шляпу, – сказал Джонатан. – И хватит так на меня смотреть, Сэм. Я ничего не нашел. Сплошная соляная пустыня и ни души. Понимаете, я решил попасть туда за сто лет до вора, чтобы

действовать наверняка. Но там не было ни следа Стражей, сколько я ни кричал, и никаких признаков, где может быть ковчег. Все впустую.

– А яйцо работало как надо? – спросила Вивиан.

– Нет, – ответил Джонатан. – Когда я хотел вернуться, оно зашвырнуло меня в Золотой век, к самому Канунсону. И я видел там вас, Элио. То есть я решил, что это вы, но вы бежали через луг так быстро, что я не уверен.

– Но в конце концов оно тебя вернуло? – спросила Вивиан.

– Как видишь, иначе меня бы здесь не было. Но на это ушла целая вечность, и я попал сюда, как раз когда родители уходили на церемонию. Я очень испугался.

– Вполне естественно, – сказал Элио. – На сей раз мы воспользуемся моим пультом. И отправимся в момент за пять минут до того, как вор подберется к ковчегу, поскольку очевидно, что у него есть сведения, которых нет у нас, и он сможет подвести нас к нужному месту. Если, конечно, вы, мастер Джонатан, по великодушию своему сообщите нам, куда отправляться.

– В Балтийское море, – сознался Джонатан. – Леон сказал, лучше всего – в шестьдесят четвертый век, поскольку тогда море уже сто лет как пересохло и еще сто лет сухим будет. – И добавил какое-то географическое название, которое ничего не говорило Вивиан.

Элио, похоже, его понял. И засомневался.

– Надеюсь, мастер Харди не обманул вас. В том веке в этих местах определенно шла война, при любом течении истории, а я, как я уже упоминал, нашел эту эпоху в полном беспорядке. – Он вдруг приободрился. – Однако там буду я и обеспечу вашу безопасность, к тому же я приготовил всем нам защитную одежду. Сюда.

Он повел их к витринам в дальнем конце галереи. Вивиан остановилась перед витриной со своим багажом. Теперь он казался ей пыльным и чужеродным – и ни к чему не пригодным.

– Элио, – сказала она. – Если мы и в самом деле найдем Серебряный ковчег и вернемся в Город Времени и все будет хорошо, мне нужны будут эти вещи, когда я отправлюсь домой.

Элио остановился, повернув голову, и уставился на багаж с явным сожалением.

– У меня еще не было экспонатов из двадцатого века, – сказал он. – Но, разумеется, когда они вам понадобятся, вы обязательно их получите.

Вивиан понимала, каких мучений для него стоило это сказать. «Но это же мое!» – подумала она, когда Элио двинулся к витрине с марсианскими ботинками. Теперь там лежали четыре плоских серебристых пакетика. На

табличке значилось: «Двадцать четвертый век. Нейлоновые чулки (мужские)». Элио открыл витрину, достал пакетики и перевернул табличку. На обратной стороне было написано: «Витрина оформляется». Элио двинулся к двери с цепью и по пути раздал каждому по пакету. У Вивиан нехорошо сосало под ложечкой – и с каждой ступенькой вниз в подземную комнатку все сильнее. Когда она открывала пакет при свете от пояса Элио, пальцы у нее тряслись. Из пакета выпало какое-то бесформенное одеяние из серебристой пленки.

– Это костюмы ментальной защиты из пятьдесят шестого века, – сказал им Элио. – Я взял их оттуда, поскольку за все время Ментальных войн ничего лучше не придумали. Наденьте на голову и лицо, а остальное само упадет до пят.

– А зачем закрывать все тело? – спросил Сэм. – Мозги у меня в голове.

– Однако же по всему организму идут нервы, которые ведут в голову. Ментальному воину достаточно найти незащищенный нерв, – пояснил Элио. – Эти костюмы такого не допускают. Кроме того, они в некоторой степени защищают и от другого оружия, если в вас стреляют не в упор.

От этого под ложечкой у Вивиан засосало еще сильнее. И ей ничуть не становилось легче оттого, что земля до сих пор еле заметно дрожала, даже здесь, внизу. Вивиан натянула странную пленку на голову. Дышать пленка не мешала и упала сначала на плечи, а потом до самого пола, касаясь ее нежнее нежного. Вивиан раскинула руки и поглядела на себя – она была вся в струящихся серебряных складках. «Если все это будет за нами волочиться, далеко мы не уйдем!» – подумала Вивиан. Но тут одеяние после небольшой паузы, за которую оно, видимо, приспособливалось к Вивиан, вдруг сжалось и облепило ее.

– Поднимите ноги, сначала одну, потом другую, – велел Элио.

Вивиан послушалась, и серебряная пленка тут же облепила и подошвы. Вивиан оказалась с ног до головы в комбинезоне из серебристой пленки. Остальные тоже стали все серебряные. Сэм и Джонатан глядели на нее сквозь пленку, лица у них были примятые и беловатые.

– Плохо вижу. Похоже, пленка блокирует зрительную функцию, – сказал Джонатан.

– Тогда держитесь поближе ко мне, – сказал Элио. Свет из-под костюма делал его похожим на светящееся привидение. – Прошу всех держаться поближе ко мне. Я приложу все силы, чтобы обеспечить вашу безопасность, а все мои силы, насколько вам известно, – это вдвое больше, чем у биологического человека. – Он поднял руку с красным яйцом-пультом, тоже посеребренным пленкой, и нацелил его на мерцающую

плиту.

Плита исчезла, и на ее месте появился проход в слепящее сияние. Во все стороны, до самого далекого голубого неба тянулся белый-белый песок. Они шагнули в проход, и обтянутые защитной пленкой ноги заскользили по чему-то хрусткому, как наст. Наверное, это соль из пересохшего моря, подумала Вивиан. Но еще здесь было холодно. Костюм не защищал от пронзительного ледяного ветра. Она повернула голову, чтобы ветер не дул в лицо и белое солнце не било в глаза, и поняла, что эта белая пустыня – совсем не плоская равнина. В ней залегли синие тени – масса углублений и ям. В том числе и ровные канавы, напомнившие Вивиан окопы Первой мировой.

От яркого света зрительная функция у Джонатана потемнела. Он вертел головой в разные стороны, совсем как слепой.

– Что тут случилось? Утром все было плоское!

– Кто-то все перекопал, – объяснил ему Сэм.

Раздался голос. Он разразился с вышины скороговоркой на непонятном языке.

– Ложись! – велел Элио и бросился ничком на белую землю.

Все бросились на землю рядом с ним. Белая соль была холодная, как лед. Вивиан угодила на склон и сначала покатилась, а потом заскользила вниз. В результате она упала на спину в отдалении от остальных и уставилась в безоблачное небо.

Полнеба чуть сбоку от нее занимала полупрозрачная конструкция вроде плота, которая парила в воздухе футах в пятидесяти над землей.

«Леон Харди соврал нам! – подумала Вивиан. – Он хотел, чтобы мы погибли!»

Шевелиться она не осмеливалась. Плот был голубоватый, сквозь него просвечивали подошвы людей. В более светлые пузыри по краям плота на них смотрели лица – бесстрастные, приплюснутые, покрытые чем-то желтоватым, наверное, ментальной защитой вроде ее собственного костюма.

Голос протараторил еще что-то, и с плота по ним чем-то выстрелили. Оно полетело вниз беловатой рябью. Вивиан закричала. На миг ей показалось, что голову у нее разрывает изнутри, но потом костюм отразил оружие. После этого Вивиан просто лежала и смотрела на белую рябь, уповая на то, что костюмы у всех исправны.

Стрельба прекратилась, но не потому, что люди на плоту решили, будто дело сделано. Сверху на плот надвигался другой плот, слегка зеленоватый, – он шел в атаку и двигался очень быстро, так что даже ветер

засвистел. Первый плот поднялся еще на пятьдесят футов, заложил вираж и понесся прочь. Как только он сдвинулся с места, Вивиан увидела, как с неба на первые два плота пикирует третий – снова другого цвета, с лиловатым отливом. Но нижние плоты мигом разлетелись в стороны, а потом снова сошлись вместе и двинулись против лилового. Три плота кружили по небу, то вверх, то вниз, то друг вокруг друга, и отчаянно сражались без единого звука, кроме тоненького посвистывания ветра. Вивиан и не представляла себе, что бывают такие сражения. Поскольку оружие не было нацелено на нее, костюм его особенно не блокировал. Косая рябь проходила сквозь Вивиан, принося с собой хладнокровные голоса, полные безумия, яростное хихиканье, гимны отвращению, вопли изнуренности, смертельный перезвон, отчаянное посвистывание и громкие песни ужаса. И все это было совершенно беззвучное. А Вивиан была вынуждена лежать на холодной земле и терпеть все это – всю эту невозможную, вывернутую наизнанку абракадабру.

Потом она заметила в том участке неба, который был виден в просвет между ее посеребренными ботинками, облако голубовато-серого дыма. Оно подплывало все ближе и ближе, высоко и стремительно, тянулось то туда, то сюда, шарило вокруг, будто что-то выискивало, и наконец засекло три сражающихся плота. И змеей ринулось на них, норовя схватить, будто исполинская сероватая перчатка. Три плота заметались в небе, уворачиваясь от нее. Один свечой взмыл в воздух, и с него свалился человек. Вивиан слышала, как он закричал – по-настоящему закричал, – когда рухнул наземь. Второй плот снизился и пронесся в нескольких футах над Вивиан, виляя, раскачиваясь и распространяя волны ряби, как будто в нем что-то сломалось. Третий набрал скорость и умчался в противоположном направлении. Облако нырнуло вниз, развернулось и погналось за ним. Через две секунды синее небо и сверкающая белая равнина совершенно опустели.

Сэм перекатился на склон над Вивиан.

– Сколько в этой войне сторон? – спросил он.

– Одному Времени известно! – Джонатан встал на четвереньки. – Ну и гадость же! – Он поднялся и поежился.

Вивиан встала – зубы у нее стучали – и помогла встать Сэму. Элио поднялся последним. Он распрямлялся медленно, с трудом, и тут они, к своему ужасу, увидели, что костюм у него под правой рукой весь посинел и оплавился.

– Ничего страшного, – сказал Элио. – Что-то с того плота, который пролетел над землей. Я прекрасно себя чувствую. Я создан, чтобы

противостоять неблагоприятным обстоятельствам. Давайте разыщем ковчег, пока не появились еще какие-нибудь войска.

Он надорвал костюм слева, напротив оплавленно-синего пятна, и вытащил маленький мерцающий приборчик. Прореха на костюме затянулась сама собой.

Сэм сразу забыл, как только что перепугался.

– Ух ты! Это же металлоискатель сто десятого века! У папы есть такой. Он говорит, такой теперь не достанешь ни за какие деньги. Где вы его раздобыли? А можно, я его возьму?

Сэм добился своего, потому что Элио хромал и шатался, а Джонатан постоянно спотыкался и брел, выставив вперед руки, как лунатик. Зрительная функция у него потемнела от яркого света и к тому же была затуманена защитной пленкой на лице, так что он почти ничего не видел. В конце концов он просто отключил ее с брезгливой гримасой.

Сэм уверенно настроил металлоискатель на серебро и затопал по расширяющейся спирали.

– Папа говорит, им нет равных! – кричал он. – Найдет даже иголку в стоге сена! Не отставайте. Он уже что-то показывает!

Они старались поспевать за Сэмом, который бодро топал туда, откуда прилетело облако, но идти было очень трудно. Просоленный песок был весь в ямах и застывших выбоинах, канавах и буграх. Приходилось то съезжать по сверкающим склонам, то перепрыгивать глубокие синие траншеи. Вивиан все время помогала Джонатану.

Она попыталась было помочь и Элио, но он лишь отмахнулся и пропыхтел:

– Я прекрасно себя чувствую. Моя работоспособность ничуть не пострадала.

Вивиан ему не поверила. Лицо у Элио, затуманенное защитной пленкой, явно перекосилось от боли. «Что сделает Вековечный Уокер, если выяснится, что Элио и правда серьезно ранен?» – размышляла она, и тут Сэм нацелил металлоискатель на склон высокого белого холма впереди, и прибор громко и отчетливо запищал.

– Поймал! – завопил Сэм. – Вот он! Элио, вы захватили чем копать?

– Копать не понадобится, – послышался с вершины холма негромкий голос.

Все разом вздернули головы и посмотрели на стоявшую там серебристую фигуру. Насколько они могли судить, это была женщина. Различить ее было непросто, поскольку она словно бы состояла из нагроможденных друг на друга облаков серебристой струящейся белизны.

«С ног до головы в серебре, – вспомнила Вивиан, – под стать своему веку, когда люди творят и убивают чудесными способами». Да она же состоит из множества слоев защитного костюма! Под серебряными слоями Вивиан еле-еле различила лицо – кажется, очаровательное.

– Это вы – Страж Серебряного ковчега? – спросил Сэм.

– Верно, – ответила женщина. Она чуть-чуть картавила, словно говорила с иностранным акцентом. Вивиан видела, как зашевелились ее алые-алые губы – вроде бы улыбнулись, – и женщина добавила: – Почему же вы пришли искать меня и мой ковчег за два дня до назначенного срока?

– Некий вор хочет украсть его, мадам, – отвечал Элио. Голос у него звучал сипло и натужно. Вивиан не сомневалась, что это от ужасной боли. – А это приведет к разрушению Города Времени и, возможно, вызовет и катастрофическую нестабильность истории в целом. Поэтому мы считаем, что вам следует немедленно доставить ковчег в Город Времени, чтобы обезопасить его, а он позволит нам выявить механизм действия всех остальных ковчегів, особенно Свинцового.

Джонатан держал обе руки козырьками над глазами, чтобы рассмотреть Стража.

– Нам надо срочно, – сказал он. – Понимаете, мы считаем, что ковчегі притягивают друг друга, а если так, Серебряный поможет нам найти Свинцовый, пока не поздно.

– Как, у вас нет Свинцового ковчега? – Женщина явно такого не ожидала.

– Пока нет, мадам, но мы знаем, что он в Городе Времени, – сказал Элио.

– Свинцовый ковчег в Городе Времени! – объявила женщина. Голос ее зазвенел, сильный и умиротворяющий. – Его можно найти, если привлечь его при помощи Серебряного ковчега. Превосходно. Если Серебряный ковчег так сильно вам нужен, я нарушу возложенные на меня обязательства и передам вам ковчег.

И, к их великому удивлению и облегчению, высвободила руку из-под струящихся одежд – узкую, серебристую, – и в руке этой было большое блестящее яйцо. Когда Элио неловко подковылял к Стражу и взял ковчег, Вивиан увидела, что яйцо все в чудесных узорах, словно кружевное. И смутилась: очень уж оно напоминало пасхальное.

Но миг забыла об этом. Краем глаза она уловила промельк чего-то белого. Обернулась – и увидела, как маленькая серебристая фигурка проскользнула в синей глубине ближайшей траншеи и поскакала по ухабам за ней.

– Вор! – завопила Вивиан и бросилась в погоню.

Она пробежала по траншее, запрыгала через ухабы, и тут кто-то крикнул ей вслед: «Вивиан!» Она даже не обернулась. Серебристая фигурка мелькала впереди, отблескивая на солнце. Мальчишка несясь со всех ног по неровной земле, и Вивиан точно знала, что бегают быстрее его. В тот раз она его едва не поймала. Он тоже раздобыл где-то защитный костюм, но Железного ковчега при нем не было, и Вивиан была уверена: раз так, ему не удрать в историю. «Ковчеги и есть машины времени!» – осенило ее.

Закоченевшие ноги согрелись, от ледяного воздуха жгло в груди. Вивиан закрыла рот и весело понеслась по изрытой выбоинами земле. Вор обернулся, увидел, что она догоняет его, и отчаянно заметался.

И тут земля ушла у Вивиан из-под ног. Что-то того же цвета, что и белый песок, порвалось у нее под ногами и расселось с влажным треском. Она полетела в глубокую яму. Хорошо еще, палец ее сам нащупал на поясе под костюмом кнопку антигравитации и успел ее нажать, так что она ничего себе не сломала. Вивиан стала легкой в тот самый момент, когда стукнулась о серые камни на дне ямы, отскочила и упала обратно – и замерла, глядя в голубое небо, видневшееся в прореху высоко-высоко.

– Да будь оно все проклято! – сказала она.

Вор опять обдурил ее и сбежал.

– Ты совсем разбилась? – спросил кто-то. Голос был мужской, но высокий, дрожащий и испуганный.

Вивиан постаралась не шевелиться и только осторожно покосилась.

На другом конце ямы сжался в комочек солдат в таком же серебристом костюме, как у нее. Вивиан вспомнила, как с плота упал человек и как он кричал. «Притворюсь мертвой, – решила она. – А он, может, вылезет из ямы и уйдет».

– Я спрашиваю, потому что учился целительству, – все так же нервно и тоненько проговорил солдат. Вивиан не ответила, и он громко вздохнул. – Хочешь верь, хочешь нет, но я человек мирный, – продолжил он. – Пока не начались все эти ужасы, я был большим ценителем искусств. Писал картины, сочинял музыку. Даже написал как-то эпическую поэму.

Вивиан сочла за лучшее и дальше лежать не шевелясь и тихонько закрыла глаза. «Я мертвая, – подумала она. – И последние мои слова были „будь оно все проклято“».

Солдат снова вздохнул:

– Может, если я прочитаю тебе свою поэму, это убедит тебя, что я безобидный. Она в двенадцати песнях, на античный манер, и называется

«Серебряное море». Первая строка – «Разум пою и мужей», потому что поэма воспеваает великие цивилизации, некогда процветавшие на побережье этого моря. Ты следишь за моей мыслью? Ну что, читать?

«Нет! Уйди, пожалуйста!» – подумала Вивиан.

Над головой закрипели шаги. В узкую прореху наверху на нее посмотрело обтянутое пленкой лицо Элио.

– Мисс Вивиан? – окликнул он.

Голос у него был сиплый и неверный.

Вивиан тут же села. Солдат, вместо того чтобы убивать ее, вжался в стену ямы.

– Ой! Элио! – крикнула Вивиан. – Вы побежали за мной и сделали себе хуже!

– Вы целы? – отозвался сверху Элио.

– Да! – крикнула Вивиан. – Тут внизу солдат, но, по-моему, ему повредило мозг во время боя!

А вот этого говорить не стоило. Элио тут же включил антигравитацию и спорхнул вниз. Ему было больно даже от этого. Он охнул, когда приземлился, повернулся к скорчившемуся у стены солдату и прохрипел:

– Если вы причинили вред этой юной леди, вам не миновать расплаты!

Солдат замотал головой и поднял серебристые руки:

– Я – ни за что! Я художник и человек мирный! Я и вправду повредился умом, но не в бою!

На это Элио только закричал и тяжело сел на землю рядом с Вивиан, отдуваясь. Это, похоже, заинтересовало солдата. Он оторвался от стены и осторожно пополз в сторону Элио, чем сильно напугал Вивиан.

И она очень обрадовалась, когда наверху загремел голос Сэма:

– Они здесь!

Солдат тут же метнулся обратно и вжался в стену.

– Держись за меня! – крикнул Сэм. – Потом нажимай кнопку и прыгай!

Прореха наверху потемнела. Вивиан сообразила, что сейчас будет, и вскочила как раз вовремя, чтобы отпихнуть Джонатана и Сэма, когда они плюхнулись вниз, потому что у Джонатана перегрузилась антигравитация. Так что они и Элио не придавили, и упали по другую сторону от солдата.

– Ой! – скривился Джонатан. – Это еще что такое?

– Убежище, – ответил Сэм, – и в нем солдат.

Джонатан раздраженно фыркнул и нажал кнопку зрительной функции. Вгляделся в полумрак ямы, хотя мерцание зрительной функции затуманивалось из-за мерцания защитного костюма.

– По-моему, Элио гораздо хуже, чем он говорит, – шепнул он Вивиан. –

Этот солдат или как его там – он цел?

– Он спятил, – шепнула в ответ Вивиан. – Это тот, который свалился с плота, и он, по-моему, попал под рябь.

– Нет, – сказал солдат. – Я не тот.

Он стоял на коленях посреди ямы и беспомощно тянул к ним руки. Теперь, когда на него падал свет из прорехи и Вивиан смогла его как следует разглядеть, она подумала, что в жизни не видела, чтобы голова человека была настолько похожа на череп. Он на самом деле так выглядел. Его защитный костюм оставлял лицо открытым.

– Тот человек упал в нескольких метрах отсюда и, к сожалению, погиб. – Лицо-череп повернулось к Элио. – Прости меня, друг, но ты, кажется, тоже сильно пострадал. Можно, я помогу тебе? Когда-то я был неплохим целителем.

Элио гордо выпрямился, привалясь к стене.

– Благодарю вас, не стоит, – отвечал он. – Это просто царапина. Я сейчас немного отдохну, и мы уйдем. У нас важное дело в другом месте.

Солдат почтительно склонил голову:

– Разумеется. Прошу прощения, а насколько велика эта царапина?

– Не более фута в длину и всего шесть дюймов в ширину, – небрежно отозвался Элио. – Сам не понимаю, зачем я допускаю, чтобы она причиняла мне неудобства.

Он не договорил и половины, когда Сэм, Джонатан и Вивиан хором закричали:

– Ой, Элио! Это серьезно!

– Правда? – Элио вопросительно поглядел сначала на них, потом на солдата.

– Большинство людей сочли бы это тяжелой раной, – подтвердил солдат.

– А я и не знал! – сказал Элио. – До сих пор мне не случалось повреждать плоть. Но, вероятно, я все же неплохо функционировал, невзирая на неблагоприятные обстоятельства. Не могли бы вы починить меня, сэр?

– Попытаюсь, – сказал солдат.

Он подполз ближе и протянул костлявую, покрытую серебряной пленкой руку к посиневшей поврежденной части костюма Элио. Рука еще и не приблизилась к ране, а Элио издал звук, очень похожий на крик, и отпрянул в сторону. Солдат пополз за ним и снова протянул руку. Насколько видела Вивиан, он ни разу не прикоснулся к Элио. Но Элио все кричал и кричал, и Вивиан, Джонатан и Сэм бросились на солдата, чтобы

оттащить его.

– Прекрати! Ты делаешь ему больно! – завопила Вивиан.

– Он его убивает! – сказал Джонатан.

– Это враг! Держи его! – верещал Сэм.

Потом они замолчали и замерли: Элио выпрямился, держа под мышкой серебряное яйцо. Не без удивления провел ладонью по мятому синему боку. Выглядел Элио не очень хорошо. Его лицо лоснилось от пота.

– Должно быть, это была боль, – проговорил он. – Благодарю вас, сэр. Вы подарили мне бесценный опыт, с которым я раньше не был знаком. А царапина, похоже, затянулась.

– К сожалению, я не могу починить твой костюм, – виновато произнес солдат.

Он вернулся на прежнее место у стены, но теперь тоже стоял на ногах. Все испуганно поглядели на него. Он был очень высокий и тощий, как скелет.

– Что ты за существо? – спросил он Элио. – Тебя было не так-то просто починить.

– Я андроид, – ответил Элио. Он сказал это с гордостью – как Джонатан говорил, что он Ли. – А вы, наверное, тоже? Сдается мне, для человека вы довольно необычны.

– Сам не знаю, – ответил солдат. – По-моему, меня создали искусственно, как и тебя. – Лицо-череп повернулось к прорехе в крыше ямы. Солдат вздохнул. – Вот и все, – сказал он. – Женщина ушла, и мне нужно вернуться к работе, ради которой я и был создан. Меня сделали, чтобы я служил Смотрителем Серебряного ковчега Фабера Джона, если тебе это что-то говорит. Но, по-моему, я был плохим Смотрителем.

– Не может такого быть! – воскликнул Джонатан.

– Он чокнутый! – громко шепнул Сэм на ухо Вивиан.

– Боюсь, сэр, вы стали жертвой заблуждения, – вежливо сказал Элио. – Страж ковчега – женщина, и она только что передала мне ковчег. Вот он.

Он взял серебряное яйцо, которое держал под мышкой, и показал солдату.

Солдат улыбнулся и от этой печальной улыбки стал еще больше похож на череп. И покачал серебряной головой.

– Нет, это не ковчег, – сказал он. – Оно даже не серебряное.

Он шагнул вперед и протянул длинный костлявый палец к яйцу. И даже не прикоснулся к нему. Но яйцо с одного конца растаяло и потекло сквозь пальцы Элио, будто воск.

– Видишь? – сказал солдат. – Простейшая пластмасса.

Элио отклеил от ладони серебристое вещество и с сомнением посмотрел на него:

– Вы уверены?

– Открой его, – предложил солдат.

Элио взял яйцо обеими руками и разломил на две половины. И молча показал остальным.

– Что там написано? – спросил Джонатан, вглядевшись в половинки.

– На одной половине, – с отвращением процедил Элио, – значится «Привет с Острова Пасхи». На другой написано «Сделано в Корее. 2339», полагаю, место и дата изготовления. Нам нужно вернуться к той женщине и дать ей понять, что мы знаем, что она обманула нас.

– Она уже ушла, – скорбно проговорил солдат.

– Сейчас разберемся, – сказал Элио. – Я не люблю, когда меня обманывают. А если вы и правда Смотритель Серебряного ковчега, сэр, то эта женщина – биологический человек. Как вы считаете, так ли это?

– Думаю, да, – ответил солдат. – Но она носит много ментальных покрывал, чтобы я совсем ничего не мог с ней поделаться, и точно сказать трудно.

– Вот оно что! Ну конечно, это был многослойный защитный костюм, как же я сразу не догадался! – сказал Джонатан.

А Элио, похоже, приобрел новый бесценный опыт: он разозлился.

– Задета моя честь андроида, – заявил он. – Биологические люди не вправе нас обманывать! Давайте выбираться из ямы. – Он швырнул наземь половинки пластмассового яйца и выпрыгнул из ямы, даже не подумав включить антигравитационную функцию. Разодрал и раскидал порванную маскировку, которой была накрыта яма. Их ослепил яркий солнечный свет.

– Кто-нибудь, возьмите меня за руку! – крикнул Элио вниз, невидимый на фоне сияния.

Вивиан подсадила Сэма на стену ямы. Элио поймал его за машущую руку и выдернул наружу безо всякого усилия. Вивиан и Джонатан включили антигравитацию, и Элио вытащил и их наверх с той же легкостью. Сначала Вивиан почти ничего не видела. Элио зашагал по сверкающей пустыне так быстро, что ей было его не нагнать. А у Джонатана снова потемнела зрительная функция, и он завозился и отстал, потому что пытался одновременно и отключить ее, и поспеть за остальными.

– Мы не туда идем, – просипел Сэм, когда Вивиан, запыхавшись, все-таки догнала Элио. – Тот бугор был вон там.

Вивиан уже нормально видела. Оглядев мозаику синих теней, она

наконец различила одну знакомую.

– Нет, вон он. – Она показала в противоположную сторону. – Я помню ту канаву... ой, нет, не тот! Может, этот?

Они посмотрели на перепутаницу пятен. Пустыня была во все стороны одинаковая.

– Мы заблудились! – закричал Элио. – Из-за минутной слабости я утратил чувство направления! Я начисто забыл, где было то место! – Он с силой ударил себя по голове пультом. – Я ни на что не годен!

– Вы были ранены, – напомнила ему Вивиан.

– Кому нужен андроид, который не может функционировать, если его ранят? – спросил Элио и снова ударил себя по голове.

К счастью, тут подоспел солдат, который любезно помогал Джонатану не сбиться с пути, а то они уже стали побаиваться Элио. То есть это только казалось, будто солдат помогает Джонатану: Вивиан заметила, что каждый раз, когда он протягивает узкую блестящую ладонь, чтобы помочь Джонатану переступить через выбоину или перескочить через траншею, эта рука Джонатана не касалась. А Джонатан при этом вел себя так, словно его крепко поддерживают под локоть. Все повторял: «Спасибо», «Очень мило с вашей стороны» и «Не стоит!» – тем раздраженным тоном, когда тебе навязывают помощь, которая тебе не нужна.

Это сразу убедило Вивиан, что солдат и есть Смотритель Серебряного ковчега. Солнце нежно отблескивало на его узкой серебристой фигуре, поэтому было трудно понять, возникает ли от него такое же ощущение разреженности, как от Железного Стража. На вид Смотритель был такой же плотный, как Хранитель Золотого ковчега. Но его тело серебрилось не из-за защитного костюма. Его неприкрытое, похожее на череп лицо тоже было серебристое.

Когда они подошли, Вивиан увидела, что Джонатан так же сердит, как Элио.

– Вон он, тот холм, – говорил Смотритель своим мягким высоким голосом. – Идите туда быстро и тихо. Эта эпоха была в сильном беспорядке еще до появления той женщины. А сейчас, несомненно, наступил критический дисбаланс. Кругом враги.

Тут Элио все-таки взял себя в руки и внимательно всмотрелся в пустое синее небо. Вивиан и Сэм чуть ли не на каждом шагу нервно оборачивались через плечо. Эти плоты летают так тихо...

– Что это была за женщина? – взорвался Джонатан, когда Смотритель в очередной раз подтолкнул его.

– Представления не имею, – сказал Смотритель. – Я только знаю, что

она окружена ореолом путешествий во времени, как и все вы, и знает о ковчегах. Поэтому, когда они с ребенком здесь появились, я вежливо поприветствовал их, как и вас. Я же говорил, я образованный. И мирно настроен. Но она грубо потребовала отдать ей Серебряный ковчег. «Он нужен нам, чтобы захватить Город Времени», – сказала она. Я, разумеется, отказался. И сообщил ей, что вскоре согласно естественному ходу вещей доставлю ковчег в Город Времени, и тогда она сможет его забрать. Она засмеялась. «Мы хотим получить его сейчас, – сказала она. – Хотим быть готовы, когда город замрет и оборона его ослабнет». А когда я отказался отдавать ей Серебряный ковчег, она достала из-под одеяния Железный.

– Спорим, она мама вора? – сказал Сэм.

– Так или иначе, о свойствах ковчегов ей известно, – печально произнес Хранитель. – Они исполняют волю того, кто ими завладевает. Железный слабее моего Серебряного, но она была защищена одеяниями и направила свою волю на меня – и застала меня врасплох. «Ступай посиди вон в той яме, – сказала она, – и не смей выходить, пока мы не уйдем!» И я вынужден был подчиниться. Я же сказал, я повредился в уме. Вот этот холм.

Холм ничем не отличался от остальных, хотя Вивиан подумала, что узнает широкую синюю траншею за ним – ту, где прятался мальчишка. Смотритель быстро провел их на другую сторону.

Они стояли и уныло смотрели. В белом склоне холма проделали огромную дыру. В глубокой синеватой тени внутри осталась квадратная выемка, красиво выстланная чем-то вроде блестящих перьев. В середине этих перьев была большая яйцевидная вмятина, совершенно пустая. Еще комок перьев носило ветром у подножия холма, где его бросили воры. Серебряный Смотритель понуро подобрал комок и вернул в выемку – перья плыли в воздухе между его ладоней.

– Они забрали ковчег, – сказал он.

– Вот крысы зеленые! – сказал Сэм. – Это же я нашел им ковчег металлоискателем!

– Они ждали, когда мы появимся и покажем им, где ковчег! – горько процедил Джонатан. – Это все я виноват, не надо было столько рассказывать Леону Харди!

При этих его словах Элио обуял очередной приступ отчаяния:

– Я проявил чудовищно низкий интеллект! – завопил андроид. – Я словно гусыня, которой дали высидывать фарфоровое яйцо! Да за такое меня надо отправить в переработку!

Вивиан посмотрела на высоченного Серебряного Смотрителя, который

грустно поник рядом с ней, и сказала:

– Простите меня.

Она понимала, что совершила самую страшную ошибку на свете, когда поддалась на уловку мальчишки, который хотел увести ее подальше от холма. Он сидел в траншее и слушал, дожидаясь удачного момента, чтобы показаться.

– Я больше никому не нужен, – проговорил Смотритель.

Сэм страшно рассвирепел, а поскольку это был Сэм, то свою ярость он выразил оглушительным бешеным ревом:

– НУ Я ИМ ЕЩЕ ПОКАЖУ!

– Да тише! – рассеянно сказал Элио. – Это привлечет внимание солдат.

Уже привлекло. Гулкое эхо голоса Сэма почти сразу же смешалось с топотом ботинок и хрустом песка под подошвами. Из траншей по обе стороны от них выскочили солдаты в серебристых защитных костюмах. Другие солдаты валом повалили через гребень холма. Эхо вопля Сэма еще раскатывалось по сверкающей равнине, а солдаты уже окружили их. Ботинки, блестящие от защитной пленки, топали по песку со всех сторон, в пленников отовсюду целились явные и очевидные ружейные стволы.

– Вот и все, – сказал один из солдат. – Источник возмущения обнаружен. Забирайте их.

Элио обернулся и увидел, что солдат слишком много и биться с ними бессмысленно. И поднял руки.

– Правильно, – сказал один из солдат женским голосом. – Разумно. Всем руки вверх.

Солдаты в пленке шагнули ближе. Вивиан схватили за поднятые руки. Потасили к траншее, и она сразу потеряла из виду остальных. Зато она три раза мельком видела, как солдаты хватают Серебряного Смотрителя, и еще раз хватают, и еще, и каждый раз Смотритель проскальзывал между тянущихся рук – к нему и правда нельзя было прикоснуться.

– С этим что-то странное! – донесся до Вивиан запыхавшийся голос кого-то из солдат, пока ее волокли куда-то в толпе обтянутых пленкой тел. – Схватить его не получилось, пришлось отпустить!

– Он все равно идет за нами, – ответил другой солдат. – Глаз с него не спускать.

«Да, и правда что-то странное, – думала Вивиан, пока ее волоком волокли к траншее. – Что-то странное с этими ботинками. Я уже где-то видела такие ботинки!»

Потом ботинки вместе с ней прыгнули в канаву, и ее на миг охватил леденящий ужас, потому что никакой траншеи там больше не было.

Глава пятнадцатая

Эвакуация

Ноги Вивиан и ботинки вокруг нее с грохотом приземлились на металлический пол. Потом ее резко перетащили на другой пол, твердый, серовато-белый, и на свет, который резал глаза куда меньше, чем сияние Серебряного века. Пол был мраморный на вид и трясся. Но больше Вивиан почти ничего не видела, потому что после ослепительного солнца Балтийской равнины глаза у нее болели и слезились. Заметила она в основном тепло. Ее сразу прошиб сначала пот, а потом озноб, как будто тело только сейчас заметило, как холодно.

— Сэр, Третья экспедиция с докладом из шестьдесят четвертого века, Балтика, — сказал один из солдат в защитном костюме впереди Вивиан. — Мы обнаружили источник возмущения. К сожалению, сэр, вас это вряд ли обрадует.

Чья-то рука привычным движением сорвала пленку с лица Вивиан. Вивиан заморгала, а с нее тем временем содрали остальной костюм. Размытое пространство вокруг прояснилось и превратилось в величественный главный зал штаба Дозора. Кругом были каменные лестницы, с негромким рокотом двигавшиеся вверх и вниз. Посередине стоял круглый павильон, а за ним – полукруг кабинок с временными шлюзами, откуда постоянно кто-то входил и выходил. Такой же полукруг блестящих кабинок был и позади Вивиан, и в самую левую выстроилась очередь мужчин и женщин в доспехах Золотого века. В огромные стеклянные двери виднелась площадь Эпох и колонны людей в разноцветных одеждах со знаменами. Очевидно, там шла церемония, а судя по освещению, было раннее утро. Всего этого с лихвой хватило, чтобы душа у Вивиан ушла в пятки, но мало того: перед ней стоял мистер Донегал, и вид у него был мрачнее некуда.

– Представить себе не могу, о чем вы только думали. – Он посмотрел сначала на нее, потом на Элио, на Джонатана и, наконец, на Сэма. – Вы отдаете себе отчет, что нарушили половину существующих законов и из-за вас история теперь корчится в судорогах? Отдаете или нет? На сей раз поркой дело не ограничится! – сказал он Сэму. Сэм смотрел на отца красными слезящимися глазами и явно не знал, что ответить. Мистер Донегал повернулся к Элио: – Вы меня не просто удивили. Элио, я сражен наповал! Я думал, вы умнее всех остальных жителей Города Времени, вместе взятых, а вы шастаете по Нестабильной эпохе, да еще и потащили с собой шайку детишек!

Глаза у Элио после ослепительного балтийского солнца тоже были красные. Он побелел от отчаяния.

– Умоляю, простите меня, – неловко выговорил он. – У нас появились доказательства, что воры похищают полюса нашего Города, и мы хотели предотвратить кражу. У нас ничего не получилось. Поэтому история и корчится в судорогах. Уже похищены два полюса.

Мистер Донегал не поверил ни единому его слову.

– Тогда почему вы не доложили во Временной Дозор? – бросил он через плечо и повернулся к Джонатану. – Что касается тебя, Джонатан, я даже не представляю себе, что скажет тебе отец! Ты хоть знаешь, что вас ищут со вчерашнего дня? Дженни и Рамона чуть с ума не сошли!

– Нет, я не знал! – Джонатан заморгал под мерцающей полосой зрительной функции. Глаза у него были не такие красные, как у Сэма и Элио, отчего складывалось обманчивое впечатление, что он не очень-то и волнуется. – Если нас не могли найти, виноват Временной Дозор. Это ваши

люди вернули нас в сейчас. А если бы они нас не трогали, мы бы вернулись еще вчера.

– Хватит! – оборвал его мистер Донегал. – Нечего тут стоять и издеваться надо мной, сынок, – тем более после всего того, что из-за тебя было! – Он обратился к одному из дозорных, которые их привели. – Идите скажите Вековечному, что мы их нашли. – А потом остальному отряду: – Отведите их вон туда, к павильону, с дороги. И пусть с места не трогаются, пока у меня не появится время разобраться с ними. Остальные – снять защитные костюмы и надеть противогазовые плащи тридцать восьмого века. У нас там шестеро Наблюдателей застряли в Париже в разгар военных действий. – Он снова исподлобья поглядел на Элио. – Из-за вас мне теперь придется отозвать всех Наблюдателей до единого! Вся история в мгновение ока впала в критический дисбаланс – а все из-за этой вашей выходки! Надеюсь, Хронолог приговорит всех вас к расстрелу! – С этими словами он развернулся и вперевалочку потрусил к движущейся лестнице.

– За мной, – сказал дозорный рядом с Вивиан.

Их с Элио пропихнули через суетящуюся толпу к павильону. Другой дозорный отконвоировал туда же Джонатана и Сэма. Остальные, громко топая, побежали куда-то вглубь здания.

«Ух, ну и влипли же мы!» – подумала Вивиан, глядя вслед блестящему защитному костюму дозорного, которого отправили доложить Вековечному. Дозорный прокладывал себе путь среди прочих дозорных во всех мыслимых одеяниях и был уже у дверей. О том, что скажет Вековечный Уокер, Вивиан даже думать не хотелось. «Дженни из-за меня так переволновалась, а сейчас он в довершение всего узнает, что я даже не его племянница!» – пронеслось у нее в голове.

Когда посланник в защитном костюме дошел до стеклянной двери, она сама собой распахнулась перед ним. Посланник отпрянул. Мимо него в здание проскочила длинноногая фигура в мятой шляпе.

– Ну вот опять! – воскликнул один из дозорных, приставленных к ним. – Он полночи туда-сюда мечется – то в штаб, то из штаба!

– И все утро, – добавил второй дозорный. – Странное чувство юмора у некоторых студентов. Не обращай внимания.

Они повернулись к ним спиной и сурово уставились на Элио.

Вивиан, Сэм и Джонатан смотрели на Железного Стража. Он все скакал в толпе, которая наотрез отказывалась обращать на него внимание, словно что-то искал, – и вдруг замер и словно бы прислушался.

По лицу его расплылась широченная улыбка, и он целеустремленно помчался к свободному пятачку у дверей. Там из ниоткуда возник

Серебряный Смотритель. Они крепко обнялись. Потом отстранились и вгляделись друг другу в лицо. Железный Страж печально помотал головой. Серебряный Смотритель тоже помотал головой – еще печальнее. И оба медленно растаяли в воздухе – только и осталось, что два продолговатых узких световых отпечатка возле двери.

– Бедняги, – сказала Вивиан. – Не знают, что им делать.

– Не они одни, – отозвался Джонатан.

Снаружи все шла церемония. Было ясно, что Вековечный Уокер не появится, пока она не кончится. Мистера Донегала тоже нигде не было видно. Так они и стояли, виноватые и всеми забытые, – только двое дозорных маячили рядом, – и смотрели, как кабинки непрерывно открываются и закрываются, и слушали, как на диспетчеров в павильоне лавиной сыплется сообщения о чрезвычайных ситуациях и как те ищут из них выход.

– Десять ноль два утра, Временной Дозор на связи, – говорила диспетчер рядом с Вивиан. – Наблюдатель, вижу вас в семьдесят девятом году до нашей эры. Сильнейшее извержение вулкана под Помпеями. Наблюдатель, наденьте дыхательный аппарат и изолирующий скафандр, я отправлю к вам кого-нибудь при первой возможности.

Диспетчер рядом с ней в это время говорил:

– Да, Наблюдатель, вижу вас. Девять тысяч восемьсот девяносто второй. По лесу идут женщина с ребенком в одежде шестидесятого века. Сможете отражать атаку разбойников до следующего доклада? Это может быть серьезно. Нет? Тогда я сейчас перенаправлю к вам на помощь отряд из девяносто третьего.

Между тем вниз по лестнице тек поток дозорных в килтах, дождевиках, пончо, балахонах, штанах со штрипками, шортах, в таких сложных нарядах, что их и не разглядишь толком, и в сотне других костюмов. Дозорные спешили к кабинкам, заходили в них и миг спустя возвращались, но уже шатаясь от усталости и поддерживая под руки других в похожей одежде. Иногда те, кому они помогали, были в очень скверном состоянии. Грязные, оборванные, одни озирались с безумным видом, другие были все в крови. У человека в клоунских штанах из раны на голове хлестала кровь. Раненых сразу передавали медикам, которые ждали наготове, а дозорные присоединялись к очереди в грязных костюмах, которая уезжала вглубь штаба по поднимающейся каменной лестнице.

– И правда отзывают всех Наблюдателей, – сказал Сэм, глядя, как человека с раной на голове укладывают на парящие носилки.

– Окопайтесь у французской ракетной базы, – говорила диспетчер в

павильоне. – Дозорные уже в пути, Наблюдатель. Включите ультрафиолетовый проблесковый маяк, чтобы вас заметили.

– Вы подготовили себе личную камеру в этой тюрьме? – спрашивал кого-то диспетчер по другую сторону от нее.

– Непредвиденная революция в Канаде, – сообщал третий диспетчер. – Наблюдатель, держите себя в руках. До вас все равно доберутся, даже если временной шлюз в Монреале разбомбили.

– Горящий корабль подвергся атаке голландского воздушного судна, – говорил между тем еще один голос.

– Выдавайте себя за беженца, Наблюдатель, – советовал ближайший диспетчер. – Тогда вас пропустят за линию исландского фронта, а под Тюбингеном вас кто-нибудь перехватит.

– Медицинский дозор пришел к выводу, что инфекцию переносят лошади, – говорил женский голос в отдалении, и ее заглушили слова другого диспетчера, сидевшего ближе:

– Конечно, Наблюдатель, но сейчас вся история в критическом дисбалансе. Раз беспорядки не докатились до Кардиффа, вам придется подождать еще примерно час.

Элио сокрушенно повесил голову:

– Это все я виноват – позволил той женщине обвести меня вокруг пальца.

– Я виноват не меньше, – сказал Джонатан. – Два раза свалял дурака в двадцатом веке. Вот бы вернуться и все исправить!..

– Да уж, вот бы, – сказала Вивиян. – Тогда у меня появился бы шанс попасть домой.

Потом они стояли молча, только Сэм громко сопел, и слушали, как дозорные в павильоне руководят спасательным отрядом, который в сорок втором веке оказался под бомбежкой биологическим оружием, выводят Наблюдателей из зоны наводнения в Африке в восьмидесятом веке, вызволяют их из самых разных эпох, охваченных войнами, спасают даже одного Наблюдателя, который застрял на угнанном звездолете в 12 648 году. Этот Наблюдатель привлек внимание двоих дозорных, которые их охраняли. Видимо, это был их друг. Оба оперлись локтями на полочку под стеклянными окнами павильона, чтобы послушать, что говорит диспетчер внутри.

– Не так-то просто отправить отряд в космос, – сказал один.

– И не говори, – сказал второй. – Там и Ким Йо мог застрять.

Сэм покосился на них. А когда убедился, что они не обращают на него внимания, засопел на ухо Джонатану:

– Мы еще можем все исправить. Если мы вернемся на станцию, то попробуем перехватить вора до того, как он подойдет к той Бородавочнице. Притащим его сюда и покажем папе.

– А ведь и правда! – прошептала Вивиан.

Элио отодрал защитный костюм с ладони, сунул пульт в руку Джонатану и еле слышно проговорил:

– Он работает и в современных шлюзах. Зайдите в открытую кабинку и отправляйтесь, а я всех отвлеку.

– В. С., ты со мной, – шепнул Джонатан. – Одному мне его не удержать.

– Я ТОЖЕ! – так яростно просипел Сэм, что дозорные обернулись посмотреть на него. – Я тоже есть хочу! – поспешно выпалил он.

Обмануть дозорных было не так-то просто.

– Не повезло, сынок, – заметил один из них, и обратно к павильону они уже не повернулись.

Все стояли, не зная, что делать. Джонатан старался держать пульт так, чтобы его не было видно из-за ноги.

– Наблюдатель Ким Йо, как слышите? – спросила женщина в павильоне. – Отлично. Разработан план, как вам одолеть угонщиков.

Дозорные ее услышали. Они разом повернулись обратно к павильону и стали напряженно вслушиваться.

Тут Элио как с цепи сорвался.

Вот только что он стоял у павильона – а в следующий миг размытым пятном в защитном костюме заметался зигзагами в заполнившей зал толпе.

– Пристрелите меня! – гремел его голос. – Пристрелите меня! Я ничтожество!

Метался он так быстро, что голос доносился словно бы со всех сторон сразу. Вивиан ринулась к полукругу шлюзов и на бегу заметила, как по меньшей мере двое дозорных неуверенно нацелились туда, где Элио вроде бы должен был оказаться в следующий момент.

– Пристрелите меня! Я заслужил! – Элио вспрыгнул на движущуюся лестницу, которая шла вниз, и промчался на ней вверх до середины – он лавировал среди испуганных людей в костюмах, которым от изумления и в голову не приходило его остановить. – Пристрелите меня! – заходилась он.

– Элио, что за глупости? – послышался голос мистера Донегала с середины зала. – Вы очень ценный, никто не собирается вас убивать!

Как дальше развивался этот отвлекающий маневр, Вивиан не видела, потому что за спиной у нее тоже кто-то закричал и она краем глаза заметила, что за ней в погоню бросилась целая толпа дозорных, причем со

всех ног. Джонатан был уже у самых кабинок. Вивиан стиснула зубы и прибавила ходу, чтобы не отстать от него. «Домой! – думала она. – Если меня не поймают, я сейчас буду дома!»

Сэм каким-то чудом поспевал за ней, хотя лицо у него было багровое, и пыхтел он, как паровоз. По счастливой случайности одна из кабинок открылась в тот самый миг, когда Джонатан добежал до полукруга. Они ринулись туда.

Трое Наблюдателей, которые были в кабинке, поспешно выскочили оттуда и выволокли свой багаж. То есть Вивиан предположила, что они все-таки успели выскочить из кабинки, поскольку не попали в 1939 год, когда Джонатан включил пульт. Джонатан мчался, не сбавляя ходу, и на бегу кричал команды яйцу-пульту. И вот они втроем обнаружили, что бегут по пустому перрону на станции, которая, похоже, давно заброшена. Первое, что подумала Вивиан, было: «Какое все грязное и выцветшее – а пахнет-то как!» Потом она замедлилась, и ей пришла в голову вторая мысль: «А где все?!» Сэм скорчился рядом, кашлял и хватал ртом воздух, а Джонатан просто стоял и смотрел. Ни взрослых, ожидающих поезда, ни следа кухни Марти, ни эвакуированных – и ни поезда, если уж на то пошло.

– Что случилось? – спросила Вивиан.

– В истории критический дисбаланс, – ответил Джонатан. – Мы могли бы и сообразить. Изменилось все. Но где-то здесь должен быть отец и другие люди из Хронолога, потому что они сюда отправились. И я велел яйцу доставить нас сюда перед самым прибытием поезда, так что поезд тоже должен быть.

– Давай спросим, – предложила Вивиан.

И они, совсем позабыв, что на них надето, рывком подняли Сэма на ноги и побежали по перрону к выходу. Там стоял удивленный носильщик и смотрел на них сквозь прозрачное окошко для лица, вделанное в остроконечный капюшон. Вивиан поняла, что это носильщик, потому что он был в темно-синей форме, но это был странный дутый комбинезон с темно-синими перчатками.

– Извините, а скоро придет поезд с эвакуированными? – спросила Вивиан, совсем запыхавшись.

– С минуты на минуту, – ответил носильщик.

Говорил он сквозь прозрачную решетку спереди на маске. Глаза из-за маски с любопытством посмотрели сначала на косу Джонатана, лоснящуюся под защитной пленкой, потом на мерцающую полосу на его глазах.

– Так это и есть новейшие защитные скафандры? – спросил он.

– Последнего государственного образца, – поспешно ответила Вивиан. – А где все остальные, кто встречает поезд?

– Внизу, в бункере на площади перед станцией, где же еще, – ответил носильщик. – Вам тоже полагается там быть. Но раз вы в защитных скафандрах, можете остаться. Только держитесь подальше от платформы. Идите сюда.

Они покорно последовали за носильщиком в зал ожидания; по пути носильщик все косился на них, а потом хихикнул из-под маски.

– Чего только правительство не выдумает! В этой экипировке вид у вас такой, как будто вы с небес сошли. Конструкторы могли бы и нимб заодно приделать, чего уж там!

«Бункеры? – думала Вивиан. – Защитные скафандры?» Война явно приняла совсем странный оборот. Но рельсы остались рельсами. И по ним и вправду приближался поезд. Вивиан слышала, как рельсы гудят под колесами.

– Идет! – крикнул им носильщик.

И почти сразу же поезд оказался у перрона. Он испустил какой-то грохочущий вой, от которого Вивиан заткнула уши. Это был не паровоз – ни дыма, ни запаха. Огромное темно-зеленое чудище с острым носом. Когда локомотив с воем проехал мимо и остановился у начала перрона, Вивиан увидела красные буквы на белом фоне: «Радиоактивное топливо. Не подходить». И смотрела как зачарованная, как с грохотом тянутся мимо ряды окошек под козырьками.

– Мы влипли! – Джонатан показал на перрон.

Временной Дозор их выследил. Возле локомотива по двое и трое возникали дозорные, которые гнались за ними к кабинкам шлюзов. Большинство в спешке не успели даже переодеться в костюмы двадцатого века. Видимо, история менялась так быстро, что им было некогда. Двое были в защитной пленке, еще двое – в кринолинах. На одних были короткие килты, на других – прозрачные платья, на третьих – мундиры дозора, а одна женщина была одета в алые перья. Но ничего поделать они уже не могли. Над головой раздался механический голос, и все двери поезда открылись одновременно, как будто автоматические. И оттуда хлынули эвакуированные. Их были сотни.

Сэм, Джонатан и Вивиан мгновенно оказались в шумной толпе беспорядочно метавшихся детей. Кругом замелькали серые шорты, школьные блейзеры, пластмассовые коробки с надписью «Министерство обороны. Радиозащитный костюм», полосатые кепки, школьные сарафаны,

бледные лица, соломенные шляпки, бирки, тощие ноги, заверещали пронзительные лондонские голоса. На другом конце перрона дозорные проталкивались сквозь плотную толпу. Но поток эвакуированных из поезда не ослабевал, и дозорных теснили назад. Похоже, в это зеленое чудище помещалось вдвое больше детей, чем помнилось Вивиан.

«Ну и вид у нас – краше в гроб кладут!» – подумала Вивиан, лихорадочно выискивая в разбухавшей толпе мальчишку-вора. Заметила она и собственное лицо вдали – бледное, испуганное, под синей фетровой шляпкой, – и подумала, что где-то здесь должна быть и прошлая версия Джонатана, но его нигде не было видно. И нигде не было видно узкого крысоватого лица воришки.

– Да нам его в такой куче народу в жизни не найти! – крикнула она Джонатану.

– Придется! – крикнул в ответ Джонатан. – Смотри в оба... Великое Время! Это еще что такое?!

Раздался такой грохот, будто небо расколосось. Вой поезда по сравнению с ним был просто шепотом. Вивиан вскинула голову посмотреть, откуда он доносится, и увидела, как с неба на поезд пикирует что-то огромное и темное. Разглядеть его она не успела. Увидела только, что оно промчалось над самым поездом, а потом с воем взмыло над станцией и исчезло, еще раз расколов небо на прощание. От этого поезд загорелся. Пламя взметнулось высоко-высоко – мгновенно и неукротимо. Стекла в окнах под козырьками разлетелись на мелкие осколки и осыпались на перрон, все заволочло облаками грязно-желтого дыма и резкой удушливой вонью.

Кругом кричали. Где-то включилась сирена и все выла, то выше, то ниже, будто осипший кот, которого укачало.

Носильщик тоже орал:

– Назад! Бегите! Все бегите, пока двигатель не взорвался!

– Домой, в город! – закричал Джонатан. – Надо возвращаться!

Он схватил Сэма за руку и потащил по перрону сквозь пламя и сумрак и мечущихся детей, откашливаясь и на ходу выкрикивая команды пульту. Но было ясно, что яйцо сработает только там, где они появились. Вивиан пристроилась за спиной у Сэма и изо всех сил пихала его вперед. Они проталкивались к концу платформы медленно, как в страшном сне, и Вивиан, как в страшном сне, видела, как их прошлые версии преспокойно идут в противоположную сторону: Сэм в полосатой кепке и тяжелых ботинках, сама Вивиан в севшей синей кофте, не совсем скрывающей фиолетово-желтые полосы, и Джонатан, царственно

выступающий с чем-то похожим на противогазную коробку на веревке через плечо. «Они же погибнут!» – подумала Вивиан, когда три фигуры скрылись в желтом дыму.

– Быстрее! Сюда! – закричал Джонатан, когда Вивиан взгляделась вслед трем фигурам.

Дозорные впереди тоже кричали:

– Сюда! Сюда! Назад, пока тут все не взорвалось!

Большинство эвакуированных детей бросилось на крики дозорных. Они решили, что им велят бежать в ту сторону. От этого Джонатану стало легче тащить Сэма, а Вивиан – толкать его. Целую бесконечную минуту они мчались и мчались вперед вместе с серой толпой в густом дыму. Потом яйцо-пульт сработало. Они мчались через вестибюль штаба Дозора – перепуганные, в перемазанных копотью защитных костюмах, – и в ушах у них еще гремел отзвук какого-то взрыва.

– А ну, вы трое, подойдите сюда! – заорал на них мистер Донегал.

По сравнению с воем и грохотом, который они только что слышали, голос у него был тоненький и далекий. Мистер Донегал яростно махал им руками от павильона. Рядом между двумя дозорными стоял Элио. Голова у него поникла, вид был такой несчастный, что Вивиан сразу поняла: это был не просто отвлекающий маневр, Элио вопил искренне.

– Опять мы сделали только хуже, – сказал Сэм, пока они брели к павильону.

– Ну и дела! – воскликнул у них за спиной высокий голосок с лондонским выговором. – Вот как, оказывается, у них в деревне! Ничего себе, какой огромный грязный эскалатор!

Все вздрогнули и обернулись. Из кабинки следом за ними вышел мальчик-эвакуированный и глядел на движущуюся лестницу. Он держал за руку маленькую сестренку, которая с сомнением показывала на Сэма:

– А мы точно не в рай попали? – Она заметно картавила. – Они прямо как ангелы!

И тут их смела в сторону толпа других эвакуированных, ломившаяся из кабинки у них за спиной. Из соседней кабинки хлынула такая же толпа. Вивиан обнаружила, что все до единого шлюзы в полукруге открылись и оттуда так и текли эвакуированные, приостанавливались, разинув рот, чтобы оглядеть зал, и шагали дальше под напором вновь прибывших.

– По-моему, мы сделали хуже раз в сто, – выговорил Джонатан, когда из дальней кабинки выбралась дозорная в алых перьях, а с ней целая куча крошечных девочек в школьных блейзерах.

Тут из павильона раздался какой-то сигнал – тихое «кряк-кряк», очень

нежное после сирены на станции.

– Сбой в работе временных шлюзов, – произнес механический голос. – Сбой в работе временных шлюзов. Всем, кроме вооруженного личного состава и медицинских служб, покинуть прилегающую территорию.

Мистер Донегал бросился к ним.

– Посмотрите, что вы наделали! – заорал он. – Да я на вас живого места не оставлю!..

– А вот и нет, мы сделали только лучше! – возразил Сэм. – Если бы нас там не было, эти дети погибли бы. Поезд взорвался...

– Какая разница? Эти дети – история! – крикнул мистер Донегал, махнув рукой в сторону толпы эвакуированных.

Все его слышали. Замерли и удивленно уставились на него.

– Он что, уполномоченный по гражданской обороне? – спросил кто-то.

Вивиан сама не знала, как так вышло, но она не сдержалась и заорала на мистера Донегала в ответ:

– Ничего себе история! Это же живые люди! Вы тут, в Городе Времени, только и делаете, что сидите и все изучаете, тошнит меня от вас! Пальцем не пошевелите, чтобы помочь человеку! Это Город Времени во всем виноват! Это вы вечно лезете в историю! А теперь в ней критический дисбаланс, страдают люди вроде этих малышей, а вы только и думаете о том, как бы выручить своих треклятых Наблюдателей!

– Чего ты от меня-то хочешь? – проревел в ответ мистер Донегал. – Что мне делать? Тут их человек пятьсот, этих чертовых детей!

Эвакуированные окружили их плотным кольцом, смотрели и слушали, но Вивиан так рассвирепела, что ее это ни капли не смущало.

– Накормите их и обогрейте! – заорала она в лицо мистеру Донегалу. – У вас в Городе Времени полно всего, вы вроде как всему человечеству помогаете! Ну так и помогите тем, кто тут оказался, от вас не убудет! В городе и так не хватает детей. Стыдно должно быть!

Мистер Донегал занес руку, чтобы ударить ее. Вивиан съежилась и ждала. Но рука не успела опуститься, как прогремел раскатистый голос:

– Браво!

Мистер Донегал сразу будто сдулся и отступил на шаг, а Вивиан подняла голову и увидела, что над ней высится доктор Уайландер в поношенном фиолетовом балахоне. Проницательные глазки, как обычно, смотрели на нее со смехом, но Вивиан понимала, что он на ее стороне.

– Викарий, наверное, – сказал приятелю кто-то из эвакуированных. – А вон те, похоже, епископы и вообще, – добавил он, когда рядом с доктором Уайландером возник Вековечный Уокер и устремил на Вивиан из-под

плоской серебряной шляпы взгляд, исполненный неподдельной муки. Вивиан поняла, что он только что с церемонии.

К мистеру Донегалу пробилась дозорная в алых перьях.

– Сэр, приношу свои извинения. Видимо, из-за взрыва в истории все шляпы разом раскрылись, а теперь не работают...

– Надо полагать, в Городе Времени такой же критический дисбаланс, как и в остальной истории, – заметил доктор Уайландер. – Пойдемте, можете организовать что-нибудь для детей. – Он взял дозорную за покрытое перьями плечо и захромал прочь вместе с ней. – За мной! Дети, дети, все за мной! – раскатился по залу его голос.

Почти все эвакуированные послушно потянулись следом, так что доктор Уайландер и дозорная вышли из зала во главе толпы детей, будто два нелепых гаммельнских крысолова. Но кое-кто остался на месте и смотрел на них во все глаза.

– Вот кому-то повезло, их мамы встречают, – завистливо протянул кто-то.

Это вместе с Вековечным появились и Дженни с Рамоной, обе в церемониальных нарядах. Рамона обняла Сэма, потом встряхнула его, потом снова обняла. Дженни прижала Джонатана к груди.

– Мы так волновались! – твердила она.

Вивиан подняла голову и перехватила смущенный взгляд Джонатана поверх плеча Дженни. Подумала было, что это из-за того, что его обнимают, но потом он сказал:

– Правильно ты сказала про Город Времени. Мы никогда никому не помогаем.

Тут-то и грянул гром.

К ним пробился мистер Донегал – совсем в другом настроении: он весь сиял.

– Рамона! Дженни! Смотрите, кто здесь!

Он привел троих улыбающихся людей. Это были те три Наблюдателя, которые выходили из кабинки, когда туда ворвался Джонатан перед тем, как отправиться в 1939 год. Мужчина был высокий, с точно такими же узкими глазами, как у Дженни, Сэма и Джонатана, в мешковатом твидовом костюме и с фетровой шляпой в руке. На женщине было платье с квадратными плечами, губы ее были накрашены ярко-красной помадой, а светлые волосы убраны под сетку, очень напоминающую сумку Вивиан. Вивиан знала, что это очень модно, но считала, что это просто жуть, хотя все же не настолько жуть, как короткие рукава-фонарики на платьице девочки и ее лакированные высокие ботинки.

– Вив и Инга Ли! – объявил мистер Донегал. – Наконец-то они здесь! Сэм, это твоя кузина Вивиан.

Вивиан тихонько попятилась в толпу эвакуированных – вдруг удастся затеряться среди них. Она не знала, что делать. По обе стороны зала стояли полукруги пустых распахнутых кабинок, и было видно, что они не работают, как и говорила дозорная в красных перьях. Вивиан подумала, что ее мог бы выручить доктор Уайландер, но в зале его уже, кажется, не было. Она огляделась в поисках Элио – и увидела, что его уводят двое дозорных. Между тем вновь прибывшие Ли смеялись, обнимались и здоровались с родными, но Вивиан понимала, что остались считанные секунды до того, как кто-нибудь повернется к ней и спросит: «А это тогда кто?»

А потом оказалось, что все еще хуже. Вивиан узнала человека, которого Дженни так радостно обнимала. Это лицо смотрело на нее из-под шлема того всадника, который хотел убить Джонатана в Золотом веке. А Вековечный Уокер жал руку женщине – и Вивиан знала, что это была та самая рука, которая вручила им пластмассовое яйцо в Серебряном веке. Она помнила эту яркую помаду под слоями защитной пленки. А что касается девочки, которую целовала Рамона, то ее лицо Вивиан узнала бы где угодно. Сейчас оно лучилось улыбкой, а в волосах у девочки колыхался большой голубой бант, но Вивиан живо помнила, как эти глаза смотрели на нее взглядом загнанной крысы, когда Джонатан пытался отобрать у вора Железный ковчег. Интересно, подумала Вивиан, чем занималась эта семейка с тех пор, когда они так поспешно выскочили из кабинки. Наверное, оценивали обстановку и выжидали подходящий момент, решила она.

Джонатан и Сэм тоже узнали воров. Сэм воспользовался тем, что он самый маленький, вынырнул из гущи родственных объятий и рукопожатий и бочком подобрался к Вивиан. Они уставились друг на друга. Сказать было, собственно, и нечего. Миг спустя к ней проскользнул и Джонатан за спиной у дяди. Он был весь белый.

– В голове не укладывается, – шепнул он. – Как ты думаешь, может, они на самом деле занимались всем этим ради блага Города Времени?

– Нет! – разом ответили Сэм и Вивиан.

При этих словах вся компания – мистер Донегал, Вековечный Уокер, Дженни, Рамона и все трое Ли – повернулись и с улыбками подошли к ним. Вивиан сжала зубы. Сэм и Джонатан втянули побольше воздуха.

– Детки, можно вас попросить погулять с нашими Ли по городу? Они отвыкли от здешней жизни, а у нас очень много дел.

Похоже, никому и в голову не приходило спросить, кто такая Вивиан. Вивиан только и могла, что глядеть на Дженни и улыбающихся Ли. Как будто заслуживаешь порки, а тебя не трогают, подумала она. Или еще того хуже. Все словно с ума посходили.

– Как? Прямо сейчас? – оторопел Джонатан.

– Да-да, только вернитесь во дворец к обеду, – ответила Дженни.

– Я никуда не пойду, – заявил Сэм.

– Да ладно тебе! Пойдем-пойдем! – Улыбающийся мистер Ли махнул Сэму шляпой.

И как-то само получилось, что они вместе с Ли двинулись через людный зал за стеклянные двери, а родители Сэма и Джонатана весело махали им на прощание, стоя у павильона.

Глава шестнадцатая

Свинцовый ковчег?

Когда они вышли на площадь Эпох, мистер Ли рассмеялся:

– Пара пустяков! Я и не знал, что Серебряный ковчег такой сильный. Приручил их в две минуты! – Он снова махнул шляпой, и оттуда блеснуло серебром.

Инга Ли похлопала по квадратной белой сумке:

– Ему, наверное, помог Железный. – У нее был легкий иностранный акцент, который запомнился Вивиан по Серебряному веку. – Видел бы ты, что сделалось с Серебряным Смотрителем, когда я нацелила на него Железный ковчег!

– Вот было веселье! – воскликнула кузина Вивиан и заскакала вокруг них вприпрыжку. – А скажи, я умница – нашла серебряное яйцо, чтобы их

одурачить! А ты, мамочка, просто молодчина! Как ловко ты заставила их выдать нам все, что нужно, просто прелесть! – Она перестала скакать. – Земля дрожит или мне мерещится? Пойдем-ка посмотрим, как там камень Фабера Джона. Наверное, в Хрониках Ли и про него правду пишут.

Земля и правда дрожала гораздо сильнее прежнего, и идти по площади Эпох от этого было непривычно. Где-то внизу ощущалось трение и скрежет. Но Вивиан значительно больше тревожило то, что семейка Ли вела себя так, будто их с Сэмом и Джонатаном и вовсе нет. Когда они целеустремленно зашагали через площадь к камню Фабера Джона, Вивиан попробовала окликнуть ближайшую группу туристов, которые спешили мимо. И обнаружила, что не может. Она вообще ничего не могла, только идти следом за Ли. Это было очень страшно. На площади и так почти никого не было – и это тоже было странно, если учесть, что здесь только что закончилась церемония. Разве что разрозненные компании туристов там и сям, и все шли в одном направлении – на проспект Четырех Веков. Вивиан видела вдали нескольких человек в церемониальных мантиях и городских пижамах, но все спешили прочь. Не спешили только несколько маленьких групп эвакуированных детей, которые умудрились не поддаться попыткам доктора Уайландера что-то организовать. Троица Ли прошагала мимо нескольких стоек грязных маленьких фигурок с пластмассовыми коробками, на которых виднелись наклейки «Военное министерство».

– Ну прямо Голливуд! – донеслось до Вивиан.

Следующая стайка о чем-то спорила.

– Говорю я тебе, никакая это не деревня! – услышала Вивиан. – Ни одной коровы, чтоб им провалиться!

– Да ты серый, как штаны пожарного! – презрительно отозвался другой голос. – Мы ж еще на станции, чтоб ее! Вот от поездов земля-то и трясется!

– Что-то как-то станция больно большая и богатая, – засомневался третий.

Даже если бы Вивиан и могла им что-то сказать, вряд ли они помогли бы им. Когда семейка Ли очутилась у камня Фабера Джона, Вивиан перепугалась не на шутку. Сэм кусал губу, а Джонатан побелел пуще прежнего.

Камень рассыпался на мелкие осколки. Вивиан помнила такие надгробия на церковном кладбище в Луишеме – от древности они превратились в аккуратные горки мраморных обломков. Ли смотрели на камень, и вид у них был донельзя довольный.

– И правда раскололся! – в восторге воскликнула кузина Вивиан. – Совсем как написано в Хрониках Ли, правда, папочка?

– Да, – ответил мистер Ли. – А значит, городу настанет конец всего через час. Мы все успели, несмотря на накладки.

– Не просто успели, любовь моя, у нас получилось идеально, – проворковала Инга Ли. – Ты же не мог знать, что они сначала отправятся в Золотой век. От этих путешествий во времени голова кругом.

– Обожаю путешествия во времени! – Кузина Вивиан пробежалась вприпрыжку вокруг камня Фабера Джона. – Так было весело дурачить этого Железного Стража с его самодовольной рожей, когда мы с Леоном Харди скакали из личного шлюза Ли туда-сюда! А когда он все понял, я взяла и поехала на поезде! Видели бы вы, как перекосило ту бородавчатую тетку, когда я ей выложила все, что про нее думаю!

– Пойдемте к Гномону, – сказал мистер Ли.

И они снова бодро зашагали через площадь к Континууму, и Вивиан, Сэм и Джонатан только и смогли, что пройти по раскатившимся каменным осколкам следом за ними. Инга Ли не без тревоги покосилась на здание штаба Дозора.

– Хвоста за нами нет. Вообще-то, возвращаться через дозорный шлюз было рискованно.

– Дело того стоило, – сказал мистер Ли. – Зато теперь у нас есть заложники.

Когда они дошли до Континуума, на площади Эпох почти никого не осталось. Мистер Ли посмотрел на его башни, а потом на двойные купола Институтов стародавней и грядущей науки, и во взгляде его читалось искреннее восхищение. Кузина Вивиан подскочила поближе.

– А, смешной кривобокий старый Перпетуум! – воскликнула она. – Помню-помню!

Ее отец посмотрел на Перпетуум так же мрачно, как смотрел на Вивиан и Джонатана в Золотом веке.

– Самое полезное место во всем Городе Времени, – заметил он. – Я собираюсь запереть всю эту сокровищницу знаний на надежный замок. С этого дня Фиксированные эпохи должны будут платить разумные деньги за все, что захотят узнать. А этого дурня Энкиана отправлю в историю. Уайландера оставлю и сделаю козлом отпущения. Пусть помучается. Это он дал мне никудышную характеристику, из-за него я застрял в истории Наблюдателем.

– Да, ты говорил, любовь моя, – сказала Инга Ли. – Отдай его мне.

– И мне, – встряла их дочурка. – Я его тоже терпеть не могу. Он назвал меня глупышкой.

Она поскакала вперед, к лестнице на проспект Четырех Веков, а там

взволнованно замахала куда-то вправо. Когда Вивиан догнала мистера Ли, покорно подчиняясь Серебряному ковчегу у него в шляпе, то увидела, что проспект запружен народом. Туристы и горожане с обеих сторон спешили к аркам, которые вели к реке. Длинные очереди горожан выстроились у тех арок, где можно было арендовать лодку, и у всех были сумки и свертки. А за городом, где река Времени вилась среди полей, Вивиан различила на пешеходных дорожках вдоль берегов вереницы торопливо шагающих фигурок – и все они стремились в одну сторону, к временным шлюзам на реке. Это была не совсем паника. Но Вивиан сразу вспомнились хронопризраки, которые рвались в кабинки у нее на глазах, и она поняла, что паника вот-вот начнется. Большинство этих людей придет к шлюзам и обнаружит, что они не работают.

Кузина Вивиан показывала куда-то над головами толпы:

– А это что за красивое здание с синим стеклянным куполом?

– Миллениум, деточка, – сказала ее мать.

– О, а давайте будем там жить, когда захватим город! – сказала кузина Вивиан.

Ее слова застали мистера Ли врасплох.

– Я подумаю об этом, – сказал он.

– Ой, папочка, ну пожалуйста! – Дочурка прильнула к нему, когда они двинулись вниз по ступеням. – Ведь наша мамочка – дочь исландского императора, а мы с тобой – Ли. Годишный дворец совсем не такой великолепный!

– Мы еще не захватили город, – засмеялся в ответ мистер Ли и свернул налево, к Гномону. – Но я подумаю.

Идти по проспекту было трудно. Все остальные спешили в противоположную сторону. Трое Ли довольно ловко маневрировали в толпе, но, конечно, и не думали расчищать место для Джонатана, Вивиан и Сэма. Их постоянно пихали и толкали, а иногда обогнуть спешащих встречных и вовсе не удавалось. А земля здесь тряслась чем дальше, тем сильнее. Кружевные металлические арки все дрожали, и от этого под ними возникало омерзительное ощущение, будто все кругом расплывается. Инга Ли все оборачивалась через плечо куда-то за спину Вивиан. Она так разнервничалась, что у Вивиан пробудилась надежда. Вивиан чуть сдвинулась вбок, столкнулась с полной женщиной, бежавшей ей навстречу, и сумела полуобернуться, прежде чем сила Серебряного ковчег заставила ее снова двинуться вперед.

В толпе в нескольких шагах за Вивиан скользили бок о бок Железный Страж и Серебряный Смотритель. Узкое лицо Железного Стража было

сурово. Лицо-череп Серебряного Смотрителя – угрюмо и печально. Вивиан понимала, почему Инга Ли так нервничает из-за них, но не думала, что от них будет больше толку, чем от эвакуированных детей.

– Не обращай внимания, – успокоил жену мистер Ли. – Наверное, они вынуждены следовать за своими ковчегами.

Они подошли к Бесконечному холму и стали подниматься по ступеням между узорными балюстрадами – зигзагами, туда-сюда. Каждый раз на поворотах лестницы Вивиан мельком видела, как за ними на длинных ногах безмолвно следуют две фигуры – серебряная и бурая. «Ох, только бы они сделали что-нибудь с этими Ли!» – молила она про себя.

Но когда они свернули на последний пролет и башня уже нависла прямо над ними, два Стража просто остановились на площадке у лестницы. Вивиан увидела, как они стоят там рядышком, потому что подсмотрела у Сэма хитрый способ глядеть назад из-под руки. Сердце у нее упало.

Мистер Ли громко и радостно расхохотался, что показало, что нервничал он не меньше жены.

– Вот видишь? Ничего они не могут! – Он раздраженно посмотрел на Гномон, который стоял на холме, будто маяк, и сквозь его окна просвечивало небо, а полуденный колокол в пагоде на верхушке ослепительно сверкал на солнце. – Где же Леон? Я велел ему ждать нас здесь.

– Этот юноша – отпетый мошенник, я тебя предупреждала, – заметила Инга Ли.

– Сам знаю, – ответил мистер Ли. – Но нам нужен был кто-то, чтобы следил за событиями в Городе Времени и предупредил нас, если кто-то что-то заподозрит. Согласись, он прекрасно справился с задачей и уговорил детей найти тебе Серебряный ковчег. И послал этого мальчишку Джонатана прямиком ко мне, чтобы я его убил, когда мы поняли, что он становится опасен.

Они снова говорили так, словно Джонатана и близко нет, а он между тем покорно поднимался по лестнице следом за ними.

– Возможно, Вив, но все же он не предупредил нас, что первым делом они отправятся за Золотым ковчегом. Не доверяй ему, – сказала Инга Ли.

– Не собираюсь, – ответил мистер Ли. – Как только он появится, мы избавимся от него.

Они преодолели последний пролет, пересекли площадку перед башней и вошли в ближайшую открытую дверь. Там стоял дежурный Годишный стражник. Он шагнул им навстречу с широкой улыбкой на морщинистом лице.

– О, мистер Ли! Добро пожаловать домой. Я уж думал, сегодня в Гномон никто...

И умолк. Мистер Ли отмахнулся от него шляпой, будто муху прихлопнул. Стражник повалился навзничь и так и лежал, улыбаясь. Никто из Ли на него даже не посмотрел. Мистер Ли шагнул к витой колонне и поехал на ней вверх. Дочка последовала за ним. Инга Ли помахала сумкой, и Джонатан волей-неволей поехал наверх вслед за кузиной. После этого Вивиан обнаружила, что тоже шагает на загадочную спиральную приступку. Поднялась наверх – и, к собственному удивлению, вышла в ярко освещенный музейный зальчик прямо сквозь сплошное стекло колонны. При этом Джонатан, который был прямо перед ней, тяжело рухнул на пол. Вивиан не могла заставить собственные ноги остановиться, споткнулась об него и тоже упала. Они так и лежали на полу, и она видела, что здесь, в музее, тоже была дозорная. Теперь она лежала, привалясь к витрине, и голова у нее неестественно свесилась.

Из колонны появился Сэм.

– Я не знал... – начал было он и осекся, увидев дозорную.

Следом за ним из колонны вышла Инга. Наверное, она на время отключила Железный ковчег, потому что Вивиан и Джонатан вдруг поняли, что могут двигаться по собственной воле. И попытались встать.

Из-за колонны выскочила кузина Вивиан и изо всей силы пнула их.

– Давно мечтала! – сообщила она. – Это вам за то, что лезли не в свое дело!

– Перестань, Виви, – без особого рвения сказал мистер Ли. В руках у него был чемодан, что его, похоже, необычайно радовало. – Инга, ты только посмотри! Серебряный ковчег переправил сюда все наши вещи, как раз вовремя. Они появились, как только я поднялся. Запри этих троих наверху. Я не хочу, чтобы они путались под ногами, пока мы всё налаживаем.

Стоило Вивиан подняться на ноги, как ей снова пришлось идти – мимо первого на свете автомата, в проход в стене и вверх по лестнице. Когда она дошла до высокой арки, ведущей на следующий этаж, то волей-неволей ловко свернула в нее на залитую ярким-ярким светом звенящую площадку возле механизма исполинских часов.

Там почему-то оказалось, что ничто не мешает ей обернуться и посмотреть под арку. Оттуда следом за ней вышел Сэм, громко сопя и явно изо всех сил стараясь не плакать. За ним появился Джонатан, и лицо у него было тускло-красное. Вивиан услышала, как по лестнице процокали каблочки Инги, и подумала, что та покажется следом за Джонатаном.

Однако вместо этого послышался тихий шелест. Арку закрыла желтоватая каменная плита. Джонатан развернулся и хотел было сунуть ногу в щель. Но не успел. Он со всей силы вцепился в плиту, потом пнул ее, но она не поддавалась – арка закрылась, и Джонатан не мог сдвинуть плиту с места ни на волосок.

Он повернулся к ним. Глаза у него были пустые и отрешенные за темнеющей дымкой зрительной функции.

– Он убил ту дозорную. Сам! Она была жива, когда я вышел из колонны, – сказал он странным придушенным голосом. – А он сбил ее с ног ковчегом, а потом свернул ей шею. Я хотел схватить его, но он и меня тоже сбил с ног ковчегом! – Джонатан закрыл лицо руками, хотя дымка уже совсем почернела, и повернулся спиной к Сэму и Вивиан.

Сэм уселся на стеклянный пол.

– Он мне больше не дядя, – сипло выдавил он. – И она мне не кузина. Я от них отрекаюсь.

Вивиан стояла между ними и не знала, что делать, пока не увидела, как по щеке у Сэма ползет слеза. Тогда она села рядом с ним и погладила его по плечу, обтянутому скользкой защитной пленкой. «Не очень-то она нас защитила от ковчегов, – подумала Вивиан, – но ведь Инга Ли, если вспомнить, намотала на себя целую кучу слоев, чтобы Серебряный Смотритель ничего ей не сделал».

Сэм ничего не сказал, но и руку Вивиан стряхивать не стал. Вивиан сидела, смотрела на звенящее крутящееся сердце часов, слушала тихий гул и нестройное звяканье шестеренок и думала, можно ли в их положении сделать хоть что-нибудь или уже нет. Плакать, как Сэм, у нее не получалось. Все было слишком плохо, чтобы плакать. Она пыталась отогнать мысли о доме и не думать, что случилось с мамой и папой, когда в двадцатом веке все так дико перекопилось. Пыталась не думать, что теперь будет с Городом Времени. Это было непросто. Она чувствовала, как дрожит башня, ровно и непрерывно, – прямо как будто в поезде едешь. И видела, как по стеклянной колонне в середине поднимается большая черная клякса, и все поворачивается, и поворачивается, и преломляется повсюду в разных деталях стеклянного механизма, меняя очертания. Вивиан не сразу поняла, что это мертвая дозорная. После этого она старалась не следить за ней глазами. И радовалась, что Сэм с Джонатаном туда не смотрят. «Каким страшным местом станет Город Времени под властью человека вроде мистера Ли», – думала она, старательно уткнувшись взглядом в коленки. И это натолкнуло ее на мысль, которой она особенно старалась не допускать. А вдруг мистер Ли нарочно оставил

их здесь до тех пор, пока часы не пробьют, чтобы они оглохли на всю жизнь? Как Вивиан ни старалась, думать получалось только об этом. И мириады стеклянных шестеренок прямо перед ней постоянно ей об этом напоминали. Башня дрожала, и из-за этого возникали всевозможные посторонние стеклянные шумы, звяки, бряки и пiski, упорно и настырно перекрывавшие привычный жужжащий гул механизма. Это настолько раздражало Вивиан, что ей ничего не оставалось, кроме как включить часовую функцию и посмотреть, скоро ли полдень.

На запястье загорелись цифры – ну конечно, десять минут седьмого. После путешествий в Серебряный век и потом еще в двадцатый часы в поясе безнадежно сбились и показывали совсем не то время, что в Городе. Теперь ни за что не узнать, когда пробьют огромные часы.

– Вот зараза! – пробурчала Вивиан.

Едва она это сказала, как стеклянный механизм подернулся желтоватым сумраком. Все посмотрели вверх. Окна были закрыты плитами из того же желтоватого полупрозрачного камня, что и стены. Стало не различить, где окна, где стены.

– Замуровывают башню, – сказал Джонатан. – Я слышал, что для всех окон и дверей здесь есть ставни, но, наверное, ими раньше никогда не пользовались. Как вы думаете, это значит, что кто-то снаружи, а Ли не хотят, чтобы они попали внутрь?

Они переглянулись – теперь уже с надеждой.

– Если по колонне можно попасть в музей и обратно, может, и здесь так же? – спросил Джонатан. – Как вы считаете, можно как-то пролезть сквозь механизм?

Сэм вскочил:

– Я попробую. Я самый маленький.

– Но... – Вивиан вспомнила мертвую дозорную. Потом решила промолчать. Сэм уже ловко пробирался среди ближайших шестеренок с зазубренными острыми краями, как у пилы. Ощущение было такое, что его в любую секунду разрежет пополам. – Вернись! – слабым голосом проговорила она.

– Пусть лезет. У него хотя бы будет шанс, – сказал Джонатан. – Больше ничего хорошего нас не ждет. – Он посмотрел в высокий потолок, а потом прямо-таки взвыл: – Это все я виноват! Каждый раз, когда у меня появляется какая-то мысль, я умудряюсь все испортить! Это я нашел им Серебряный ковчег – а потом еще и пошел и сказал Инге Ли, где хранится Свинцовый!

– Заткнись! – рявкнула Вивиан. Ей пришлось отвернуться, чтобы не

смотреть, как Сэм пробирается среди всей этой мерцающей механики. Он как раз протискивался под стеклянным шатуном, который все норовил его прихлопнуть, а сзади на него напирал огромный диск. Поэтому Вивиан напустилась на Джонатана. – Ты хуже Элио! Ни в чем ты не виноват! Все это сделала семейка Ли! А Свинцовый ковчег пока что никто не нашел! Ты бы лучше думал, где он, а не устраивал тут песни и пляски, как... как бешеный андроид!

– На себя посмотри! – парировал Джонатан. Он украдкой покосился на Сэма – тот пробирался под гигантским стеклянным шарниром, который ходил в сумраке туда-сюда, будто изогнутый поршень. Чтобы не смотреть, как Сэма раздавит, он повернулся к Вивиан и рассудительно продолжил: – А Свинцовый ковчег – все, что мы знаем, это то, что он яйцевидный и маленький, потому что Серебряный, наоборот, большой. Помнишь, какого размера была выемка под него? И мы считаем, что он притягивает остальные ковчег.

Тут им с Вивиан пришлось снова посмотреть на Сэма. Тот пятился от шестерни, похожей на циркулярную пилу, а сбоку на него надвигалась другая такая же шестерня, еще больше. От этого зрелища Джонатан рассердился.

– Но если ты знаешь, какой предмет подобного размера притягивается к ковчегам, прошу тебя, скажи мне, потому что я ничего подобного не видел! – рявкнул он.

Сэм плюхнулся на спину на стеклянный пол, и шестерни его не задели.

– Да нет, видел! Мы все видели! – На Вивиан накатил волна облегчения. – Яйцо-пульт! Про которое Элио решил, что оно сломалось! Оно же потащило нас на добрых сто лет вперед следом за Железным ковчегом, а обратно в Город не хотело!

Джонатан некоторое время только смотрел на нее. А потом закричал:

– Сэм! Полежи там минутку, это важно! Ты нас слышишь?

– Ну так, средне, – откликнулся Сэм. – Тут вроде как жужжит. Чего тебе надо?

– Яйцевидный предмет! – очень медленно и членораздельно прокричал в ответ Джонатан. – Темно-серый, более или менее помещается ко мне в ладонь и притягивается к ковчегам.

Из недр гудящей машинерии послышался громкий голос Сэма:

– Ты имеешь в виду тот старый пульт от шлюза? Тот, с которым Элио отправился в Серебряный век, а потом очутился среди голых тетенок?

Джонатан и Вивиан вцепились друг в дружку.

– Да! – крикнула Вивиан.

– Сэм! Это яйцо – Свинцовый ковчег! Понятно? – отдельно прокричал Джонатан.

– Не слышу! – сердито ответил Сэм. – По-моему, ты сказал, что это яйцо – Свинцовый ковчег.

– Да, да, верно! – разом крикнули Джонатан и Вивиан.

Настала краткая пауза, полная гула и перезвона. Потом Сэм крикнул:

– Кому сказать?

– Если выберешься, скажи доктору Уайландеру! – крикнул Джонатан. И повернулся к Вивиан: – Уайландер, похоже, понимает, что за человек мой дядя. А если Сэм его не найдет, тогда кому?

– Никому, на кого мистер Ли воздействовал Серебряным ковчегом, так, на всякий случай, – ответила Вивиан. И поскольку ничего лучше в голову не пришло, крикнула: – Мистеру Энкиану!

– Мистеру Энкиану? – отозвался Сэм. – Хорошо.

Он пополз к стеклянной колонне, по-прежнему лежа на спине. Примерно через фут дорогу ему перегородила шеренга стеклянных стержней, и ему пришлось встать и бочком обогнуть их. Дальше мельтешило сразу много стеклянных деталей, так быстро, что и не разберешь, а за ними виднелась колонна. Как только Сэм проскользнул за стержнями и его светлый защитный костюм стало уже почти не различить, ставень на ближайшей арке отъехал в сторону. Вошла кухня Вивиан с пистолетом, взятым у дозорной.

– Вас всех хотят видеть внизу, – сообщила она.

Пистолет в тощей руке с пышным рукавом-фонариком выглядел смешно и нелепо, но Вивиан и Джонатан не сомневались, что кухня Вивиан застрелит их – быстро и безжалостно, не то что Леон Харди. И медленно двинулись за ней. Вивиан Ли прислонилась спиной к косяку, чтобы крепко взять пистолет двумя руками и при этом видеть всю полутемную комнату, полную перезвона.

– А третий где? – спросила она резко. – Тот противный сопляк с рыжей головой.

– Сэм прячется в механизме, – ответил Джонатан. – Застрелишь его – он остановит часы.

– Решил пожертвовать собой, – добавила Вивиан, отчаянно надеясь, что до этого не дойдет.

– Вот дурак! – сказала кухня Вивиан. – Эти часы вообще не остановишь! Вылезай! – заорала она. – Тебя там раздавит, только и всего!

Ни Вивиан, ни Джонатан не смогли удержаться и все-таки посмотрели туда, где только что был Сэм. И Сэму удалось выбраться. Они увидели, как

его защитный костюм переливающимся пятном медленно поднимается по середине колонны.

– Ну и торчи здесь – все равно оглохнешь, когда часы пробьют! Уже без десяти двенадцать! – крикнула кузина Вивиан. Подождала, не решит ли Сэм вылезти. Вивиан и Джонатан устали в стеклянный пол, чтобы не проводить взглядом мерцающее пятно. – Ну и ладно! Сиди там! – Кузина Вивиан дернула ствол. – Я сняла его с предохранителя! – предупредила она.

Пришлось им пройти мимо нее вниз по лестнице, старательно не глядя на колонну. Снаружи до самого низа ведет лестница, думала Вивиан. Когда часы пробьют, он будет уже далеко.

В музее царил почти такой же желтоватый сумрак, как и в комнате наверху. Все окна были забраны ставнями, кроме одного, которое выходило прямо на проспект Четырех Веков. Музейные витрины оттуда отодвинули в стороны, и родители кузины Вивиан налаживали на освободившемся месте какое-то устройство. Два ковчега были уже в нишах. Вивиан видела их – сначала они были темные и искаженные толщей стекла, а потом, когда колонна медленно повернулась, оказались на виду: один – плоская железная коробка, тронутая ржавчиной, второй – большое серебряное яйцо, украшенное жемчугом и красными камнями, сверкавшими из завитков оправы.

– У меня только два, – сказала кузина Вивиан. – Третий забрался в часы.

Инга Ли обернулась:

– Самый маленький? Он такой маленький, что еще доберется до колонны, чего доброго! – испугалась она.

Мистер Ли даже не обернулся:

– Ну доберется, что с того? Я задвинул все ставни в пагоде с колоколом. Ничего он не добьется, разве что устроит себе тугоухость тяжелой степени. Ни в башню, ни из башни никому не пробраться, а Сэм нам пока не понадобится. Виви, води сюда этих двоих. Они нужны мне сейчас.

– Зачем мы вам? – спросил Джонатан.

– Замолчи, – сказал мистер Ли. По голосу было ясно, что он не шутит. Вивиан и Джонатан подошли к окну, не осмеливаясь ничего больше говорить. – Стойте там. – Мистер Ли отпихнул их к стене сбоку от окна. – И помните, вы мне нужны только как заложники. Поэтому ведите себя тихо, пока часы не пробьют и сюда не прибудет Золотой ковчег. После этого я вас, может быть, и отпущу.

– А зачем вам потом понадобится Сэм? – спросил Джонатан.

Мистер Ли засмеялся:

– Чтобы продолжить династию Ли! Виви, ты же не возражаешь, если твой муженек окажется глухим?

Вивиан стояла, вжавшись спиной в простенок окна, и не видела, какое лицо стало у кузины Вивиан, поэтому не знала, что та подумала. Джонатан рядом с ней сунул в рот кончик косы. Вивиан не сомневалась, что он думает о Сэме – о том, как тот сидит возле тела мертвой дозорной и ждет, когда оглохнет. Спуститься с башни можно было только по внешней лестнице, а судя по тому, что сказал мистер Ли, между Сэмом и лестницей сейчас глухие ставни.

– А! Вот идут! Что, почуяли неладное, недоумки? – сказал наконец мистер Ли.

Вивиан вытянула шею из-за Джонатана. По зигзагообразной лестнице в Гномон спешил отряд дозорных и еще какие-то люди. Впереди, прыгая через две ступени, мчался мистер Донегал. Вивиан заметила и Вековечного Уокера – тот шагал позади него рядом с доктором Леоновым, главным ученым, а между ними высилась массивная фиолетовая фигура доктора Уайландера. За ними торопились и не поспевали самые разные люди, в основном дозорные и Годичные стражники, но среди них точно была Петула и, кажется, Рамона. А совсем позади них по самой середине проспекта Четырех Веков несли мистер Энкиан в развевающихся одеждах.

– Этот андроид с ними – рядом с Уайландером, – сказала Инга Ли. – Я думала, мы все устроили, чтобы его арестовали.

– Должно быть, выбрался на свободу и оповестил остальных, – заметил мистер Ли. – Не такие уж они и страшные. Признаться, я ожидал более слаженных действий!

Вивиан подозревала, что мистер Донегал способен на такие слаженные действия, что мистеру Ли и не снилось. Кусты за лестницей слегка шевелились, и вообще складывалось впечатление, что очень много народу старается незаметно окружить Бесконечный холм. Пока она всматривалась в кусты – действительно ли там виднеются мундиры дозорных, – до нее донесся легкий перестук. Он доносился снаружи башни и где-то сверху. Джонатан тоже еле заметно дернул головой и замер, весь окостенев: он тоже слышал. «Неужели шнурок развязался?!» – подумала Вивиан. Ноги Сэма были обтянуты защитной пленкой. Но на слух было очень похоже. И перестук шел вокруг башни и спускался все ниже и ниже – и здесь его в любой момент могли услышать Ли.

Вивиан посмотрела на мистера Ли. Он улыбался и держал перед лицом

какой-то металлический кругляшок. И говорил в него.

– Стоять! – прогремел его голос снаружи башни. – Не подходить ни на шаг. Абдул, это говорит Вив Ли.

Поднимавшиеся по ступенькам люди заколебались. Их лица обратились к окну, но никто не остановился.

– Я сказал – стоять, – прогремел голос мистера Ли. – Мы захватили Гномон, и здесь у нас два так называемых полюса Города Времени. Мы готовы в любой момент направить силу полюсов на всякого, кто подойдет ближе. Очистить лестницу!

Группа на лестнице остановилась. Все-таки они действовали не так слаженно, как надеялась Вивиан. Переглядывались, что-то друг у друга спрашивали. Она изо всех сил прислушалась, но никакого перестука шнурков до нее больше не доносилось. Потом один из дозорных перелез через каменную балюстраду возле мистера Донегала и вручил ему что-то. Они слышали его голос, как будто он стоял прямо рядом с ними.

– Вив, ты спятил! Что ты там затеял?

– Хочу захватить Город Времени, – прогремел мистер Ли. – Через шесть минут он замрет в конце времен. Тогда в Гномон доставят Золотой и Свинцовый ковчег. Я запрещаю вам так или иначе мешать доставке ковчегов. Очистить лестницу.

– Вив, по-моему, нам нужно это обсудить, – тихо предложил голос мистера Донегала за плечом мистера Ли.

– Делай, что я говорю! – прогремел мистер Ли. – У меня заложники. Чтобы вы понимали, что я тут не шутки шучу, для начала пристрелю одного из них.

Он кивнул дочери. Та ткнула стволом в руку сначала Вивиан, потом Джонатану и подтолкнула их к окну, откуда их, несомненно, прекрасно видели все те, кто столпился внизу, задрав головы. Мистер Ли забрал пистолет у дочери и помахал им – тоже чтобы все видели. У Вивиан возникло ощущение, что все это не по-настоящему. Как той первой ночью в штабе Дозора. Будто в фильме. Пожалуй, это и к лучшему, подумала она.

– Видите их? – прогремел мистер Ли. – Застрелить кого-нибудь?

В толпе снова поднялась суматоха. Завертелись головы. Замахали руки, подавая знаки тем, кто замешкался и сейчас оказался на пролет ниже.

– Так я и знал, что он опасен! А эта его женушка... – раздраженно проговорил голос мистера Донегала.

После чего раздался щелчок – это он выключил громкоговоритель и замахал всем, чтобы отошли в сторонку на лестнице. Все некрасиво и торопливо шархнулись к балюстраде и перелезли, помогая друг другу, в

кусты.

Кончик косы хрустнул в зубах Джонатана. На лестнице остался Элио – небольшая бледная фигурка в защитном костюме. К нему по ступеням шагали два Стража – один узкий и серебристо-мерцающий, другой высокий и весь в тускло-коричневом, и от них на Элио падали сумрачные, не вполне настоящие тени, отчего он казался совсем крошечным.

– Инга! – рявкнул мистер Ли. – Перехвати, что эти твари друг другу говорят. Быстро! – Он приставил ствол к голове Джонатана, и ни Джонатан, ни Вивиан не осмеливались пошелохнуться. Только скосили глаза и увидели, как Инга Ли щелкает переключателями на своем устройстве.

Раздался скрежет и лязг, словно целая армия маршировала по жестяным листам. На фоне этого скрежета послышался слабый голос Элио: «Свинцовый ковчег». С этими словами Элио повернулся и перепрыгнул через балюстраду в кусты. Стражи замерцали и пропали из виду, и на ступенях остались только два узких тусклых световых пятна.

– Похоже, эти твари дают какую-то интерференцию, – раздраженно бросила Инга Ли. – Не могу перехватить, о чем они говорят в кустах.

– Зато эти двое Стражей убралась с лестницы, – сказал мистер Ли.

Он передал пистолет дочери и повернулся, чтобы помочь жене. Из устройства снова донесся жестяной хруст и скрежет.

Голос, похожий на голос Элио, сказал:

– Не можем найти...

– Откуда взялись остальные Стражи? – спросила кузина Вивиан.

– Из временного шлюза внизу лестницы... Не мешай! – бросил ее отец.

В этот момент мистер Энкиан – очевидно, так себе бегун – добрался наконец до подножия лестницы. Он прислонился к балюстраде, чтобы отдышаться перед подъемом. И Вивиан увидела, как к нему из-за холма усталой трусцой вперевалочку приближается маленькая фигурка. Это был Сэм. Вивиан узнала его в основном по походке, потому что в остальном он был похож на бесформенный растрепанный куль. Защитный костюм, похоже, разодрался на тысячи развевающихся полосок.

Джонатан с силой ударил ее локтем в бок. И они бросили все силы на то, чтобы отвлечь семейку Ли.

– Есть хочу! – заявил Джонатан. – А тот автомат, между прочим, работает до сих пор.

– Правда? – громко воскликнула Вивиан с неестественным восторгом. – Прямо до смерти хочется масляного парфе!

– Папа, а можно я включу автомат? – спросила кузина Вивиан.

Вивиан одним глазом видела, что мистер Энкиан не слушает Сэма. А просто сердито отмахивается от него.

– Только отдай пистолет маме, Виви. – Мистер Ли по-прежнему копался в скрежещущем устройстве.

Вивиан одним глазом увидела, как тощая рука кухни Вивиан протянулась, чтобы передать пистолет Инге Ли. Вторым глазом Вивиан увидела, как из кустов фиолетовым китом вздымается доктор Уайландер и с хрустом топают вниз, к Сэму. Когда зигзаги лестниц загибались в нужную сторону, он перепрыгивал через балюстраду, взметнув балахон, и перескакивал по три ступеньки огромными тяжелыми хромыми прыжками. На площадках, где лестницы загибались в ненужную сторону, он снова перепрыгивал балюстраду и топал напрямик сквозь кусты. Мистер Энкиан еще отмахивался от Сэма, когда доктор Уайландер настиг его. Мистер Энкиан сердито обернулся, и они принялись орать друг на друга.

«Нашли время устраивать очередную свару!» – подумала Вивиан, глядя другим глазом, как кухня Вивиан достает из антикварного автомата горшочек с палочкой.

– Одно масляное парфе! – провозгласила кухня Вивиан, глумливо засмеялась и стала уплетать его сама.

Вниз по холму по тропе, проложенной доктором Уайландером, промчался Элио. Когда он очутился у подножия, Сэм схватил его за руку и вроде бы пустился в объяснения.

– Ах ты злобная свинья! – воскликнула Вивиан: отвлекать Ли надо было любыми средствами. – Я умираю с голоду!

– А она всегда такая была, – вставил Джонатан, которого била нервная дрожь. – Когда мне подарили новый автомат, она налила в него быстросохнущий пластик, пришлось довольствоваться старым.

– Так тебе и надо, нечего быть таким зазнайкой! – ответила кухня Вивиан. И закрыла глаза от наслаждения. – Ой, я и забыла, какие они восхитительные!

Когда Вивиан отвернулась от нее и выглянула в окно, у подножия лестницы уже никого не было. Даже мистер Энкиан куда-то подевался.

Мистеру Ли надоело возиться с устройством-усилителем, и он его выключил.

– Все равно уже никто ничего не успеет сделать. – Он напряженно уставился на наручные часы. – Без одной минуты полдень.

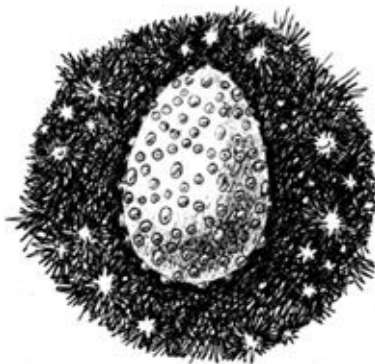
Они ждали, и минута тянулась бесконечно. Джонатан включил функцию часов. Двадцать девять минут седьмого. Они смотрели, как зеленая светящаяся секундная стрелка обходит циферблат, а минутная

приближается к половине седьмого. Секундная стрелка прошла две трети пути, когда Вивиан увидела вдали, на проспекте Четырех Веков, какое-то размытое пятно. Оно все приближалось с головокружительной скоростью, и она увидела, что это Элио – Элио, бежавший до того быстро, что Вивиан и не поверила бы, что так можно. Он приближался и делался все больше, будто в увеличительном стекле. Она видела, как молотят в мостовую его ноги, как машут руки, как покачивается голова из стороны в сторону, и понимала, что он бежит на предельной скорости. Но чем быстрее приближался Элио, тем быстрее двигалась секундная стрелка на руке Джонатана. Уже почти половина. Вивиан слышала над головой звяканье и шуршание – это механизм бесконечных часов приспособлялся к дрожанию башни и готовился пробить.

«Элио несет сюда яйцо-пульт, – подумала Вивиан, – но вдруг это не Свинцовый ковчег? А вдруг это он, но тогда Элио только поможет семейке Ли завладеть им?»

«Баммм», – сказали огромные часы, и все кругом загудело.

И в этот самый миг к ступеням подошел высокий юноша в зеленом и стал уверенно и беспечно подниматься.

Глава семнадцатая

Фабер Джон

Юноша был не хронопризрак, а Хранитель собственной персоной, и он нес Золотой ковчег. На ступени от юноши падала плотная тень. И вообще он был весь плотный и уверенный. Элио еще бежал куда-то вбок. Хранитель шагал пружинисто – ведь он исполнял свой долг – и уже преодолел половину лестницы.

«Баммм», – сказали часы во второй раз, и все кругом снова загудело. Вивиан высматривала Элио, но он, судя по всему, уже добежал до кустов. Видно было только пружинисто шагавшего Хранителя.

– А вот и наш Золотой ковчег! – победно объявил мистер Ли сквозь гул.
«Баммм», – раздался третий удар.

И тут Хранителю вдруг стало трудно идти. Он переставлял ноги по ступеням с таким трудом, словно его башмаки весили тонну каждый.

«Баммм», – грянул четвертый удар. Хранитель едва выбрался на первую площадку, – чтобы преодолеть ее, ему приходилось подтягиваться, вцепившись в балюстраду. Но он упорно, шаг за шагом двинулся вверх по второму пролету, волоча тяжеленные ноги.

– Теперь мы знаем, что ему мешает, – проговорил мистер Ли, когда раскатился пятый удар. – Два треклятых Стража.

Железный Страж и Серебряный Смотритель возникли из воздуха у подножия последнего пролета перед башней. Они стояли и ждали. Вивиан смотрела на них – и краем глаза уловила на склоне за ними, у самой тропы, которую проложил через кусты доктор Уайландер, что-то фиолетовое и отблеск защитного костюма. И поняла, почему Хранителю трудно идти. Из-за яйца-пульта. Это и был Свинцовый ковчег. Они правильно догадались. Элио сделал из него своего рода магнит, чтобы притянуть Золотой ковчег. Но андроид не отваживался показываться на глаза, чтобы Ли не убили кого-нибудь из заложников. Поэтому там, где лестница оказывалась на виду, Элио мог двигаться только в обход, по поломанным кустам.

А вот и доказательство: когда раздалось следующее титаническое «баммм», Хранитель еле-еле тащился к башне по последнему пролету. Но у второй площадки в кустах засел Элио. Хранитель споткнулся и едва не упал на колени. Вивиан видела издали Золотой ковчег – высокий, тяжелый, сверкающий. Хранитель гордо нес его перед собой, так что для того, чтобы преодолеть площадку, у него оставалась только одна свободная рука.

– Он же так не доберется до верха, – испугалась Инга Ли.

– Этого мы не знаем. Он всегда исчезает при двенадцатом ударе, – возразил мистер Ли. – Виви, дайка мне Серебряный ковчег. Надо, пожалуй, помочь Хранителю.

«Баммм», – прогремели огромные часы. Вивиан уже сбилась со счета. Кузина Вивиан, которая медленно лизала свое масляное парфе, чтобы растянуть удовольствие, двинулась к колонне. Когда она вернулась с массивным яйцом в жемчужных узорах, Хранитель уже полз на коленях, но все же приближался к концу третьего пролета. По тому, как колыхались кусты, Вивиан видела, что там, кроме Элио, прячется еще довольно много народу – они выстроились цепочкой и помогали удерживать Хранителя. Мистер Ли взял жемчужное яйцо и склонился над ним, и оставалось только надеяться, что он ничего не заметит. «Удивительно, – подумала Вивиан. – Когда Хранитель был хронопризраком, я смотрела на него и мечтала, чтобы он добрался до башни. А теперь мне надо только одного – чтобы он сюда не попал!» Джонатан рядом с ней затолкал в рот чуть ли не всю косу.

Дальше зигзагообразная лестница вела прочь от Свинцового ковчега. Помощь мистера Ли придала Хранителю сил, и он упорно тащился вверх по очередному пролету, пока гроыхал следующий удар. Но на площадке прямо-таки застрял. Похоже, три ковчега уравнились и пригвоздили его к месту.

– Дай мне Железный ковчег, быстро! – скомандовала Инга Ли.

На этот раз кузина Вивиан бросилась бегом и вернулась как раз тогда, когда огромные часы снова сказали: «Баммм».

Она вручила матери ржавую квадратную коробку и проныла:

– Мы же все равно победим, да?

– Конечно. Мы на это рассчитываем. – Инга Ли положила пистолет на усилитель и склонилась над Железным ковчегом.

Вивиан все смотрела искоса на зеленую фигуру, едва-едва ползущую по лестницам, и видела, что за сила ей мешает. От этой силы воздух вился и скручивался в почти невидимые смерчи, и, когда часы снова пробили, залив все вокруг рокочущим гулом, Хранителя стало трудно различить. Он превратился в размытый зеленый мазок – и все же двигался вверх. Когда гул слегка улегся, Вивиан увидела, что выходящая в воздухе сила вздымается вверх и накрывает двух поджидающих на лестнице Стражей, а потом волной накатывает на Хранителя, который обогнул следующую площадку по краю, цепляясь за балюстраду, и пополз по следующему пролету.

«Баммм», – грянули часы. Джонатан пробормотал с набитым ртом: «Одиннадцать». Стражи сдвинулись с места и медленно пошли вниз, навстречу Хранителю. Хранитель, который по-прежнему бережно прижимал свой ковчег к груди, вроде бы поднял голову и посмотрел на них.

– Мы победили, – сказал мистер Ли. – Чтобы встретиться с ним, им придется отойти от башни. А какой он, однако, упорный!

«Баммм», – послышался последний удар. Гул затих, было слышно лишь, как звякает и трясется башня. Вихри силы тоже исчезли – сначала ослабели, а потом осели мягкими завитками.

Хранитель выпрямился – Вивиан даже с такого расстояния видела, что он улыбается, – и пружинисто зашагал навстречу двум Стражам. Когда он поравнялся с ними, Стражи повернулись и двинулись вверх по лестнице по обе стороны от Хранителя Золота. И вот они уже очутились у самого подножия Гномона. Элио и все остальные, кто засел в кустах – похоже, по обе стороны лестницы, – не отставали от них, но было ясно, что Свинцовый ковчег больше не действует.

– Мы победили! – сказал мистер Ли.

Все Ли выпрямились, переглянулись и засмеялись.

– Открой ему дверь, – велела Инга Ли.

– Сейчас, – ответил мистер Ли. – Надо сначала избавиться от заложников. Нам не нужны другие Ли, претендующие на власть над городом, и они слишком много знают. – Он перегнулся через усилитель и взял пистолет.

Вивиан очень захотелось чувствовать себя как в кино, но не получалось. Когда пистолет нацелился на нее, он был до ужаса настоящий. И оказывается, правду говорят, что в последний миг перед глазами пролетает вся жизнь. Вивиан подумала про маму и папу, про Лондон, про войну и Город Времени, и ей захотелось закричать мистеру Ли: «Погодите! Я еще не обо всем подумала!» Джонатан рядом с ней выпустил косу из рта, расправил плечи и царственно вскинул голову.

Но Стражи были уже здесь. По всей башне слышались шорохи – это раздвигались ставни и двери сверху донизу. Желтые плиты на окнах отъехали в сторону и спрятались в пазы в стенах, и в музей хлынул солнечный свет. Глаза у Вивиан заслезились, но она все же увидела, как стеклянная колонна в середине вдруг потемнела: к ним кто-то поднимался. Мистер Ли обернулся и взгляделся в колонну – он не знал, кто это, и не слишком уверенно нацелился туда пистолетом.

Из колонны в музей шагнул огромный доктор Уайландер. Стенки из неведомого вещества вспучились, пропуская его. В одной громадной ладони доктор Уайландер держал яйцо-пульт. В его лапище оно казалось не больше голубинового.

Мистер Ли выстрелил в него – раз и еще раз. Дважды раздался тупой кашляющий треск.

Ничего не произошло, только доктор Уайландер свободной рукой подобрал подол поношенного балахона и крикнул: «Гррррм».

Пистолет с лязгом грохнулся на пол.

– Примите мои извинения, – пророкотал доктор Уайландер Джонатану и Вивиан. – Я не должен был втягивать вас во всю эту мерзость. – На огромном медвежьем лице читалось неподдельное смущение. – Дело в том, что мне, как выяснилось, нужно было взять этот артефакт в руки, чтобы понять, кто я есть на самом деле. Нет-нет! – зарычал он. Это мистер Ли потянулся к Серебряному ковчегу. – Нет-нет. Силу этого ковчега вы истощили, а Железный сейчас борется с этим. – Он поднял великанскую ладонь с маленьким свинцовым яйцом. Воздух над ним замерцал и завился в прозрачные вихри. – Все силы возвращаются на подобающее им место –

в этот ковчег, – продолжил доктор Уайландер. – Это Элио придумал. Но вы, господа Ли, все равно не могли бы победить без Свинцового и Золотого ковчега, а их в башне не было. Просто мы не хотели, чтобы кто-нибудь пострадал. А теперь мне, увы, придется избавиться от вас.

Кузина Вивиан вынула изо рта палочку от масляного парфе:

– Ничего вы от нас не избавитесь! Мы же Ли!

– И что с того? – проурчал доктор Уайландер. – Вы потомки одного симпатичного юноши, который давным-давно случайно прибыл в Город Времени из Китая и женился на дочери тогдашнего правителя. Это, знаете ли, не дает вам никаких особых прав. Я тебе это объяснял, когда тебе было шесть. Итак, как мне с вами поступить? – Он посмотрел на маленькое свинцовое яйцо и задумчиво нахмурился. – Нельзя пускать вас туда, где вы сможете добраться до временного шлюза в Доме Ли, но при этом нужно подобрать Фиксированную эпоху, поскольку от вас не приходится ждать ничего, кроме подрывных действий. Давайте подумаем. Думаю, юной Вивиан лучше всего будет в Древнем Китае...

– Только через мой труп! – закричала Инга Ли. – Моя дочь – наследница исландского императора!

– Тогда я первой устрану вас, пока вы не наделали глупостей, – прорычал доктор Уайландер.

Вихри воздуха над яйцом времени взметнулись вверх и обволокли Ингу Ли. На миг показалось, что она стоит в мокрой траве у низенького домишки, сложенного из грубо отесанных камней. Перед ней расстиралось море, окаймленное льдом, а за ней высилась крутая, покрытая инеем гора. Потом вихрящиеся края повисшей в воздухе ряби сомкнулись, и не осталось ничего, кроме холодного сквозняка и завихрения в том месте, где только что стояла Инга Ли.

– Что ты сделал? – придушенно выдавил мистер Ли.

– Отправил ее в Исландию, – прорычал доктор Уайландер. – Там ей самое место. Таких, как она, там принято называть «возмутительницы спокойствия». А тебе, Вив, к сожалению, остаются лишь последние дни Расселения Земли. Нельзя допустить, чтобы вы с ней снова встретились. Она на тебя дурно влияет. Я отправлю тебя к последнему звездолету, и, если ты как следует попросишь, тебя, может быть, и возьмут на борт. Но ручаться не могу.

От яйца снова вздыбилась рябь. Мистер Ли очутился на жарком с виду бетонном поле, где там и сям виднелись остатки кирпичной стены.

– Не надо! – закричал он. – Я исправлюсь!

– Ты уже несколько раз так говорил, – прокряхтел доктор Уайландер, и

рябь снова сомкнулась, оставив по себе раскаленный ветер и химический запах на том месте, где был мистер Ли.

А доктор Уайландер повернулся к кухне Вивиан.

Кузина Вивиан склонила голову набок и держала горшочек с парфе, будто букетик цветов. По щеке у нее возле носа соскользнула кокетливая слезинка.

– Дядя Хэкон! За что ты меня так? – пролепетала она, нарочито шепелявя. – Мне всего одиннадцать лет!

Доктор Уайландер собрался было ответить, но Вивиан поспешно встряла:

– Доктор Уайландер, пожалуйста, подождите минутку!

Крошечные глазки взглянули на нее, и в них проскользнуло веселье. Огромная голова кивнула.

– Спасибо! – сказала Вивиан.

И бросилась на кухню Вивиан. Схватила ее за руку с масляным парфе и ткнула ей горшочком прямо в глаз. Потом отняла парфе и затолкала его в вырез нарядного голубого платица кузины Вивиан. Кузина Вивиан визжала, брыкалась и отбивалась, но Вивиан в этом деле уже наловчилась и держала масляное парфе под оборками на груди кузины Вивиан, пока холодная часть не растаяла, а горячая не вытекла.

– А-а-ай! – завопила кузина Вивиан.

Вивиан ее выпустила.

– Весь день об этом мечтала! – выдохнула она.

– Я не могу показаться в Китае в таком виде! – завизжала кузина Вивиан.

Однако пришлось. Она еще визжала, когда ее накрыло рябью. Вивиан и Джонатан с большим интересом смотрели, как на миг возникла улочка за пеленой дождя и домик с загнутой по углам кверху крышей. Человек в стеганом халате под большим зонтиком остановился и посмотрел на кухню Вивиан поверх длинных усов. Было видно, что он не верит своим узким глазам, но пытается сохранить достоинство.

– Ну вот и все, – прокряхтел доктор Уайландер, когда эта картинка растаяла в воздухе. – И как я раньше не догадался, что у них на уме. Я знал, что Город Времени все равно утратит равновесие, когда вернется к началу времен. И это меня, к сожалению, ослепило. Пойдемте вниз. Возьмите, пожалуйста, каждый по ковчегу.

Джонатан не без робости взял в руки серебряное яйцо в самоцветах. Вивиан обрадованно схватила тяжелую железную шкатулку – ведь она была из ее эпохи. Доктор Уайландер шагнул к стеклянной колонне.

Оказалось, что она больше не возвращается.

– Неужели часы остановились? – спросил Джонатан.

– Ненадолго, – ответил доктор Уайландер.

Колонна снова вспучилась, чтобы вместить его. Он плавно скользнул вниз. За ним последовал Джонатан, потом Вивиан. Это было совсем как подниматься по колонне вверх – так же загадочно. Когда Вивиан вышла в круглую комнату на нижнем этаже Гномона, все двенадцать дверей были распахнуты, а Годи́чный стражник сидел на полу, и вид у него был одурманенный и озадаченный. Доктор Уайландер похлопал его по плечу, когда хромал мимо.

– Ну как, полегчало? – спросил он и двинулся через переднюю дверь на площадку наверху лестницы.

С одной стороны от выхода стоял мистер Донегал в окружении дозорных. С другой – Элио, несколько запыхавшийся, а с ним Вековечный Уокер, мистер Энкиан, Рамона и еще куча народу. Сэм сидел на земле у ног матери. Вид у него был усталый, а защитный костюм и правда превратился в растрепанный клубок из узких полосок. Когда следом за доктором Уайландером на площадку вышли Вивиан и Джонатан, послышались радостные возгласы, но никто не двинулся с места. Было ясно, что никому не хочется оказываться на пути у троих Стражей. А Стражи выстроились перед дверью, будто дозорные на посту, только по ним сразу было видно, какие они могучие – ни одному дозорному такое и не снилось. Хранитель Золота медленно вышел вперед – его грубоватое лицо все сияло – и протянул доктору Уайландеру Золотой ковчег. Он был очень красивый – миниатюрная золотая модель Гномона. Когда Хранитель поднял его, золотой колокольчик на вершине ковчега зазвенел.

– Минутку, – сказал Хранителю доктор Уайландер и попросил Вивиан и Джонатана: – Если можно, верните остальным их имущество.

Джонатан бережно опустил Серебряный ковчег в узкие блестящие ладони Серебряного Смотрителя, и тот учтиво поклонился и принял его.

Вивиан вложила Железный ковчег в нетерпеливо протянутую туманную руку Железного Стража. Тот отблагодарил ее солнечной улыбкой, широченной и лукавой, но, когда он прикоснулся к ковчегу, Вивиан вдруг вздрогнула от знакомого ужаса. Тут до нее дошло, что точно так же она вздрагивала от доктора Уайландера – и не раз.

– Спасибо, – проронил Железный Страж и отошел к остальным двоим.

И они застыли, держа перед собой свои ковчеги и выжидательно глядя на доктора Уайландера.

Доктор Уайландер коротко вздохнул:

– Превосходно. Ну, начнем.

Он протянул к ним руку с яйцом времени, и трое Стражей поднесли к нему свои ковчеги. Тут Вивиан заметила, что все Стражи точно того же роста, что и доктор Уайландер, не выше и не ниже, хотя в остальном ничуть не похожие. Четыре ковчеха соединились там, где встретились четыре пары протянутых рук, замерли на миг – а потом исчезли, поглощенные крошечным яйцевидным Свинцовым ковчегом. При этом трое Стражей тоже замерцали, поблекли и словно бы втянулись в доктора Уайландера. На миг у него сделалось узкое безумное лицо Железного Стража. Потом оно исчезло, и появилось печальное учтивое лицо-череп Серебряного Смотрителя, а следом – деревенское лицо Хранителя Золота.

Самому доктору Уайландеру от всего этого было явно не по себе. Он дергал локтями и притопывал ногами, на всех четырех сливающихся лицах появился оскал – наверняка гримаса боли. Но в конце концов он весь встряхнулся, громко крикнул и посмотрел на Свинцовый ковчег. Тот посветлел, на нем проступили серебристые, бурые и золотые прожилки, а воздух вокруг заиграл бурными мощными вихрями, отчего перед фиолетового балахона доктора Уайландера весь задрожал. Доктор Уайландер кивнул с довольным видом. Он остался прежним доктором Уайландером – но не совсем. Лицо у него стало благороднее, с длинными складками по углам губ, как у Железного Стража, но с оттенком нервной учтивости, как у Серебряного Смотрителя. А подбородок стал тупым и упрямым, в точности как у Хранителя Золота. Когда доктор Уайландер неожиданно бросил острый взгляд на Вивиан, глаза у него были уже не такие маленькие, но сохранили медвежью проницательность – и по-прежнему смеялись над ней.

– Знаешь, кто я? – спросил он ее.

Он уже больше не рычал. Голос его гремел, как у Хранителя Золота, и переливался голосами Железного Стража и Серебряного Смотрителя.

– Всё потешаетесь надо мной, – отозвалась Вивиан. – Ну что ж. В вас много людей сразу. Может, со всеми так. Но я думаю, что вы, наверное, Фабер Джон.

Все остальные ахнули.

– Точно! – воскликнул доктор Уайландер. – Раз в жизни правильно ответила! Правда, она знакома со всеми моими ипостасями, которые были рассеяны по истории, чтобы удержать город на месте.

Элио поспешил вперед и опустился перед ним на одно колено:

– Фабер Джон. Мой повелитель. Я создан вашей волей...

– Ну что вы, встаньте! – сказал Фабер Джон. – Да, я и правда так велел,

только не надо за это величать меня мойповелителем. Мне сейчас надо поскорее на площадь Эпох.

Он прошагал мимо Элио и двинулся вниз по ступеням.

Все поспешили за ним – было интересно, что он собирается делать на площади Эпох, – а Вивиан отметила про себя, что он по-прежнему слегка хромает.

Когда они спускались, то увидели, что в Городе Времени царит сумятица. Вивиан уже привыкла к тому, что земля трясется, как привыкаешь к тряске в поезде, и не замечала, что дрожь постоянно усиливается. А теперь тряска разошлась не на шутку. Ступени под ногами бурно вздымались и опадали, по ним ползли трещины. Было видно, как вдали толпы перебегают проспект Четырех Веков, чтобы добраться до реки и спастись, и Вивиан их прекрасно понимала. За очередным, особенно мощным подземным толчком последовал скрежет и протяжный треск где-то справа. Вивиан повернула голову и увидела, как золотой Купол Лет кренится набок и исчезает, взметнув огромный клуб пыли. Одна из металлических арок на проспекте покосилась, а синий стеклянный купол Миллениума вдали обрушился с громким перезвоном, и голубые осколки хлынули в реку Времени.

А Фабер Джон хромал себе вперед как ни в чем не бывало.

Вивиан поймала себя на том, что полностью ему доверяет. Когда они дошли до подножия лестницы, она бросилась бежать со всех ног по вздымающейся волнами дороге и нагнала его. Джонатан уже шагал рядом с ним, и Элио тоже – он нес Сэма на руках. Сэм опирался на плечо Элио с видом героическим и самодовольным. Когда Вивиан поравнялась с ним, он наградил ее двузубой улыбкой.

– Много придется восстанавливать, – заметил Фабер Джон, обращаясь к Вивиан. – В основном всякий эрзац, который тут понастроили уже после того, как я разделился.

Что-то случилось и с механизмом, который подсвечивал радужные ленты в арках. Теперь они извивались бешеными туманными каракулями и еще и хлопали, хотя первая арка вроде бы немного пришла в себя, когда под ней прохромал Фабер Джон с яйцом времени в руке.

– А вы знали, что будет? – спросила Вивиан, когда они вышли из-под арки.

– Во многом догадывался, – ответил Фабер Джон. – Большая глупость с моей стороны – все записать и оставить в Доме Ли, где их нашла эта жадная до встрясок неудачница. Но я тогда подумал, что надо оставить потомкам хоть какие-то намеки на случай, если что-то не заладится. Не

хотел, чтобы ковчеги сгинули навсегда. Вот и оставил кое-какие документы, где более или менее точно описал, что я с ними сделал. Железный ковчег я спрятал не очень надежно, чтобы его относительно легко было найти, поскольку он самый слабый, и я решил, что даже если он попадет в плохие руки, это будет не страшно. И точно описал, где искать Серебряный, но постарался поместить его туда, где ориентироваться на местности очень трудно и, чтобы найти его, потребуются достижения науки и техники поздних этапов истории. А для Золотого перечислил три варианта местонахождения, чтобы запутать всякого, кто попытается его украсть. Большая удача, что я ни словом не обмолвился о Свинцовом. Я надеялся, что часть меня останется здесь, в Городе, и присмотрит за ним.

– А обо мне вы знали? – спросила Вивиан.

– Откуда?! Я и о себе-то не знал, – прокричал он. – Я, конечно, сразу понял, что ты самозванка. И узнал в тебе одного из хронопризраков. Поэтому решил от греха подальше взять тебя в ученицы и проследить, чтобы ты знала все самое важное. Только не проси меня решить, как быть с тобой теперь. Это епархия Владычицы Времени.

Ничего хорошего это не сулило. После этого Вивиан рысила рядом с могучей фигурой Фабер Джона молча; они по очереди прошли подо всеми арками, которые при этом чихали и оживали, и вот уже добрались до конца проспекта. Там уже почти никого не было, только пробегали к реке редкие прохожие. Когда Фабер Джон поравнялся с ними, рядом обрушился дом, и поперек дороги протянулась большая осыпающаяся груда щебенки. Мистер Энкиан испуганно отскочил в сторону.

– Энкиан, если хотите бежать из города, присоединяйтесь. – Фабер Джон показал на спешивших к реке людей.

Мистер Энкиан с тоской поглядел на реку, а потом вздернул подбородок с большим достоинством.

– Я с радостью и гордостью воспользуюсь случаем остаться и послужить городу! – отвечал он.

– Гнусная ложь! – припечатал Фабер Джон. – Нет, правда, Энкиан, если вы решите покинуть город, я вам слова не скажу.

– Ну... э... – выдавил мистер Энкиан. – Признаюсь, больше всего на свете я боюсь открытых пространств истории.

«Совсем как Джонатан!» – подумала Вивиан.

От этого она даже посочувствовала мистеру Энкиану. Возможно, и Фабер Джон тоже. Когда они перебирались через развалины дома, он сказал Джонатану:

– Если я когда-нибудь стану доводить этого человека, напомни мне,

пожалуйста, что так нельзя.

Они поднялись по ступеням между Перпетуумом и Институтами грядущей и стародавней науки. Двойные купола Институты вроде бы устояли. Фабер Джон прищурился на них с довольным видом. Перпетуум весь шатался, каждая ячейка его кособоких сот тряслась, но, похоже, держался – как будто был рассчитан на такие нагрузки.

– Хорошо, – сказал Фабер Джон. – Это все я сам построил.

И зашагал на площадь Эпох.

Она тоже ходила ходуном, но почти все здания уцелели, кроме штаба Дозора, от белого фасада которого отвалилось несколько больших кусков. На середине площади столпилось довольно много народу – все понимали, что здесь относительно безопасно. В основном это были горожане, но затесались среди них и несколько отбившихся от групп туристов и большая толпа эвакуированных детей, которые с опаской глядели на рушащиеся купола и дрожащие башни.

– Это бомбы, – донесся до Вивиан голос кого-то из эвакуированных, когда Фабер Джон устремился к толпе. – Нельзя нам здесь стоять. Нам надо в бомбоубежище.

Но при этом каким-то непостижимым для Вивиан образом по рядам туристов и горожан пронесся ропот:

– Это же Фабер Джон!

Когда Фабер Джон очутился у каменной плиты в середине площади, его окружило кольцо ошеломленных зевак, и все они, похоже, знали, кто он.

Тут Дженни оставила попытки организовать эвакуированных детей и бросилась к Джонатану:

– Ты цел! Что случилось? Что происходит, где Вив?

Она посмотрела сначала на Вековечного Уокера, потом на Рамону – и по ответным взглядам поняла, какая участь постигла семейство Ли. У нее стало такое лицо, что у Вивиан мелькнула мысль, от которой она вся похолодела: «Такое невозможно исправить. Никогда. Все кончилось очень плохо и лучше никогда не станет».

Фабер Джон остановился в нескольких шагах от груды мраморных осколков, сложил руки на груди и уставился на остатки плиты.

– Похоже, я верно рассчитал время. Пока еще ничего, но в любую минуту начнется.

И тут же земля взбрыкнула сильнее прежнего. Вивиан увидела, как высокий штырь башни Былого вдали качается туда-сюда. Она в тревоге смотрела на него, думая о хранящейся там коллекции фильмов, и чуть не

упустила миг, когда обломки камня превратились в тончайшую пыль и развеялись. Пыль колола ей лицо, будто во время песчаной бури. Вивиан закрыла лицо локтем и отвернулась – и увидела, как пыль разлетается в стороны облаками, а на месте плиты остается темный прямоугольный провал.

– О, бомбоубежище! – с огромным облегчением воскликнул кто-то из эвакуированных.

Однако миг спустя эвакуированные вместе со всеми прочими отпрянули от провала. Там что-то шевелилось – большое, медленное и довольно неповоротливое. Послышались тяжелые шаги – кто-то поднимался. Вивиан пробрал мороз по коже: она поняла, что тот, кто спал под Городом Времени, пробудился и сейчас выйдет.

Шаги заскользили, потом вроде бы нашли опору. Топ-шлеп-бум. Из проема показалась голова огромной лошади. Лошадь прядала ушами и моргала от яркого света, глядя на площадь Эпох и на череду изумленных лиц. Потом мощно налегла на передние копыта и выбралась на брусчатку, очень осторожно ставя копыта по очереди. На спине у нее была всадница в домотканой одежде – неопрятная светловолосая женщина с косой, скрученной в узел на затылке, и морщинами от вечной тревоги на лице.

При виде нее Фабер Джон просиял.

– Жена моя, Владычица Времени! – сказал он. – А лошадь зачем?

Владычица Времени тоже слегка улыбнулась.

– А что плохого? – спросила она. – Я ее нашла во время духовных странствий в Золотом веке, она была ничья. Вот и решила привести ее сюда – я ведь точно знала, что, когда проснусь, здесь совсем не будет животных.

– И правда, их нет, – ответил Фабер Джон. – Никому неохота возиться.

– Вот дурачье, – сказала Владычица Времени. – Надо поскорее доставить сюда еще зверей.

Она перекинула ногу через широченную спину лошади, словно собиралась спешиться, но осталась сидеть и окинула взглядом площадь Эпох. Джонатан и Вивиан изумленно покосились друг на друга. Они прекрасно узнали лошадь – да так, что даже стало нехорошо, – и Владычицу тоже. Это она исцелила Джонатана. Но сейчас она была не совсем похожа на женщину из Золотого века. Она была бледнее и вообще казалась человеком более сложным, как будто под городом спала какая-то очень важная ее часть.

«Какая я все-таки дура! – подумала Вивиан. – Когда я увидела спящую фигуру в подземелье, то первым делом вспомнила маму, но даже тогда не

подумала, что это женщина! Только она какая-то маленькая. Ничего не понимаю».

– Вижу, вы обеспечили городу свежую кровь, – заметила Владычица Времени, кивнув на эвакуированных.

– Ну, не совсем. Они сами сюда явились, – признался Фабер Джон. – Но я догадывался, что в нужный момент, когда настанет пора обновления, здесь появятся дети.

Владычица Времени засмеялась. И наконец спешила – съехала на землю и побежала навстречу Фаберу Джону, и было видно, как они рады друг другу – просто чудо.

– Ты все-таки добился своего, мой старый гений! – воскликнула Владычица. – Я уж думала, обновление тебе не по силам.

Как только она спешила, лошадь процокала поближе к Джонатану и Вивиан и сунулась большим мясистым носом прямо в лицо Вивиан. Как видно, она их тоже запомнила. Вивиан не знала, как с ней быть, зато Сэм сразу сообразил. Он соскочил с рук Элио и подсеменил к ним, волоча за собой тысячу полос защитной пленки.

– У меня есть мятная конфета! На! – Он сунул лошади угощение.

– Что у тебя с костюмом? Ты что, попал в шестеренки? – спросил Джонатан.

– Нет, это ставни на верхнем этаже Гномона, – ответил Сэм. – Там понижу были пики, но мне как раз хватало места, чтобы протиснуться, только пришлось очень елозить. Вы бы не пролезли. А вы как?

– Ну, самый прекрасный момент был, когда В. С. сунула масляное парфе за пазуху В. Л., – ответил Джонатан.

Сэм ухмыльнулся – но широченная двузубая улыбка вдруг сменилась тоскливой гримасой:

– Масляное парфе! Вот что мне сейчас нужно!

– Ну ты даешь! – поразились Вивиан. – Я думала, что навсегда отвadiла тебя от масляных парфе!

– Отвadiла, но не навсегда, – ответил Сэм. – На меня опять нашло.

А последнее важное событие произошло днем в Хронологе. Вивиан очень разволновалась. Во-первых, это было Дознание и Суд, и она была в числе подсудимых. Во-вторых, Хронолог при дневном свете оказался еще пышнее и помпезнее, чем ей запомнилось. У нее даже дух захватило. Он был весь в позолоте, самоцветах и росписях – от мозаики из полудрагоценных камней на полу до потолка, разрисованного под звездное небо.

Все резные кресла были заняты. Джонатан сказал Вивиан, что так почти никогда не бывает, и это ее тоже испугало. Тут были все, кого знала Вивиан, от Петулы и ее помощников до дозорных, которые арестовали Вивиан в Серебряном веке. Когда начали рушиться дома, не меньше половины жителей сбежали в историю, но все равно спасенных Наблюдателей и туристов, застрявших в городе, когда в полдень перестали работать шлюзы на реке, оказалось так много, что Годичные стражники, дозорные и всякие высокопоставленные лица в мантиях стояли по стеночкам. Там и сям в зале виднелись и эвакуированные дети. Их уже распределили по семьям, которые остались в Городе Времени, поэтому они пришли с приемными родителями: те не могли пропустить такое интересное зрелище. Теперь дети сидели, сонные, ошарашенные, и теребили свои непривычные пижамы. По многим было видно, что приемные родители балуют их сверх всякой меры. У кого не было в руках новеньких игрушек, тех укладкой пичкали конфетами.

Еще было странно и страшно, что Вековечный Уокер, сидевший на троне Вековечных сбоку, был не в церемониальных одеждах, а в простом черном комбинезоне, отчего вид у него стал очень серьезный и суровый. Пронесся слух, что Фабер Джон сказал, чтобы никто не надевал никаких мантий. А страшнее всего, конечно, был сам Фабер Джон. Под балдахином в конце зала стояли два огромных трона со звериными мордами на подлокотниках и сияющими крылатыми солнцами на высоких спинках. Джонатан сказал, что эти троны пустовали тысячелетиями, а теперь на них восседали Фабер Джон и Владычица Времени. Что бы там ни говорил Фабер Джон насчет мантий, Владычице Времени удалось надеть на него новенький пурпурный плащ. А сама она облачилась в платье цвета ночного неба.

Вековечный Уокер призвал к тишине, постучав молоточком, и открыл заседание. Потом взял золотое крылатое солнце с «Кохинуром» и торжественно подошел к Фаберу Джону, чтобы вручить его.

– Что это такое? – пророкотал Фабер Джон. – Мне им что, обмахиваться, будто веером? Или как?

Владычица Времени толкнула его в бок:

– Ты же знаешь, что это такое.

– Символ власти, – сказал Вековечный Уокер. – Полагаю, теперь вы правите Городом Времени как Вековечный.

– Нет, не как Вековечный, – объявил Фабер Джон. – У вас гораздо лучше получается возглавлять церемонии, приветствовать послов, произносить речи – я так никогда не смогу. Для всего этого мне и нужен

Вековечный. Вот и продолжайте в том же духе, Ранджит. Заберите свой символ.

– Но вы наверняка захотите поселиться в Годичном дворце, – сказал Вековечный Уокер. – Только дайте мне сутки...

– Тоже нет, – отрезал Фабер Джон. – Мы с Владычицей Времени всегда жили в так называемом Доме Ли. Теперь он пустует, так что мы туда вернемся. Но поскольку все вы, очевидно, ждете от меня каких-то проявлений царственности, я произнесу краткую речь.

Вековечный Уокер вернулся на место со страдальческим видом, который Вивиан не знала, как истолковать: то ли облегчение, то ли огорчение.

Когда он сел, Фабер Джон начал:

– Извините за неудобства. Временные шлюзы не будут работать еще три дня, пока Город Времени не утрясется и не остановится в новой точке времени. После этого он двинется по новому циклу истории. К этому времени история тоже должна утрястись, в ней образуются новые Фиксированные и Нестабильные эпохи, и, когда настанет время, мы сможем подыскать подходящие места, где разместить ковчег. Однако довольно долго город будет двигаться на полной мощности Свинцового ковчега, поэтому я пробуду с вами много сотен лет, и лишь потом мне придется снова разделить и отправиться в историю...

– В следующий раз настанет моя очередь идти в историю, а твоя – спать, – сказала Владычица Времени. – Пожалуйста, давай не будем устраивать по этому поводу очередную ссору.

– После поговорим, – отозвался Фабер Джон. – Разделяться – это совсем не весело. Вот что я хочу сказать всем вам: мы постараемся, чтобы в следующий раз все прошло лучше. Город Времени так давно взаимодействует с Фиксированными эпохами, что решил, будто и сам он зафиксирован. Мы привыкли думать только о себе, и у нас стало слишком уж уютно и безопасно. Чтобы мы это осознали, потребовалось вмешательство человека очень юного и к тому же из Нестабильной эпохи. В дальнейшем мы должны приносить пользу всей истории. Хронолог изучит, что мы можем сделать, Дозор придумает как. Понятно, Абдул? Теперь начинайте свое Дознание.

Отец Сэма встал. Прокашлялся. Помялся. Было ясно, что ему гораздо спокойнее раздавать приказы, чем выступать на публике.

– Два месяца назад Институт грядущей науки привлек внимание Временного Дозора к сильнейшим аномалиям в Первой нестабильной эпохе... – заговорил он. – Слушайте, вы всё это и так знаете. Вы же

присутствовали на моем докладе в Хронологе.

– Я – да, а Владычица Времени – нет, – сказал Фабер Джон. – Она хочет знать.

– В общем, Хронолог затребовал от Института грядущей науки полный анализ, – продолжил мистер Донегал. – Доктор Леонов все расскажет. – И он с явным облегчением сел.

Доктор Леонов, сидевший между туристом и эвакуированным, поднялся. Вид у него был диковатый, потому что он, очевидно, так и не сумел решить, облачаться в парадную мантию или нет. В итоге он надел черную пижаму с высоким белым цилиндром, полагавшимся ученым на церемониях.

– Мы провели подробный анализ. Владычица Времени должна оценить, насколько тоньше и точнее стал наш инструментарий за истекшее время.

Владычица Времени улыбнулась ему и нетерпеливо кивнула. Видимо, она рассчитывала, что от этого доктор Леонов заговорит быстро и просто. И ошиблась.

Доктор Леонов пустился в пространные рассуждения о темпоронах и хрононах, о социально-экономической графологии и пробах дней, о часовых залежах и хрононектических эффектах – и нудил, и нудил, пока почти все эвакуированные не заснули. Вивиан давно не было так скучно – с тех пор, как Вековечный Уокер в последний раз успокаивал мистера Энкиана.

– Что все это значит? – спросила наконец Владычица Времени. – Простыми словами.

– Это значит, мадам, что налицо два вида возмущений, – сказал доктор Леонов. – Оба содержат хрононы, а следовательно, представляют собой угрозу городу. Однако одно из них было локализовано в одна тысяча девятьсот тридцать девятом году, а другое распространяется на всю эпоху и значительно массивнее. Хрононы того же массивного типа зарегистрированы в двух других Нестабильных эпохах и в самом Городе Времени. Впоследствии было установлено, что их источник находится в сентябре одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, и это девочка по имени Вивиан Смит.

Вивиан вскинулась и вытаращилась на него.

Доктор Леонов сел. Мистер Донегал неохотно поднялся:

– Нам предоставили отчет, но я, разумеется, должен был прежде всего доложить о нем Хронологу, и вы там были. Я попросил разрешения, чтобы Временной Дозор встретил поезд, в котором ехала упомянутая девочка, и переместил ее в какую-нибудь Фиксированную эпоху, где ее хрононовый

заряд можно было бы нейтрализовать.

Где-то в задних рядах вскочил со своего места мистер Энкиан и откашлялся, требуя внимания.

– Должен подчеркнуть, что такой план представляется мне попросту варварским, – заявил он. – Я возражал, но при голосовании был вынужден подчиниться большинству, хотя и был счастлив обнаружить, что Вековечный Уокер для разнообразия на моей стороне. Поэтому мы настаивали, чтобы нам позволили проинспектировать приемную семью из сорок второго века, которую подобрал для девочки Дозор. Что я и сделал – за свой счет – и, обнаружив, что эта семья девочке не подходит, лично выбрал другую. После этого мы с Вековечным потребовали, чтобы нас включили в состав отряда, встречавшего поезд, поскольку тогда мы получили бы возможность донести до девочки, которая, несомненно, испугалась и растерялась бы, почему нам необходимо пойти на такой шаг. Дальнейшее, простите за калабур, уже история. Девочку мы не нашли.

Пока мистер Энкиан говорил, щеки у Джонатана пылали все ярче и ярче. Когда мистер Энкиан сел, Джонатан сгорбился на сиденье, чтобы никто его не заметил.

– Сдается мне, нам сейчас стоит выслушать рассказ Джонатана Уокера, – сказал Фабер Джон.

Джонатан медленно встал с тем же страдальческим видом, что и у отца.

– Я совершил ошибку, – сказал он. – То есть я нашел ту самую девочку, но по ошибке.

Владычица Времени засмеялась:

– Рассказывай по порядку.

– Сначала мы думали, что это увлекательные приключения, – признался Джонатан. И рассказал все как было – доступно, логично, не пытаясь ни обелить себя, ни излишне очернить.

Вивиан его зауважала. «Учится! – подумала она. – Интересно, а я?» Она посмотрела на Владычицу, чтобы узнать, что та думает. Владычица оперлась локтями о колени, а подбородком на руки и хмурилась. Фабер Джон тоже хмурился.

Когда Джонатан дошел до того места, где Элио спас их от Леона Харди, Фабер Джон сказал:

– Посиди пока. Следующую часть может рассказать Элио.

Элио вскочил. Выбежал на пяточок перед тронами и снова упал на одно колено.

– Простите меня, мой повелитель! – вскричал он. – Моя повелительница! Мне думалось, я вел себя крайне хитроумно, но на самом

деле проявил исключительную скудость интеллекта. Я заслуживаю наказания!

– Элио, – сказал Фабер Джон, – если вы не прекратите пресмыкаться, я отправлю вас обратно на завод. Я приказал создать вас к моменту обновления отчасти потому, что думал, что вы сможете предотвратить нежелательное развитие событий, но в основном ради того, чтобы у меня в ближайшие несколько сотен лет был интересный, умный собеседник. Если вы не в состоянии образумиться, я велю отправить вас на Марс, как только шлюзы заработают. Встаньте и хотя бы с виду ведите себя как мужчина!

Элио поспешно встал на ноги.

– Я же не распознал Свинцовый ковчег! – возразил он.

– А так и было задумано, чтобы его было трудно распознать, – сказал Фабер Джон. – Нельзя же, чтобы каждый встречный-поперечный тыкал в него пальцем! Соберитесь и расскажите, какова ваша роль во всем этом.

Элио и рассказал – до того места, как Дозор вернул их в город утром. Тут Фабер Джон прервал его.

– Не хочет ли Сэм что-нибудь сказать? – спросил он.

– Нет! – с жаром выпалил Сэм.

– Хорошо, – согласился Фабер Джон. – А после этого, дорогая моя женушка Владычица Времени, невзирая на то что история рушилась в пыль прямо у них на глазах, Джонатан вынудил Вивиан Смит еще раз метнуться в двадцатый век, поскольку рассчитывал поймать там свою кузину, переодетую мальчиком. Естественно, из этого ничего не вышло, поскольку история впала в критический дисбаланс и кузина уже вернулась в Город Времени. Хорошо хоть в этот раз они не взяли с собой Свинцовый ковчег. Что скажешь?

Владычица Времени немного подумала, по-прежнему опираясь подбородком на руки. Она готовилась вынести вердикт Дознания. Вивиан смотрела, как она хмурится, и чувствовала себя примерно так, как тогда, когда мистер Ли нацелил на нее пистолет.

– Пожалуй, – медленно проговорила Владычица Времени, – первым делом я займусь Джонатаном, поскольку вижу, что, если я не предоставлю Элио тебе, ты устроишь скандал. Джонатан нарушил закон. Но он гражданин Города Времени, а следовательно, не носитель хрононов, как их называет доктор Леонов, поэтому должен будет предстать перед судом Хронолога, когда Хронолог снова соберется.

Джонатан побелел. Вивиан вскочила, не дожидаясь приглашения.

– Это нечестно! – услышала она собственный голос. – Джонатан – единственный, кого всерьез беспокоила судьба Города Времени! А под

конец он даже начал учитывать всю историю!

– Абсолютно честно и справедливо, – ответила Владычица Времени с привычным для нее раздражением. – И я не сомневаюсь, что Хронолог примет во внимание мотивы Джонатана. А теперь Сэм...

– Эй! – оглушительно завопил Сэм. – Нельзя меня трогать! Я герой. Я спас Город Времени.

– Однако ты тоже нарушил закон, – сказала Владычица Времени. – Я думаю попросить Хронолог отложить суд на несколько лет, пока ты не вырастешь, при условии, что до тех пор ты не нарушишь никаких законов.

Сэм прижался к Рамоне и притих, вид у него был потрясенный.

– А теперь Вивиан Смит, – сказала Владычица Времени. – Положение у нее очень скверное.

– Я ничего плохого не сделала, – возразила Вивиан.

– Ты имеешь в виду – не хотела, – едко поправила ее Владычица Времени. – Ты что, так и не поняла? Девочка моя, ты же из истории, а значит, ты в любом случае носитель того, что наш словоохотливый доктор Леонов называет темпоронами, а при этом побывала трижды в одном и том же месте в один и тот же момент. А во второй раз еще и взяла с собой Свинцовый ковчег. В довершение всего ты скакала с ним по всей истории. Неудивительно, что в Институте грядущей науки тебя заметили! Неудивительно, что Дозор так быстро арестовал тебя в Серебряном веке! Ты перегружена хрононами, как выразился бы доктор Леонов. Всем этим я хочу сказать, что ты еще долго будешь источником возмущений и хаоса во всех уголках истории, к которым прикоснешься. Вернуться домой тебе нельзя. Двадцатый век просто взлетит из-за тебя на воздух. Пожалуй, нам придется отправить тебя к звездам. Ты согласна?

Вивиан заколебалась. Она вообще не была уверена, что человек может отправиться к звездам. Стояла и думала о доме. Но теперь ее дом стал странным местом с бункерами и радиоактивными поездами. Она вдруг почувствовала себя потерянной. Ей было некуда податься.

Краем уха она слышала, как Вековечный Уокер тоже встал и сказал что-то про «бесценное дополнение к дворцовой жизни». А потом вскочила Дженни. До этого Вивиан очень старалась не смотреть на Дженни, потому что Дженни сидела и тихо плакала по своему брату Виву. Но потом пришлось посмотреть на нее вместе со всеми, потому что Дженни пнула резное кресло и закричала:

– Великое Время! Да что ты такое несешь? Да провались ты вместе со своим Фабером Джоном! Кому какое дело, сколько хрононов у этого ребенка, прах их поberi? Мне на них плевать!

Наступила мертвая тишина. Дженни залилась кирпично-красной краской, из-под ее зрительной функции хлынули слезы. Она плюхнулась обратно на сиденье. Но Вековечный Уокер остался стоять.

Он выждал, пока кто-то не заерзал, а потом громко проговорил:

– Мы с женой требуем, чтобы Вивиан Смит осталась в Городе Времени и жила у нас во дворце. Если наше требование не будет удовлетворено, я подаю в отставку. – Он снова взял символ власти и подошел с ним к тронам. – Вот, возьмите, – сказал он. – Заниматься этим придется кому-то из вас, потому что желающих вы в городе не найдете, дураков нет.

Снова настала напряженная тишина. Потом Фабер Джон произнес тихо, но со смертельной угрозой в голосе:

– Как вам с Дженни понравится жить в Каменном веке?

– Лично мне не очень, – ответил Вековечный, – но ничего, выдержу. И Дженни тоже. Я попрошу вас взять опеку над Джонатаном...

– Нет, не надо, – сказал Джонатан. – Я с вами. Ты прав.

Элио тоже встал.

– Если таков ваш план, я тоже отправлюсь с ними, – сказал он. – Им понадобится моя помощь. А мисс Вивиан пользуется моей особой симпатией.

Тут Фабер Джон запрокинул голову и разразился хохотом.

– Ладно, – сказал он. – Пока что Город Времени выстоял под натиском Вивиан. Если что, всегда можно выстроить его заново. Что скажешь, моя Владычица Времени?

Она тоже улыбнулась:

– Это рискованно, но я согласна. Как тебе это, Вивиан?

Вивиан было приятно это слышать, но и грустно тоже.

– Мне... я буду очень рада... но... но... я очень скучаю по маме с папой.

– Это можно устроить. Там, откуда ты родом, идет война, а на войне люди сплошь и рядом пропадают без вести, – заметил Фабер Джон. И вопросительно взглянул на Владычицу Времени. Та кивнула. – Прекрасно, – сказал он Вивиан. – Пока шлюзы не откроются, мы ничего не можем сделать, но я подумаю, насколько это возможно, и сообщу тебе на ближайшем уроке.

Такого Вивиан никак не ожидала:

– Вы что, и дальше собираетесь меня учить?

– Я всегда довожу дело до конца, – ответил Фабер Джон. – Когда я уговорю тебя иногда задействовать мозг, ты, возможно, даже станешь хорошей ученицей. Приходи ко мне вместе с Джонатаном через три дня,

как обычно, в Нечастый тупик.